

Анна
Шульгина

16+

ГРАНИЦЫ
ЧЕЛОВЕЧНОГО

Анна Шульгина

Границы человеческого

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65943921

SelfPub; 2021

Аннотация

Порча, сглаз, венец безбрачия? Это будни. А вот стажёр, за царапину на котором можно лишиться не только премии, но и ценных частей тела, это праздник. Пррразднуйте, не обляпайтесь, госпожа Журавлёва! Ещё бы эта бестолочь не лезла, куда не просят... Но такие мелочи не смутят ведьму, поставленную на страже закона. Ведьма этого не просила. Закон, впрочем, тоже. Только кто ж их спрашивал...

Анна Шульгина

Границы человеческого

– Алька, там тебя спрашивают.

Я отмахнулась и углубилась в содержание документа. Нет, это не детектив, это мистическая драма.

Две недели назад, а именно – третьего мая, в семье Лемешкиных случилось страшное – наведение порчи на мужа. Причем, законной женой. Сама жена утверждала, что никакой черной магии не применяла, а, наоборот, все делалось исключительно во благо, чтобы привить супругу отвращение к алкоголю. Процесс пошел несколько незапланированно, в результате глава семейства ушел в пятидневный запой. Выведен же был из него все той же женой, выследившей благоверного в гараже и избившей нетрезвого мужа тормозными колодками от автомобиля "Жигули".

Судя по тому, что с этого дня мужчина больше не употреблял, сотрясение мозга в сочетании с переломом четырех ребер оказало намного более качественный результат. Вот вам и бытовые чудеса без магии.

– Альбина Константиновна!

Я все-таки подняла глаза на Вовку, чтобы гавкнуть в ответ, поскольку полное своё имя-отчество не любила за трудноп произносимость. Но в последний момент сдержалась, за-

метив рядом с коллегой незнакомого парня.

– Что? – Не спорю, получилось невежливо, но у меня весь стол завален бумажками вроде той, которую читала только что, поэтому настроение было так себе. И ведь по каждой из них нужно провести хотя бы простейшую проверку, а потом и отписаться о результате... Стало ещё тоскливее.

– Знакомьтесь, это Юрий, наш новый стажер, – Вовик сделал движение в сторону парня. – А это ваш куратор – Альбина.

– Доброе утро, – молодой человек удостоил меня едва заметным кивком и продолжил пристально рассматривать. Пришлось приподнять брови и выдать оскал, слегка напоминающий улыбку, чтобы молодёжь усовестилась и опустила глаза.

– И вам доброго здоровьица, – пользуясь принадлежностью к слабому полу, подниматься, чтобы пожать руку, я не стала и быстренько пресекла попытку Вовки слинять в коридор. – Владимир Сергеевич, пойдём пошепчемся.

Судя по кислой роже, шептаться коллега не особо хотел, но знал, что от черта молитвой, а от меня – ничем, поэтому понуро поплелся следом.

– Что за история с практикой?

– Сам ни сном, ни духом, позвонили с проходной, сказали, что нам прислали пополнение. Документы в порядке, придраться не к чему.

Если даже зануда Вовик не нашел, к чему придраться,

то мне в этом плане и вовсе ничего не светит.

– А почему мне ничего не сказали? И вообще, с чего ты решил, что на практику его прислали ко мне?

Робкие ростки надежды, что будущее светило правоохранителей забрело ко мне по ошибке, оказались задушены в зародыше:

– А к кому ещё?

Да уж, сколько у меня было таких стажеров за одиннадцать лет работы, и не перечесть. Практически все они потом ушли – кто на повышение, кто просто сбегал, не прельстившись романтикой жизни оперативника, а я всё оставалась на месте.

– Так что бери в оборот, учи и растолковывай, все равно бумажки уже подписаны, теперь не отобьешься.

Я не нашлась, что на это ответить, только тяжело вздохнула и перевела взгляд на украшающую дверь табличку.

"Отдел "ППП"".

Была ещё одна расшифровка нашей аббревиатуры, которую я всё никак не могу запомнить, но причастные к нашему ведомству знали её истинное значение – «Паранормальный порядок». Ага, вот так пафосно. И немного непонятно, по логике лучше уж «ПНПП». Но начальству виднее, как нас обозвать, так и живем. А разбираться приходится со всем делами, где есть вероятность магического или же просто слегка неестественного вмешательства. Хотя для тех же ведьм или магов такие происшествия в рамках нормы, но

следует помнить о хрупкой психике обывателей, уверенной в том, что все чародейское есть выдумка и сказки.

– Ладно, спасибо, теперь буду думать, что с этим стажером делать, – напоследок я кивнула Вовке и сунулась обратно в кабинет. – Эй, бедный Ёрик!

Парень повернулся и обжег гневным взглядом:

– Это вы мне?

– Тебе-тебе, кому же ещё... Открой верхний ящик стола, там стоит шкалик. Нашел?

– Да.

– Молодец, а теперь бери его, кусок ваты и дуй ко мне.

Сидящий в углу за своим столом Славка, который до этого сосредоточенно принимался к новенькому, хмыкнул и демонстративно зарылся в бумажки. Останемся наедине, обязательно мозги промою, осточертели его шутки юмора.

– Прошу, – Юрий протянул требуемое. – Где будет моё рабочее место?

Надо же, борзый какой, только порог переступил, а уже стул себе требует.

– Пока что на коврик у двери, а там посмотрим.

Парень, а по совместительству оборотень, налился краской так, что даже уши заалели, а взгляд и вовсе стал совсем уж ненавидящим. Ну, правильно, начальство для того и создано, чтобы служить объектом ненависти.

– Ладно, хватит злиться, куда-нибудь пристрою.

Менее возмущенно смотреть он не стал, но прекратил

так громко пыхтеть. Хотя и не снизошел до помощи, поэтому пририсованную маркером букву "З" перед тремя "П" я оттирала сама.

Глава 1

*"Я сама была такою триста лет тому назад"
песенка черепахи Тортиллы*

– Что ты вообще знаешь о нашей работе?

Я решила уподобиться Бабе-Яге и сначала добра молодца напоить-накормить, а в отсутствие баньки устроить легкий допрос, пока даже без пристрастия. Запасная кружка в столе для таких случаев стояла, но разговор все равно особо душевным не был, наверное, Юрий до сих пор не простил мне того выпада про коврик. Ну, ничего не могу с собой поделать, характер под каждого проходящего мальчика не подстроишь.

– Отдел открыли шестнадцать лет назад, когда стало понятно, что для магических существ нужны свои полицейские, – он пробубнил это, как заученный, и попытался откусить от овсяного печенья. Сколько оно валялось в столе, сказать не могу, но приносила его, вроде бы, после Нового Года. Вот только вопрос – этого или прошлого? – Бригады укомплектовывают так, чтобы в каждую входил маг. Или ведьма.

Тут он искоса посмотрел на меня, явно пытаюсь понять,

к какой когорте принадлежу я сама. И аккуратно пристроил печенюшку обратно, признав её неподдающейся даже зубам оборотня.

– Все верно, только тут ещё такой момент – мы занимаемся не только теми делами, в которых наверняка замешаны сверхъестественные силы, но и теми, где фигуранты – люди. Но они каким-то образом применяли магию, – я вспомнила дело Лемешкиных и хмыкнула. – Сам знаешь, сколько сейчас всяких ворожей, гадалок, бабушек-ведуний и прочей дуриловки. И даже если это чистое шарлатанство, когда человек искренне верит, что по его просьбе кого-то прокляли или навели порчу, магия может сработать. Так что не жди ничего особо захватывающего, по-настоящему интересных дел мало, в основном рутина и сплошные бумажки.

По глазам парня я видела, что он просто жаждет закрыть кого-нибудь своей широкой грудью. И желательно, чтобы закрываемой была молодая прекрасная дама. То есть не я. Да и у самого героя грудь шириной особо не поражала, но должны же быть у мальчика мечты.

– А на происшествия мы выезжать будем?

– Куда ж мы денемся...

Его стремление вырваться на волю я не только понимала, но и в чем-то разделяла, весь день просидеть, обложившись бумажками, удовольствие небольшое. Только и выезды бывают тоже разными, иногда после них и бумажки кажутся благом.

– Ладно, пока осмотришься, что-нибудь придумаю с рабочим местом.

Не то, чтобы у нас тут много объектов для любования, но пышущий нетерпением мальчик меня немного нервировал, так что пусть пока подостает других.

Юрий спорить не стал, хотя и особо довольным тоже не выглядел. Видимо, планировал ещё до обеда совершить пару героических поступков, чтобы вечером с полным правом отметить первый рабочий день. Ну, не судьба, значит, потому что меня нынче обуял приступ обострения природной лени, поэтому будем безвылазно сидеть в отделении. Да и спина после вчерашней прополки грядок ещё ныла. Именно в такие дни начинаю сомневаться, такое ли это благо – иметь частный дом в городской черте?

Пока я размышляла о перспективах себя, как дачной хозяйки, Юрий прошелся по общему кабинету, сопровождаемый ленивыми взглядами сотрудников. Больше всех усердствовал все тот же Славик, природа которого просто требовала выяснить, кто тут главный. Но совесть не позволяла связываться с малолеткой. Эх, эти волки такие волки... Во всяком случае, насчет Славика уверена, а вот с новеньким этот вопрос ещё не ясен до конца. Грации кошачьих в нем нет, вряд ли рысь. И на нашего начальника тоже не похож, так что, скорее всего, у нас появился новый волчонок.

Пользуясь тем, что Юрий на меня не смотрел, быстренько окинула его взглядом. Одет неброско, но и не в китайский

ширпотреб. Идеально чистые туфли. Тут я глянула на свои потрепанные, но такие удобные кроссовки и почти завистливо вздохнула. Нет, завидовала я не наличию у него хорошей обуви, а умению быть аккуратным. Меня вот в таком виде куда выпусти, через полчаса пропылюсь, а если одежда будет светлой, то и пятен наставлю. Свинья это не только год рождения, но и сама моя суть.

Ладно, хватит на ребенка глазеть, а то решит ещё, что у меня на его счет развратные мысли.

Прозрачная папка-файл, которую стажер положил на угол стола, занимала ничуть не меньше, поэтому я полезла в неё. Все равно альтернатива только тормозные колодки или ещё что-то настолько же захватывающее.

Так, Воропаев Юрий Алексеевич, двадцати двух годков от роду... бла-бла-бла... окончил школу в таком-то году... снова бла-бла-бла... Интересно, на кой черт было перечислять все достижения в спорте? Ладно бы это был бокс или стрельба, но настольный теннис ему в нашей работе вряд ли пригодится.

Закончив изучать документы, я резюмировала, что паренек в будущем году заканчивает юрфак, вот и прислали его перенимать драгоценный опыт. Ничего необычного, но у меня упорно чесался кончик носа, а это уже не шутки.

– Журавлева, тебя Потапыч вызывает, – Наташка, моя соседка справа, забежала в кабинет, явив взору отекий красный нос и немного заплывшие глаза. Да и сип, которому она

безуспешно пыталась придать нормальное звучание, намекала на телесную хворь.

– Привет, сейчас приду. Ты чего такая красивая? – Срываться с места я не торопилась, надеясь, что болеть коллега собирается дома, не делаясь бациллами с коллективом. А значит, есть вероятность усадить Юру на её место, пока недужная будет лечить сопли.

– Мороженого переела. А может, протянуло. Не знаю, короче, – она неинтеллигентно шмыгнула носом.

– Больничный дали?

– Ага, – она порылась у себя в ящичке стола и закинула что-то в сумку. – Всё равно мне через пять дней в отпуск, так что прощевайте.

– Можно я пока на твоё место добра молодца посажу, а? Сама знаешь, больше некуда, мне бы устроить так, чтобы на глазах был. Заблудится ещё, с меня потом и спросят...

Это были не напрасные тревоги – поотрывать руки архитектору мечтали все новички. В хитросплетении наших коридоров, проходных комнат, комнатушек, кладовок и закутков кто-то постоянно терялся, поэтому в обязанности последней пташки, покидавшей рабочее гнездо, входил обход территории. Мало ли кто там из посетителей прикорнул за углом, отчаявшись найти выход.

– Ладно, только, чур, в моих документах не лазить и стул не ломать. Проклянущу.

– "Кто спал на моей кровати?", – прогундела я, пытаюсь

передразнить Наташку. – Я прослежу, не боись. Иди уже, пока никого не заразила.

Справедлив болезную, я уже хотела лететь на зов начальника, когда все тот же Юра, получив в распоряжение рабочее место, встал у меня на пути.

– Что мне делать?

– Ты смотри, на ходу подметки рвет, – Славик хмыкнул, ехидно и с некоторым превосходством глянув из своего угла.

Комментарий снова вогнал новичка в смущение, хотя уже и не такое заметное. Но мне все равно стало жаль инициативного мальчика. Проклятый материнский инстинкт.

– Ты сам ещё пару лет назад таким же был, так что хватить ржать, – этим я нашего офисного волка если и не укорила, то хотя бы завуалировано попросила не лезть не в свое дело. А то ж я и припомнить некоторые подробности его собственной стажировки могу, дело дурное не хитрое. – Если у тебя такой творческий зуд, то держи.

На столешницу легли флешка и несколько пухлых папок.

– Это что? – Юрий нарочно медленно и почти небрежно коснулся одной из папок пальцем, безуспешно путаясь замаскировать рвущийся наружу энтузиазм, чем окончательно меня умилил.

– На прошлой неделе была попытка ограбить ювелирный салон в торговом центре "Азимут". Попытка провалилась, взять ничего не успели, зато грабителей повязали. Оба они – люди, наши их проверили вдоль и поперек.

– Тогда почему дело у нас? – В глазах начало проступать разочарование. Да, это тебе не перестрелка в центре города и даже не массовая драка на шабаше.

– Потому что охране и двум продавцам отвели глаза. Вернее, попытались – у одной из девочек оказался иммунитет к этому делу, она и подняла шум. Тебе предстоит прочитать все свидетельские показания, просмотреть запись и понять, кто из присутствующих – ведьма. Или ведьмак.

– А почему не маг?

– Тааак... Тебя кто-нибудь учил основам магии? – Я уже заранее затосковала, хотя дело не просто обычное, а закономерное – оборотни магией не владели. Вообще. Наверное, природа так решила уравновесить, чтобы никому слишком жирно не показалось.

– Да, отец.

Ага, тогда все ясно.

– Ладно, сегодня времени нет, завтра проведу краткий ликбез. – Всё равно лучше потратить несколько часов, растолковывая элементарное, чем потом каждый день разгребать его косяки. – Поверь, мы ищем не мага. Сейчас у меня нет времени, приступай, вернусь – отчитаешься о проделанной работе.

И ушла, пока до Воропаева не дошло, что в свидетелях почти шестьдесят человек, поэтому ковыряться ему и сравнивать показания до утра. Ну, так никто за язык не тянул, сам напросился.

Берлога нашего Потапыча не поражала воображение, но каждый поход в неё запоминался надолго. Например, потому что сюда по хорошему поводу не звали. Начальство предпочитало раздавать пряники прилюдно, а люли наедине, чем радовало подчиненных. Зато каждое приглашение поговорить с глазу на глаз грозило неприятностями.

Не скажу, что боялась, все-таки ничего особо преступного в последнее время не совершала, но определенная доза волнения присутствовала.

– Заходи, чего как бедная родственница, – Потапыч, наплевав на неподходящее для его внешности и должности занятие, поливал роскошный папоротник.

– Думаю, в чем начинать каяться.

Потапыч хмыкнул и кивнул на стул.

– Что нового в нашей богадельне?

– А то вы сами не знаете...

Вот в чем-чем, а в его осведомленности я никогда не сомневалась. Был бы невнимательным лопухом, давно бы с места полетел. Но ведь держится же до сих пор, значит, всё путем.

– Сегодня должен один мальчик прийти, – Потапыч спрятал ярко-зеленую лейку в стол и уселся напротив меня. – Не простой мальчик.

– Угу.

– Чего «угу»? Я ей про предстоящий геморрой, а она под филина косит.

– «Угу» в том смысле, что уже пришел. Юрий Воропаев? – Вот ведь зараза, а не шеф, сколько под его руководством работаю, а под пристальным взглядом так и тянет поерзать.

– Надо же...

Я не совсем поняла, чему он так удивляется.

– Так рвется произвести впечатление на куратора, дело привычное и нормальное.

Кто-то, коротко стукнув в дверь, сунулся в кабинет, но, заметив кислое выражение лица Потапыча, тут же сгинул обратно. Ну, правильно, я бы тоже предпочла удрать, но ведь не отпустит же. К тому стало интересно, что это за практиканта мне подсунули, раз даже наше обычно невозмутимое начальство в таком душевном раздрае.

– Аля, ты меня не разочаровывай, давай уже, включай мозги-то, хватит дурачиться. Фамилия знакомой не показалась?

А черт его знает, я каждый день столько паспортных данных вижу, что каждую запоминать никакой памяти не хватит. Но раз Потапыч на его ФИО возбудился, то тут что-то нечисто.

Так, значит, как его зовут, знаю, возраст, видовая принадлежность...

– Да не может такого быть! – Получившийся результат меня не порадовал. Правильно говорят, что все горе от ума. Или от его видимости.

– Можешь же, когда хочешь, – Потапыч хоть и улыбнулся,

но печать заботы с лица так и не ушла. – Я уже хотел пригрозить премии лишить, если не догадаешься.

– А она в этом месяце будет?

– Баба и есть баба, как о деле, так еле шевелится, а как о деньгах, так сразу оживилась.

– Ну, знаете ли, практикант общественный, а премия моя личная.

– Тоже правильно. Чай будешь?

– Давайте.

Остается только надеяться, что печенье у начальства все-таки посвежее, чем у меня.

– А зачем его к нам прислали? – чай оказался крепкий и горячий, с терпковатой ноткой бергамота, поэтому я кайфовала, нюхая напиток и пытаюсь начать думать в правильном направлении.

– Алексей Егорыч мой давний знакомый, попросил присмотреть за парнишкой.

Очень хотелось предложить тогда самому за волчонком и побегать, но промолчала. Если Потапыч что-то решил, переубедить почти невозможно. Да и просто так он ничего не делает, так что пока лучше голос не подавать.

– И в чем подвох? – Я не сдержалась и потеряла нос, а потом приглушенно чихнула, в последний момент успев прикрыться ладонью. Потапыч мгновенно насторожился и даже набычился, пристально на меня глядя. – Да ничего такого, простой чих. Может, Наташка вирусом поделилась...

– Ты мне это брось! Никаких больничных и отгулов. Тебе мальчонку доверили, нечего соплями прикрываться. Точно ничего не чуешь?

В ответ дернула плечом, предлагая переходить от прелюдии к самому действию.

– Если совсем кратко, твоя задача: не дать пацану влезть в какое-нибудь дерьмо. А ещё показать нашу работу со всех сторон. Особенно с отрицательных.

Я даже поперхнулась чаем. Это что сейчас было?

– Эээ?..

– Недогадливая ты сегодня, – Потапыч, а в миру Максим Сергеевич, укоризненно покачал головой, но смотрел по-доброму. – Не хочет папа, чтобы единственный ребенок увяз в нашем болоте. А романтизм так и прет, мальчонка упертый, на конфликт пошел. Так что ты должна расписать всё в самых черных красках.

Капец.

Нет, я, конечно, могу и такое, но... А, ладно, все случается в первый раз. Но пацана стало немного жаль. Кто знает, может, он Мегре от оборотней, а тут легким росчерком пера (или парой литров пива в баньке) его этого пытаются лишить. Прямо родительский беспредел.

– Ты чего насупилась? – Знавший меня не один год Потапыч сразу уловил ход мыслей. – Если решила открыть мальчонке глаза, то зря. В том смысле, что он и так всё знает, а ты нарвешься на конфликт. Никакого повышения.

– А оно мне когда-нибудь грозило? – Тема больной уже не была. Хотя ещё несколько лет назад я воспринимала это предельно остро. А потом смирилась, нашла в нынешнем положении вещей определенные плюсы и просто забила на всё, решив получать удовольствие от того, что имею. – Ладно, я поняла, нюансы уяснила, пойду инструктировать молодое поколение.

– Ты только это... Сильно не зверствуй. Нам его надо вернуть целым и невредимым. И в плане психического здоровья – тоже.

– Это я посмотрю на его поведение. Главное, чтобы он сам не дурил, а то унюхает ещё во мне свою единственную нареченную, куда мне потом его девать, усыновлять, что ли?

На лице Потапыча проступило ярко выраженное осуждение, поэтому выходила из кабинета под его бормотание:

– Поначитаются всякой дряни, а честному оборотню потом хоть сквозь землю проваливайся...

Глава 2

«У девчонок всё можно узнать по лицу – выдержки у них никакой»

Марк Твен «Том Сойер»

Распластанный на стене лист ватмана расцветал красными точками все гуще и гуще. Что Юрий делает, я примерно

представляла, но стало интересно, как он это обоснует.

– Что за полотно импрессиониста?

Стажер с заметным трудом сдержался, чтобы не передернуть плечами с просьбой не отвлекать идиотскими замечаниями, но до ответа снизошел:

– Это те, чьи показания я уже проверил.

– А синие?

– Свидетели, которые вызвали подозрения.

– Ммм...

Дальше продолжать он не стал, я тоже приставать не собиралась. Никому не нравится, когда во время работы кто-то стоит над душой, пусть ребёнок потренируется. Тем более что в разрез с распоряжением начальства это не шло – нет ничего нуднее и тоскливее, чем перебирать кипу бумаг.

Расположение столов позволяло мне, не напрягаясь, наблюдать за его мозговым штурмом, спасибо за это дорогому начальству. Хотя Потапыч рьяно отнекивался, но наш отдел очень напоминал забугорный полицейский участок, только с родным колоритом. Стекло, отделявшее общую комнату от кабинета начальника, было вечно захватано и покрыто отпечатками, линолеум вытерт чуть не до дыр, а в кофемашине заканчивались то стаканчики, то кофе, а иногда в недрах аппарата что-то рычало и тархтело. Поэтому все сотрудники сходились во мнении, что лучше бы Потапыч не интерьер копировал, а в их зарплатные ведомости заглянул.

Пока практикант ломал мозги и тренировал память, я до-

делала кое-что по мелочи и, пользуясь сегодняшним затишьем, полезла на любимый сайт, вдруг там кто-то выложил новые схемы для вышивания. Да, грешна, но можно же и на работе расслабиться.

– Ой, смотри, застучает тебя начальство.

От неожиданности я втянула голову в плечи и почти сползла под стол. Славик, скотина бесшумная...

– На цепь бы тебя.

Напарник обижаться не стал и сунул мне в руки огрызок бумажки.

– Труба зовет, хватит отсиживаться.

Кто бы знал, насколько лень было подниматься, но дело прежде всего, поэтому нехотя встала, буквально спиной чувствуя, как напрягся Юрий. Но под руку пока не лез, молодец, хоть какая-то выдержка есть.

– Чего притих? Давай рысью за мной, если не хочешь остаться здесь, – дослушав Славика, я направилась к двери.

Догнал стажер мгновенно, словно рванул с низкого старта, молча маяча за правым плечом.

– А теперь слушай сюда – вперед не лезешь, с умными комментариями не пристаешь, делаешь, что скажу. Всё понятно?

– Да.

Вот и хорошо, потому что не хватает только постоянно дергаться, чтобы Юрий не потерялся и не успел куда-нибудь вляпаться.

И хотя он всячески старался не отвечивать, но при виде моей «девятки» скривился так, словно куснул лимон.

– Не бойся, она на ходу и даже не разваливается во время движения.

Вряд ли объяснение его успокоило, но от комментариев удержался. И, кстати, совершенно зря он так корчил рожи в сторону моей ласточки. Да, на вид неказистая, пороги чуть ржавчиной побиты, да и смятый задний бампер эффективности не добавлял, но вот ходовая у неё в прекрасном состоянии. Сашка, мой последний бывший муж (тьфу-тьфу-тьфу, чтобы не сглазить!), пару месяцев назад её до винтика перебрал, так что на ближайший год я совершенно спокойна.

– Куда мы направляемся?

Чувствовалось, что его расстраивает отсутствие мигалки на крыше. Да и сам факт поездки на моем ведре с гайками серьезно напрягал. Видимо, для геройской натуры такой способ передвижения почти оскорбителен.

– Знаешь старое кладбище за частным сектором в Северном микрорайоне? Вот туда и едем.

Практикант напрягся, поди пойми, от чего именно – от места назначения или от того, что пришлось обгонять мусоровоз через две сплошные. Это при том, что чуть дальше обычно дежурили гайцы. Но сегодня звезды были на моей стороне, и на правонарушение никто внимания не обратил, благо, ребята уже поймали несколько жертв и теперь оформляли протоколы.

– Кто решает, что выезжать нужно работникам именно нашего отдела? – Юра прекратил глазеть по сторонам и начал приставать с вопросами.

– Если речь идет о кладбищах, нас привлекают всегда. И неважно, вандалы ли там развлекаются, или же кто-то решил провести темный ритуал. В случаях, если это может быть преступление с применением магии, мы присутствуем неофициально, проверяя издала.

– Как?

А вот это уже мой профессиональный секрет, но что мешает сказать правду так, чтобы её сочли за издевку:

– Носом чую.

Юра хмыкнул и явно не поверил. Зря, между прочим, но с этим разберемся попозже.

– Вам Лапшин сказал про моего отца?

Поначалу я даже не поняла, про кого он говорит. А потом дошло, что это он про Потапыча. Вот сразу понятно, давно у нас этот работник или нет – через полгода фамилия начальства из памяти практически выветривается.

– Да.

– И?

– И ничего. В каждой семье свои заморочки, ваши ничуть не лучше и не хуже, чем у остальных, – пришлось закругляться, потому что старая ограда, почти полностью скрытая зарослями разлапистых кленов, уже маячила впереди. – Давай сразу договоримся – психоаналитиком я у тебя работать

не собираюсь, так что на уши приседать не стану. Намеренно мешать тоже не планирую. Если что-то хочешь узнать, прямо спрашиваешь, при условии, что это не несет для тебя непосредственной угрозы, отвечу, а дальше смотри сам. Я тебе не мама, чтобы хвосты заносить. Короче, не будешь дурить и задирать нос, окажу всю возможную помощь, а с отцом разбираешься сам. Устраивает?

– Полностью, – впервые за эти несколько часов Юра улыбнулся и пожал мне руку, стараясь сильно не сжимать ладонь. – Так что тут происходит?

– Шум, странные звуки и смех, который характеризовали как «сатанинский». В общем, нормальный день в нашем уютном городке.

– А разве ритуалы проводят днем? – Стажер на удивление мягко закрыл дверь, чем заслужил ещё один плюс в карму. – Они же не будут действовать...

– Я тебе больше скажу, это кладбище вообще не подходит для ритуалов, так что, скорее всего, здесь не наши клиенты, – я поторопилась зайти в тень старых каштанов, из которых состояли здешние аллеи. Тишина и благодать, к тому же тут оказалось на удивление чисто – аккуратно подметенная старая плитка, кое-где отливающая коричнево-зеленым мхом, покрывавшим большинство надгробий и оград. Разве что искусственные цветы порой резали взгляд излишне ядерной раскраской, вводя в заблуждение пару крупных бабочек, плясавших между крестов. Пастораль...

– Почему? – Стажер держался рядом как приклеенный, с любопытством оглядываясь и принюхиваясь. – Разве не все кладбища для этого подходят?

– Нет, причем, далеко не все. Дело не в том, что здесь кого-то закопали, это просто место, где находятся захоронения. Раньше кладбища устраивали там, где пересекаются силовые линии, дураков, желающих на таком пересечении поселиться, не так много, – мы направились в самую старую часть, где имелся старый склеп, неизменно будоражащий воображение местных мальчишек. – Даже человек, в котором нет абсолютно ничего колдовского или ведовского, чувствует постоянную тревогу и нервозность.

– Это же старое кладбище, почему его построили здесь?

– Ай-яй-яй, стыдно не знать историю родного города. Здесь когда-то был каменный карьер, который через пару десятков лет истощился. Вот и решили – чего добру пропадать? – Впереди слышались непонятные звуки. – Живо на землю!

Поскольку отрок моим словам не внял, пришлось положить ладонь ему на загривок и помочь опуститься.

– Что там? – Шепот оказался почти театральным, но уже хорошо, что хотя бы попытался понизить голос.

– Пока не знаю, но оно мне заранее не нравится.

Нос не просто чесался, а нестерпимо зудел. Такое впечатление, что вот-вот чихну, чих же все не получается. Мерзостное ощущение. Но это ладно, перетерплю, сейчас надо

понять, что там происходит.

– А может...

– Сиди и не рыпайся.

Я устроилась рядом с парнем, размышляя, что делать. Тут справедливо изречение «не пойман – не вор», поэтому или стоит все-таки пойти на разведку боем, или же дожждаться, когда всё утихнет. Ну, а что, тоже вариант. Свои способности мне применять нельзя, про Юрины и вовсе лучше забыть, не хватает только, чтобы прямо посреди кладбища возник волчонок-переросток.

– Побудь здесь, я сейчас, – раз уж я назначена старшей, то приходится соответствовать. Хотя очень хотелось плюнуть на разборку местных ведьм и уехать домой. Пусть хоть патлы друг другу повыдергивают, не такая я дура, чтобы лезть в скандал двух представительниц моего же пола. Чревато это.

Стажер решение не поддерживал, о чём и попытался заикнуться, но, напоровшись на предупреждающий взгляд, замолчал. Благословения я от него, естественно, не дождалась, поползла так. Ну, или сделала вид, что ползу, потому что джинсы только из стирки. Пришлось шустро передвигаться почти на четвереньках, стараясь не попасть на глаза враждующим сторонам.

Они, эти стороны, обе были мне знакомы, хотя подружками ни одну, ни вторую я назвать бы смогла при всем желании – ведьмы патологически не любят товарок. Единственное исключение составляют члены одной семьи. Но даже в этом

случае к рассерженной ворожее приближаться стоит медленно и осторожно.

– Дамы, может, вы переместитесь куда-нибудь в менее людное место? – Воспользовавшись перерывом в словесной баталии, я подала голос, пользуясь прикрытием большого мраморного креста, покрытого пятнами лишайника. И сама поморщилась от невольного каламбура.

В ответ на предложение низенькая толстушка с заплетенными во множество черных косичек волосами резко повернулась в мою сторону и сделала замысловатый пас руками. И только потом, узнав, ойкнула и прикрыла рот ладонью. Но это уже не помогло, и я почувствовала, как щиколотки обвивают невидимые путы.

Неприятно, да и сжимают сильно, но ничего страшного в этом нет, обычная ворожба, к тому же не особо талантливая, при желании я могу это сделать гораздо эффективнее.

Пока я растирала освобожденные от ловушки икры, вторая из ведьм, уперев руки в тощие бедра, забыла про недавнюю противницу и сосредоточилась на новом объекте:

– Ты что здесь забыла? У нас приватная беседа.

Толстушка согласно мотнула головой и встала плечом к плечу с недавней врагиней.

– В курсе вашей приватной беседы не только магический патруль, но и обычные люди. Если я правильно помню, у тебя, Варвара, уже есть два предупреждения. – Подходить я не спешила. Воздух постепенно утрачивал ту самую густоту, от

которой у меня грозил вот-вот начаться насморк, да и ведьмы больше не пытались ворожить. Уже хороший знак. – Напомнить, что будет, если получишь ещё одно?

– То же, что случилось с тобой, – Варвара в ответ ухмыльнулась, но прежней бравады уже не было. Ну, хоть до одной достучалась, осталось усюветить вторую, а это, к сожалению, гораздо труднее.

– Вот именно. Если не хочешь оказаться на моём месте, быстро собрались и разбежались по домам.

– Альбина, лучше не лезь, – Регина, в отличие от соперницы, в глазах правоохранительных органов ещё не провинилась, поэтому была понаглее. – Мы сами разберемся, лучше уходи, ты наши правила знаешь.

Ага, ещё бы я их не знала, если родная прабабка участвовала в их создании.

– Не вопрос. Я сейчас уезжаю, вы продолжаете свою разборку, на шум приедут обычные полицейские. Естественно, дело всё равно передадут нам. Дальше продолжать? Вы, конечно, можете и дальше бузить и даже применить магию против простых людей. За это на способности Варвары будет наложен блок. Года на два. Тебя, Регина, поскольку попала в первый раз, лишат способностей на месяц. Ещё хочется со мной поспорить?

Желающих не нашлось, что, безусловно, порадовало. Соглашаться они тоже не спешили, искоса переглядываясь между собой, выжидая, кто же первым струсит.

– Ну, и хрен с вами. – Как ни странно, именно Регина отвернулась и направилась на выход с кладбища.

– За вон тем надгробьем сидит мой стажер, не споткнись, – я кивнула на кусты возле массивной плиты, где оставила Юру.

– От тебя не то, что мужья, даже стажеры убегают. Нет там никого.

Слова профилактической беседы, которую я собиралась провести с Варварой, мгновенно вылетели из головы.

– Ладно, я с тобой потом свяжусь, – отмахнувшись от оставшейся провинившейся, поспешила в наши засадные заросли. И куда понесло этого недоумка?

Я повертелась на месте, пытаюсь понять, в какую сторону бежать, чтобы успеть перехватить Юру. Не то, чтобы здесь было настолько опасно, всё-таки мы не в глухом лесу темной ночью, и всё же...

Приглушенный крик донесся из центра кладбища, туда я и припустила, непочтительно перепрыгивая через надгробья и мысленно принося извинения их владельцам. Не думаю, что они будут сильно возражать, но кто знает, вдруг появится у нас в городе суперсильный некромант, поднимающий нежить, а там на меня уже и зуб готов. Хотя для того, чтобы воскресить что бы то ни было, выложиться нужно настолько, что, скорее, сам сдохнешь, чем оживишь какого-нибудь жука.

Миниатюрная козья ива расплзлась настолько, что почти

полностью накрыла вход в склеп. Но не кусты и не приоткрытая дверь последнего пристанища местных аристократов меня занимали, а сидящий на дорожке парень.

– Ты как? – прежде чем орать и физически воспитывать, я осмотрела выданного мне под отчет стажера. Вроде, ничего, разве что нос разбит, да наполовину оторванный воротник ветровки испачкан кровью. Ну, и светлые брюки все в грязевых разводах, разбавленных зелеными следами от травы.

– Нормально, – Юра, стараясь незаметно опереться на соседний крест, встал на ноги, с сомнением оглядев свою одежду, явно желая отряхнуться. А потом махнул рукой, понимая безнадежность этого мероприятия.

– Тогда какого хрена ты поперся сюда, когда я сказала сидеть на месте?! – Мой вопль заставил замолчать скачущих среди листвы воробьев, а неподалеку кто-то охнул, а потом тихо заскулил, сбившись под конец на совсем уж жалобную ноту.

Стажер сделал знак помолчать и что-то попытался объяснить на пальцах. Его пантомима мало что прояснила, поэтому я полезла проверять, кто затаился в соседних кустах.

Двое пацанов лет двенадцати как раз старательно ерзали, пытаясь освободиться от петли ремня, которой их связал мой новоявленный помощник. Конечно, они бы и стреноженными удрали, но ствол дерева, к которому и были прикованы, этому сильно мешал.

– Это что за детишки?

Мальчики завозились активнее, старательно не поднимая на меня глаза.

– Они пытались поднять могильную плиту в склепе.

– Зачем?!

Юра философски пожал плечами и поморщился, тронув нос, предоставляя мне право провести допрос.

– Колитесь, молодое поколение, чья идея была поиграть в Тома Сойера?

– Мы вообще просто мимо проходили!

– Да!

Киндеры заверещали на два голоса, жалуясь на наш произвол, после чего пошли вялые угрозы и намеки на ого-го каких крутых пап, старших братьев и просто знакомых.

– Так, ладно, раз признаваться не хотите, поехали в отделение, узаконим и запротоколируем наши отношения. Пока вы будете общаться с инспектором по делам несовершеннолетних, я поговорю с вашими родителями, у них как раз будет время замочить розги, встретят вас из «обезьянника» по всей форме.

После этого мальчишки резко утратили боевой настрой и начали каяться. Чьей идеей было влезть в склеп и посмотреть, что в нём хранится, мы там и не узнали. Идти ночью было страшно, к тому же кто их в такое время отпустит, поэтому юные гробокопатели пошли на дело днём. И были неприятно удивлены людностью обычно пустынного кладбища. Ни скелетов, ни призраков они не обнаружили, разве что слы-

шали какой-то шум и женскую ругань, на которую не обратили внимания. Зато в процессе «вскрытия» один из отроков уронил себе на ногу монтировку, и именно его вопль услышал Юра. И, естественно, кинулся проверять, кто там мучает ребёнка.

Особого вреда, кроме ушибленного большого пальца одного из хулиганов, они нанести не успели, да и встреча с правоохранителями в таком тихом и уютном месте точно надолго отобьет охоту страдать фигней.

– Статьи за играющее в попе детство у нас пока нет, поэтому живо разбежались по домам. Если узнаю, что вы продолжаете чудить, родителям сообщать не стану, выпорю сама. Давайте-давайте, поскакали, пока я не передумала. Лучше бы за компами сидели и в танчики резались, – я проследила, как пацаны припустили в сторону тщательно законспирированной дыры в ограде, а потом повернулась к Юре. – Если думаешь, что сам намного лучше их, то ошибаешься. Я дала чёткие указания, ты сейчас мой подчиненный. И если продолжишь страдать ерундой, никакой папа тебе не поможет. Уяснил?

Стажер недовольно нахмурился, наверное, считая, что выдал зверскую гримасу. Блажен, кто верует.

– Что с лицом и одеждой?

– Ерунда, сейчас всё заживет.

– Это само собой, на тебе же, как на собаке, но на вопрос ответь, – я развернулась и пошла на выход, надеясь, что боль-

ше не встречу ни одного недоумка, из-за которого задержусь тут ещё хоть на минуту. Удивительно, но надежда оправдалась, потому что единственный оставшийся на территории кладбища полудурок понуро брел следом за мной. – Запнулся о корень дерева?

Судя по тому, что сопение приобрело оттенок уязвленно-го самолюбия, угадала с первого раза.

– Дурдом... Ладно, на первый раз прощаю, – ага, можно подумать, у меня выбор есть, – но если это снова повторится, напишу отказ и попрошу перевести тебя в архив. Будешь там рыться в старых делах и глотать пыль. Уяснил?

– Да, – процедил он это сквозь зубы, но я не гордая, сгодится и так.

– Вот и молодец. А теперь поехали в гости к злой ведьме, которая разденет тебя и злостно надругается.

К тому времени за ограду мы уже вышли, поэтому я могла насладиться выражением удивления и ужаса, отчетливо читаемых на лице Юры. Он даже притормозил, не решаясь приближаться к моей ласточке.

– В смысле?

– Лезь в машину. Заедем ко мне домой, постираю твои шмотки, не в таком же виде в отделение ехать.

– А что там было под надругательство? – Не то, чтобы он полностью успокоился, но дверь открыл.

– У меня нет мужской одежды, поэтому пока побудешь в моих вещах. И если будешь себя плохо вести, сфотографи-

рую и выложу в соцсети.

Не знаю, впечатлила ли его эта угроза, но всю оставшуюся до моего дома дорогу Юра промолчал.

Глава 3

«Первый ход – E2-E4, а там... А там посмотрим»

к/ф «12 стульев»

Надо сказать, что жила я в живописнейшем местечке. Насколько знаю, строительные компании уже давно облизываются на этот оазис деревенской экзотики посреди шумного города. Проглотить же мешают два момента – домовладельцы из числа пенсионеров, которые плевать хотели на коммунальные удобства и готовы носить воду в лютый мороз от колодца, и умельцы-мелиораторы. Если с аборигенами все понятно, то последние, пытаясь осушить пару небольших солончаков за оврагом, добились того, что и на огородах, припкнувшихся за домиками, тоже подозрительно зачавкало. А владельцы погребов во время весеннего половодья теперь могли насладиться брачными играми тритонов, не выходя из собственных домов.

Пятистенок, стоящий на небольшом пригорке, мне достался от бабушки. Поскольку старушка уже больше десяти лет, как почила, тут следует желать Царствия Небесного, но

Матрёна Никитична была столь сложна характером, что в её пребывании среди Куш я как-то сомневаюсь. И стараюсь обходиться более обтекаемым – земля ей пухом. Не подумайте, будто я настолько неблагодарна, что, получив наследство, тут же принялась очернять память усопшей, с этой задачей бабуля прекрасно справилась без посторонней помощи. Даже сейчас, через столько лет после того, как её не стало, дом предпочитают обходить стороной, сплевывая через левое плечо. Мне это только на руку, избавляет от нежелательного любопытства.

Приткнув «девятку» перед воротами, я отстегнула ремень безопасности и скомандовала стажеру:

– На выход.

Юрий не торопясь выбрался, продолжая крутить головой в попытке всё рассмотреть и запомнить.

– Может, стоит убрать машину с дороги?

– Там дальше тупик, а у бабки, живущей за мной, нет даже велосипеда.

Видимо, ответ удовлетворил, во всяком случае, приставать с проблемой парковки он больше не стал. Зато не отказал себе в удовольствии подоставать другими вопросами:

– Вы давно здесь живете?

– Лет восемь, – тихо скрипнув калиткой, я отступила, чтобы пропустить дорогого гостя, который почти татарин. – Иди вперед по дорожке и никуда не сворачивай.

– По идее, это должны быть мои слова, – Юрий нежи-

данно улыбнулся. Неожиданно в том плане, что так жизнерадостно скалиться, стоя на пороге ведьминского дома, может не всякий. – А почему вы пошли работать в полицию?

– Ты ещё про зубы спроси. Сейчас снимешь одежду, я её застираю и повешу на солнце, за час должна просохнуть. И не забывай, нам ещё рапорт писать.

Полосатая корноухая кошка, отдохавшая в тени зарослей лилий возле крыльца, проводила нас недовольным взглядом, но потом вспомнила, кто тут хозяин, и неторопливо удалилась за куст черной смородины. Насколько знаю, у неё там лаз к соседям.

– И что в нем надо написать? – Стажер, оказавшийся в прихожей, старался не особо заметно глазеть по сторонам, но от любопытства у него даже слегка шевелились уши.

– Зришь в корень. Надо написать, что к нашему прибытию на кладбище было тихо и благолепно, как на кладбище. Такая вот тавтология, – я разулась и, вступив в тапки, протянула руку. – Куртку давай.

– А почему не написать так, как было на самом деле? – Закончив приглядываться и принюхиваться, Юрий с легким разочарованием на лице повернулся ко мне. Видимо, он ожидал увидеть натуральную избушку на курьих ножках, а оказался в самой обыкновенной гостиной. Даже без так привычного взгляду серванта, вместо этого памятника совдеповской роскоши одну стену у меня занимали книжные полки от пола до потолка. Но даже больше, чем количество книг,

редких гостей удивляло отсутствие телевизора. Да, его у меня нет вообще. Посмотреть фильмы можно и через ноутбук, а страстью к просмотру новостей я не страдаю.

– Потому что это ты у нас отстажируешься и пойдешь покорять новые высоты. А мне с этими людьми ещё работать.

Хотя штопанье чужой одежды это не вышивка крестиком, но и такое занятие заметно расслабило и настроило на дружелюбный лад. Наверное, только поэтому я терпеливо отвечала на вопросы Юрика вместо того, чтобы послать.

– Это понятно, но ведь нарушение было! – стажер, понимая мою точку зрения, зачем-то полез отстаивать собственную. Надо сказать, что в моих спортивных штанах и своей рубашке он смотрелся очень колоритно, хотя и несколько стеснялся своего вида.

– Было. И ещё будет. И не раз, – я по старой привычке перекусила нитку, хотя ножницы лежали под рукой. Эх, останусь так без зубов... – Ты садись, хватит мельтешить.

Парень устроился в соседнем кресле и с видимым скепсисом приготовился внимать прописным истинам.

– Если собираешься работать по нашему профилю, запомни – нет никого страшнее оскорбленной ведьмы. Лучше прерви ритуал мага, выбей клык вампиру или подари оборотню на день рождения ошейник с надписью «Тузик». Всё это фигня, но ведьму не зли. Потому что маг, вампир или оборотень тебя просто убьют, а вот наше племя сначала сделает всё, чтобы тебе самому захотелось повеситься, и только по-

сле этого с удовольствием понаблюдает, как ты подышаешь.

Глупых вопросов Юрий задавать не стал, то ли впечатлившись моими словами, то ли просто глубоко задумавшись. Мне он ничуть не мешал, поэтому пока стажер хмурился, глядя в одну точку, я успела не только починить и застирать его одежду, но и сунуться на кухню.

– Жареную картошку будешь?

– Буду, если предложите, – похоже, непринужденное общение приносило плоды, во всяком случае, гонору в парне существенно уменьшилось. – И всё-таки, если ведьмы такие могущественные, почему вы пошли работать, фактически, против своих же?

Сразу отвечать я не стала, раздумывая, что именно сказать. Раскрывать душу мне не хотелось, но и рушить наметившееся взаимопонимание тоже ни к чему. Поэтому ответила уклончиво, сама себе напомнив участницу конкурса красоты:

– Потому что кому-то надо это делать. И кто, если не мы?

Приоткрытое окно распахнулось чуть шире, а занавеска съехала в сторону под давлением кошачьей головы, которая опасливо заглянула на кухню. Полосатую манил запах готовящейся картошки, но наглеть и спрыгивать с подоконника она не стала. В другое время я бы, возможно, её шуганула, если бы не знала, что пару недель назад у неё появились котята. Выводок кошка спрятала на чердаке, поэтому мне от него ни жарко, ни холодно, но оставлять кормящую мать без

еды нехорошо.

– Ваша? – Юрий по-джентельменски взялся нарезать салат и сейчас довольно проворно орудовал ножом, кромсая свежую капусту.

– Нет. Осталась от соседей, которые переехали зимой, – решив, что испортить салат помощник не сможет при всём желании, я пока занялась животинной.

Полосатая, которая у меня под этим именем и проходила, тут же очутилась возле крыльца, дожидаясь, когда блюдо с молоком окажется на земле, а сама я отойду. По негласному соглашению она не поднималась выше второй ступеньки, а я не тянула руки, пытаюсь погладить. Несмотря на давнее знакомство, общались мы не запанибрата, я подкармливала зверя, кошка же, в свою очередь, гоняла мышей и служила номинальным домашним питомцем. А то что это за ведьма, у которой ни кота, ни любимой жабы?

Как ни странно, стажер почти перестал меня раздражать, наверное, потому что больше не доставал вопросами, вел себя тихо и уважительно. Поэтому мы с ним с удовольствием пообедали, и я даже великодушно отказалась от его предложения помочь с мытьем посуды.

– Раз время есть, давай пока восполним пробелы в знаниях по магии, – я закончила вытирать тарелки и уселась напротив Юрия. Тот сразу подобрался, и сытая лень в глазах сменилась заинтересованностью. – Начнем с простого – существ, которые отличаются от людей и по физиологии. На-

пример, вампиры. Что ты о них знаешь?

– Выпендрейчики, – фырканье получилось с долей превосходства, но меня это ничуть не удивило.

– Не без этого, но мы сейчас о другом. Что ты знаешь об их сверхъестественных способностях? Ведь не зря же люди о них почти легенды слагают. Впрочем, как и о твоём племени.

– Все кровососы способны загипнотизировать. Ещё они бледные и одеваются, как педики, – похоже, из вредности Юра не хотел признавать право за вампирским племенем вести себя своеобразно.

– Ну, про бледность ты прекрасно знаешь, как и про необходимость пить кровь – это генетическое. А вот насчет гипноза – в точку. Поэтому и пошли гулять истории про летучих мышей, туман и прочую бутафорию. Как видишь, нет ничего, что нельзя было бы объяснить логически.

Несмотря на явную нелюбовь к классовому врагу, стажер кивнул, нехотя признавая мою правоту. Вот не знаю, как оборотни, а я вампиров даже жалела. Это в фильмах и книгах все романтичненько и готичненько, а на самом деле – генетическая аномалия, закрепившаяся в ДНК и передаваемая по наследству. Если обычные люди могут жить, довольствуясь стандартным набором аминокислот, то тем, кого прозвали носферату, нужны ещё пара, содержащиеся исключительно в человеческой крови. Да и враньё это про постоянную жажду, насколько знаю, абсолютное большинство этих бедолаг мутит от необходимости прикладываться к чьей-то вене.

А если добавить ещё и разгул всяких болячек типа вирусного гепатита, то вампов стоит пожалеть. Ни тебе умения проникать туманом в опочивальню юной девы, ни сверкания на солнце, только необходимость раз в несколько недель пить кровь и чувствительные к солнцу глаза. Не спорю, есть и среди этого племени отморозки, но в большинстве своем вполне безобидные чудики, решившие придать себе таинственности и мрачности. Отсюда и пошли черные плащи с красным подбоем и прочие выверты моды.

– Про твою родню и вовсе говорить не будем, сам знаешь, – я посмотрела на часы и решила поторопиться, чтобы наше настолько долгое отсутствие не выглядело совсем уж подозрительным. Понятно, что ложный выезд, занявший три часа, выглядит странно, отоврусь, будто показывала самые значные и страшные подворотни города. – А теперь ближе к интересующему тебя вопросу. Знаешь, чем маги и ведьмы отличаются от людей?

– Умением использовать магию.

Какой вопрос, такой и ответ, надо было спрашивать точнее.

– Само собой. Я имела в виду другое – как ты можешь в толпе отличить кого-то из магической братии от обычного человека?

Юра немного задумался, а потом пожал плечами:

– По запаху?

Версия самая ожидаемая, поскольку более тонкое обоня-

ние было козырем оборотней.

– Мимо. Правильный ответ – ничем. Ни ваш вид, ни вампиры никак не могут отличить нас от людей. Поэтому и возникают казусы, если кто-то попытается покуситься на прогуливающуюся ведьму, но, как правило, небольшой молнии, подпаливающей хвост, достаточно, чтобы указать на досадную ошибку. Для того, чтобы узнать, кто перед тобой, в каждую выездную бригаду нашего отдела и включают мага или ведунью.

– А почему ведьмы в основном женщины? – Разговор стажера так увлек, что он сел гораздо свободнее, перестав держать спину прямой, а в глазах читался азарт.

– Потому что тут нужно обратиться к истокам различий между магами и ведьмами. По сути и одни, и вторые ничем ни внешне, ни внутренне от людей не отличаются. Но они могут использовать внешнюю энергию. Помимо видимых проявлений вроде того же ветра или морского прибоя, существует особая невидимая волна, которую излучает абсолютно всё. Даже неживая материя. Есть те, кто такое излучение просто чувствует, их называют или экстрасенсами, или медиумами, или просто шарлатанами. А существует и те, кто не только видит, но и может эту энергию преобразовывать. И они делятся на два типа – ведьмы немного слабее, но при этом обладают практически неисчерпаемыми запасами силы, потому что им намного проще пополнить энергию. Если так можно выразиться, сам процесс использования та-

ких волн записан у нас в подкорке. Магам же в этом плане немного сложнее – их умения основаны на знаниях. Даже слабая ведьма при должном старании может вызвать ливень, потому что находится в тесной связи с природой. Магу же придется проводить ритуалы и перечитать дочерта книги и заклинаний, зато, когда он это сделает, ему ничего не будет стоить вызвать не дождь, а ураган. Врожденные умения в девяти случаях из десяти имеют женщины, магами, как правило, становятся мужчины.

– То есть для мага грабить ювелирку это слишком мелко?

– Да нет, почему же... Просто магу по затрате сил и телодвижений гораздо проще было бы на несколько минут ослепить всех, кто был на этаже. Ну, или массово подкорректировать память, но это уже высший пилотаж, магов такой силы по пальцам одной руки пересчитать можно. Ведьма же просто отвела глаза. Подожди, посмотрю, не высохла ли одежда.

Его вещи были ещё чуть влажными, но глажка это дело исправит, к тому же брюки выглядели так, как будто их жевала корова. Но настолько далеко моя доброта не распространилась, поэтому встать к доске пришлось владельцу штанов.

– А не может так быть, что маг решил закосить под ведьму, поэтому и использовал такой способ? – Юра орудовал утюгом, сосредоточенно хмуря брови. Нос, ещё час назад похожий на перезрелый помидор, постепенно утрачивал не совсем натуральные форму и расцветку, возвращая парню более привычный вид.

– Теоретически возможно, а на практике – нет. В течение нескольких часов после такого вмешательства магический фон носит отпечатки произошедшего. Так вот, в «Азимуте» использовали именно натуральные «ниточки» силы. Ничего, что свидетельствовало бы о присутствии мага, там не было. Но попытка хорошая, хвалю, – заметив, что стажер закончил с гладкой, я деликатно отвернулась, давая возможность одеться. – Когда приедем на работу, языком особо не мети. У нас не любят болтливых, сам понимаешь, в таком разношерстном коллективе у всех свои секреты и заморочки. Чем меньше будешь трепаться, тем больше вероятность, что постепенно примут за своего.

Судя по немного угрюмому выражению лица, Юра впервые серьезно задумался – а оно ему надо?

Глава 4

«А вдоль дороги мертвые с косами стоят...»

к/ф «Неуловимые мстители», 1967г.

Нет, все-таки надо было этим балбесам уши оборвать!

Я с трудом сдержалась, чтобы не плюнуть на распечатку со сводкой происшествий за последние сутки. Сдержалась только потому, что не все ещё её видели, некультурно как-то...

Вчерашний выходной прошел не в пример лучше прежне-

го, и на работу я шла в благодушном настроении. Тепло, легкий ветерок, даже получилось немного позагорать, хотя злое солнце успело отметиться, и теперь обе лопатки попеременно зудели, заставляя ерзать и пытаться их почесать. Бородастую шутку про растущие крылья никто не озвучил, может, посчитали подобное в моем отношении форменным святотатством, а может, просто не заметили этих телодвижений.

Начальство с утра было крайне деятельным, чем подчиненных несколько тревожило, но особых проблем от жизни я не ждала, потому известию о вчерашнем осквернении склепа на Северном кладбище не обрадовалась. Такое событие вообще редко приносит удовольствие, а меня ещё и глодала досада – имена пацанов спросить не догадалась, отчего теперь морально страдала. Если Потапыч про это узнает, велик риск пострадать ещё и физически, поэтому лучше молчать в тряпочку. Бить вряд ли будет, но отвесить легкий подзатыльник в профилактических целях вполне способен.

Интересно, они эти пять дней набирались храбрости или раньше просто не было времени?

Сама я в детстве была пацанкой и прекрасно помню, как легко пойти на какую-то глупость, подначивая друг друга. По идее, мальчишки должны были снова полезть в тот же день, подождав, пока мы с Юриком уберемся с кладбища, а тут что-то подзадержались.

О, легок на помине!

– Ну, давай, хвались, – судя по лицу, на котором время

от времени прорывалось торжествующее сияние, у стажера были новости. Возможно, они меня даже порадуют.

– Максим Сергеевич сказал, если я раскрою дело о попытке ограбления ювелирного магазина, он возьмет меня в отдел.

Надо же, как мало надо ребёнку для счастья...

Сама я сюда попала не совсем, чтобы по горячему желанию, поэтому стремления закабалиться и пахать на благо Родины не ощущала, но чувства Юры уважала и вполне правдоподобно улыбнулась:

– Поздравляю. Продвижения по нему есть? – Можно было бы напомнить про отца, который, мягко говоря, не жаждет видеть сына в нашем гадюшнике, но, думаю, об этом и без меня есть, кому сказать. Пусть порадует, может, работать будет эффективнее.

– Небольшие, – к моему удивлению и удовольствию, убитым по этому поводу Юра не выглядел, видимо, понимал, что далеко не всегда и не всё можно сделать с наскока, иногда надо перелопатить гору мусора, чтобы найти что-то ценное. – У меня хороший знакомый работает в компании, которая устанавливает и обслуживает камеры видеонаблюдения, хочу съездить к нему и попросить поделиться записями.

– Так их же, вроде, уже приобщили к делу?

– Это те, которые были возле ювелирного, а я ещё хочу глянуть на записи с наружных камер. Там рядом банк и салон красоты, обвешены по самую крышу, главный вход в торго-

вый центр с них просматривается. Вдруг что увижу.

Рвение было похвальным, к тому же инициатива хоть и наказуема, но приветствуема, поэтому ничего дурного в его желании я не видела:

– Не вопрос, только сначала отвезешь меня на кладбище.

К сожалению, хорошая ходовая не спасла от гвоздя, брошенного какой-то заразой на дорогу. Запаску я вытащила из багажника пару недель назад, потому что иначе туда не помещался Наташкин матрас. За каким чертом было припрягать меня везти этот матрас через весь город, если есть доставка, я так и не поняла, но нам было по пути, поэтому согласилась. И пару часов назад, выглянув в окно и увидев скобоченную ласточку, сразу вспомнила, что обратно запаску так и не забросила, поэтому придется нынче быть безлошадной. Сашка безропотно согласился немного пострадать во имя бывшего брака, но заменить колесо сможет только после работы, а до пяти ещё ого-го сколько времени.

– Не тараци глаза, не в этом смысле. Мне по работе, а не на ПМЖ.

– Ааа...

Мне в его голосе почудилась нотка разочарования, но акцентироваться на ней не стала.

– Вчерашнюю сводку смотрел? – Забросив в сумку кое-какие бумажки и предупредив, что уехали «в поля», я поспешила за стажером.

– Ещё нет, а что там? – Юра подошел к неброскому тем-

ному седану и галантно открыл пассажирскую дверь.

– Гробокопатели вернулись, – не дождавшись от него внятных эмоций, я пояснила: – Пацаны, которых ты шуганул. Вчера вечером сторож кладбища заметил, что двери склепа приоткрыты. Взять оттуда нормальному человеку нечего, но вандализм налицо – крышка саркофага разбита, внутри ничего нет, на стенах баллончиком сделали дебильные надписи.

– Вот гаденьши!

Я была полностью согласна с его характеристикой, поэтому кивнула, но мысли не давали покоя – они же знали, что мы их видели, зачем лезть на рожон? На малолетних отморожков не похожи, обычные подростки. Ну, есть у них избыток свободного времени и нехватка мозгов, так это сплошь и рядом...

– Ты их хорошо запомнил?

– Если встречу, сразу узнаю, – вел машину Юра намного аккуратнее и осторожнее меня, поэтому в сторону пассажира практически не поворачивался. – А смысл? Мы же не знаем, где их искать, они могут быть вообще из другого района.

Призвать правоту очень не хотелось, но пришлось – помимо наших подозрений ничего этим паршивцам предъявить мы не могли. К тому же дел и так по горло, не хватает только бегать по улицам и заглядывать в лица всем школьникам.

– А если по запаху? – Меня не оставляло желание наказать кибальчишей, поэтому пришлось снова пристать к Юрику.

– Альбина Константиновна, я же не розыскная собака! – Стажер обиделся, хотя и пытался не показать виду. – Да, обоняние у меня лучше, чем у обычного человека, но вы же, наверное, знаете...

– Знаю, это я так, не подумав. Проезжай немного вперед, так будет ближе идти.

Да, нюх оборотней тоньше и чувствительнее, вот только, чтобы взять след, Юре нужно обернуться. А это все-таки дело довольно интимное. Если возникнет острая служебная необходимость, придется, об этом его должны были предупредить сразу, но в том и дело, что сейчас её нет. Да и не настолько хорошо мы знакомы, чтобы он спокойно обернулся при мне. Это всё равно, что ведьме ворожить, когда у неё за плечом стоит и восторженно сопит толпа наблюдателей. Ни сосредоточиться, ни получить от обряда удовольствие, единственным желанием останется разогнать всех к чертовой бабушке.

Мы в молчании прошли мимо смутно знакомых могил, углубляясь в старую часть кладбища. Сегодня здесь было не так умиротворенно, как в прошлый раз. Может, у меня мнительность сработала, но что-то поменялось. Казалось, всё вокруг застыло в ожидании.

Судя по тому, что Юра насторожился и не очень умело пытался скрыть своё оглядывание по сторонам, не у меня одной обострилась паранойя.

– Что-нибудь чувствуешь? – До склепа оставалось уже

недалеко, и я немного ускорила шаг. Как-то беспокойно здесь...

– Нет. А вы?

– Тоже нет. Давай побыстрее посмотрим и уезжаем, мне здесь не нравится.

Вместо того, чтобы снисходительно хмыкнуть на женскую блажь, стажер серьезно кивнул. Всё-таки неплохой мальчик. Немного бестолковый и напоминает восторженного щенка, который без усталости бежит по кругу, но это дело поправимое. И будет очень жаль, если Юра не сможет настоять на своём и подчинится отцу.

Склеп производил унылое впечатление и, вместе с тем, выглядел немного угрожающе. Темная дверь, чуть раскрашенная ржавчиной у петель, висела ровно, но свежие царапины прямо указывали на то, что её недавно открывали. Больше снаружи ничего не было, разве что немного примятая трава, но это вполне может быть свидетельством нашего прошлого посещения.

Магией здесь не фонило, что ожидаемо, но всё же расстроило. Значит, кто бы тут ни куролесил, пользовался он только естественными силами. И фомкой, как их сосредоточением.

– Вампиром воняет, – голос Юры был тихим, но в нём звучали отдалённые рычащие нотки. Для полноты картины не хватает только упасть на четвереньки и вздернуть верхнюю губу, обнажая клыки.

– Давно?

– Последние сутки.

А вот это уже намного интереснее.

Конечно, никто не может запретить вампиру прогуляться по кладбищу, но это уже перебор.

– Может, он оттуда вылез? – Подергав ручку склепа и убедившись, что дверь заперта, Юрик снова деятельно принялся.

– Глупости не болтай. Ведь знаешь же, что это всё сказки, подняться из мертвых невозможно.

– Вы атеистка?

Я отмахнулась, не желая встречать в религиозный диспут. Тоже мне, теолог нашелся. Всё намного проще – кто-то вскрыл склеп, а рядом пахнет вампиром. Это если верить стажеру, вдруг с него станется из-за давней видовой вражды приврать.

– Я понимаю, что тебе хочется приплести сюда вампиров, но, если руководствоваться твоей логикой, это мог быть и оборотень. Там же прах, может, кто из ваших проголодался и решил косточку погрызть?

– Альбина Константиновна!

– Вот и хватить ерундой заниматься, – я решительно отвернулась и направилась на выход с кладбища. – Это не наш профиль, магия не применялась, никаких обрядов не проводилось. Пусть обычные менты ищут этих малолеток, может, чего и найдут.

Хотя, вряд ли.

Юра громко и протестующее сопел, но возразить не посмел, зато смотрел в спину крайне неодобрительно. От его взгляда она аж зачесалась. Или это обгоревшие лопатки?

Попрощавшись у кладбищенских ворот и благословив отрока на подвиг добычи информации, я решила прогуляться по окрестностям. Вероятность встретить пацанов практически равна нулю, но бывают же чудеса. К тому же от того, что полчаса подышу свежим воздухом, город не захлестнет волна преступности. Заодно будет время подумать.

Оборотни и вампиры давние враги, хотя были времена, когда они объединялись против общего противника.

Ведьм.

Темные века инквизиции минули давно, но память о них среди нашего племени жива-живехонька, и, например, моя семья несколько неодобрительно относится к бывшим недругам.

Люди знают крайне упрощенную версию тех событий, зато сверхъестественный мир помнит всё намного четче. Так вышло, что ведьмы смогли получить такую силу и власть, о которой до и после этого никто старался даже не думать. Потому что хорошими средствами и методами её не достигнуть. Но факт налицо – гордыня и властолюбие сыграли злую шутку, и против нас объединились те, кого ведьмы сочли слабыми. Поодиночке вампиры и оборотни долго бы пытались победить, но их предводителям хватило ума выступить вме-

сте. Даже в человеческих хрониках есть намеки на это – никто же особо не задумывается, откуда пошло название ордена доминиканцев.

Домини канес.

Псы Господни.

Да и другие намеки есть, но несвоевременно и неправильно направленное научное рвение успешно устраняется, и мы продолжаем жить в мире и согласии с людьми. Ну, преимущественно в мире и согласии.

Ненависть к существам другого вида уже давно угасла, и теперь мы работаем вместе, но бывают и среди нашего племени маниакальные фанатики, которых хлебом не корми, дай стравить кого-нибудь. Мне дела минувших дней были глубоко безразличны, поэтому никаких моральных терзаний от своего окружения я не испытывала, чего не скажешь о родне. Со временем и они угомонились, но память о нервном срыве глубоко мной ненавидимой тетушки Тамары жива и в плохие дни греет душу. А всего-то надо было, что честно признаться – я вышла замуж. За вампира.

Мозговой штурм результата не дал, зато получилось проветрить голову, что всегда хорошо. А если в рабочее время, то ещё и очень приятно. Наверное, такое отношение к труду я переняла у коллег – нам всем нравилось то, чем мы занимаемся, но признаваться в этом вслух никто не спешил, делая вид, что смертельно устали. Вот бы бросить эту богадельню и заняться чем-то другим... Но никто не спешил по-

кинуть коллектив.

Моя машина всё так же радовала взгляд спущенным колесом, в зарослях девичьего винограда оглашено орали воробьи, а пара дворовых котов сошлись возле мусорки, пока только топорща шерсть и тихо подвывая. Остановившись, чтобы узнать, что выйдет победителем, я не стала (и так ясно, что черный с рваным ухом – он был местным патриархом уже года три), ведь на эту сторону выходит окно Потапыча. А поскольку именно тогда, когда это меньше всего нужно, начальство и выглянет во двор, я решила поработать.

Но дойти успела только до входа, за которым сидел дежурный, судорожно что-то дожевывающий, как навстречу выскочил только что мысленно упомянутый Потапыч.

– Ты почему здесь?!

Подлетел он с таким выражением лица, что на всякий случай сделала пару шагов назад. Может, у него бешенство?

– А где я должна быть?

– Ты должна Воропаева стеречь, почему он один по городу мотался? – Не дожидаясь ответа, начальник подхватил меня под локоть и поволок на стоянку. Поведение его было в высшей степени загадочным и настораживающим, поэтому я торопливо заперебирала ногами, понимая, что, если упаду, дотащит волоком.

– Да объясните вы, что не так! – Возле самой машины я все-таки освободилась и отряхнулась, пытаюсь расправить смятый рукав блузки.

– На него напали, так что быстро садись.

Когда говорят таким тоном, возражать не особо тянет, поэтому я сразу нырнула в салон и даже пристегнула ремень безопасности.

– Живой?

– Сплюнь! Живой... Он сам позвонил минут десять назад, ждет в переулке за Центральным рынком. Сказал, что нападавших было трое, – Потапыч резко вырулил со двора и поддал газу. – Почему тебя рядом не было?

– Потому что. Я же не могу за ним круглосуточно следить, – настроение было поганым, свою вину я всё-таки чувяла – время сейчас рабочее, значит, моя зона ответственности. И никого не волнует, что пацану за двадцатник, сказали, чтобы блюла и сторожила, значит, обязана... Вот гадство. – Он поехал уточнить кое-что по делу, которое ему дали. Я пока осматривала место происшествия на кладбище. Ну, не на поводке же мне его держать!

Последнее я добавила на укоризненный взгляд начальника.

– Ладно, не дергайся раньше времени, будем надеяться, с пацаном всё в порядке. Конечно, Егорыч всё равно узнает, но я тебя прикрою. Сегодня на работу больше не возвращайся, а то попадешь под горячую руку.

– Так страшен в гневе?

Ничего конкретного про Воропаева-старшего я вспомнить не смогла, а выяснить специально поленилась, за что

теперь и расплачивалась.

– Да нормальный он. Юрка его единственный ребенок, жена в родах умерла, вот за сына и переживает, хотя старается не показывать.

Свежеотстроенная громада центрального рынка уже показалась над верхушками парка. Лет пять назад отцы города решили, что негоже нам позориться расплзшимися во все стороны киосками и палатками, разогнали торгашей кого куда, всё снесли, а потом отстроили заново по последнему слову техники. Не спорю, получилось хорошо – три этажа торговых площадей, подземный паркинг на несколько сотен машин. Лепота. Вот только бюджет стройки «немного» превысил смету, а отбивать деньги нужно. Поэтому цена за аренду торговых площадей оказалась такой, что предприниматели покрутили пальцем у виска и заселять терем-теремок отказались. Теперь там проводились выставки мёда, сельскохозяйственные и меховые ярмарки, а те же киоски и палатки заняли несколько близлежащих улиц. Администрация города сначала пыталась бороться, потом махнула рукой, гоня торгашей только по праздникам и перед приездом важных столичных гостей. Те наш город визитами не особо баловали, ко всеобщему удовольствию.

Грузчики как раз мотались с тележками, заставленными коробками, ящиками и баулами, зычно перекрикиваясь и отталкивая ноги нерасторопным пешеходам. Остро пахло подгорелым хлебом и свежей рыбой. А когда ветер немного ути-

хал, тонкий удушливый запашок заставлял усомниться – а так ли свежа эта рыбка?

– Иди за мной.

Потапыч шел, как ледокол по забитому торосами проливу, а людское племя, само того не замечая, расступалось, пропуская нас. Что самое интересное, происходило всё машинально, вряд ли кто-то из покупателей отдавал себе в этом отчет. Но их можно понять, даже я, знающая его больше десяти лет, сталкиваясь в коридоре, влипала в стенку отнюдь не из верноподданнических чувств. Просто когда на тебя прет двухметровая туша весом хорошо за центнер, сомнений уступать дорогу или нет даже не возникает. Принадлежность Потапыча к медведям была заметна сразу – и массивное тело, и привычка чуть запрокидывать голову, словно приняв хиваясь к собеседнику, и немного косолапая походка. Натяни на него коричневую шубу, так и вовсе с десяти шагов не отличишь!

Чем дальше от центра торговли, тем меньше попадалось палаток, а тротуар становился грязнее. Полиэтиленовые пакеты, какие-то фантики, сломанные пластиковые ящики из-под заморских фруктов, бумажные стаканчики... Всё это в изобилии валялось под ногами, заставляя внимательно смотреть, куда идешь.

Проулок лихо завернул почти под прямым углом, и мы, наконец, увидели Юру, стоящего рядом с машиной. К моему искреннему счастью, выглядел он вполне себе бодро, при-

знаков мордобоя не заметно, одежда тоже цела. Прямо чудеса какие-то. Зато на переднем бампере машины имелось несколько внушительных вмятин, да и на капоте пара таких же. Их пострадавший рассматривал с заметной душевной мукой.

– Сам как? – Потапыч присоединился к созерцанию авто.

– Нормально. Их грузчики спугнули, – честно признался Юра, кося в мою сторону. – Прижали к обочине, заблокировали машину, сами выскочили из салона с бейсбольными битами, а тут из-за угла вырулило несколько тележек. Эти отморозки запрыгнули обратно и уехали.

– Номер запомнил? – Как ни странно, начальник успокаиваться не спешил, прогуливался рядом, аккуратно приносиваясь.

– Да, конечно. Один из них был не человеком, – это парень добавил уже намного тише, всё так же поглядывая в мою сторону.

Таааак... Кажется, я даже догадываюсь, что он сейчас скажет. Но сразу отвечать не пришлось, Потапыч, закончив изображать из себя Мухтара, тоже пристально уставился на меня.

Я сделала вид, что намеков не понимаю, завертев головой по сторонам.

В принципе, место выбрали неплохо – двухэтажные домики довоенной постройки соседствовали с ещё более ранними развалюхами, вросшими в землю по самые окна. Древ-

ние расхристанные гаражи, переделанные предприимчивыми владельцами под складские помещения, за ними горы разнообразного мусора. Здесь без проблем можно было бы устроить дикую охоту, никто особо внимания не обратит. Из ближайшей помойки деловито высунулась здоровенная крыса и, ничуть не смущаясь нашим присутствием, неторопливо перешла дорогу. Мы втроем заморожено посмотрели ей вслед.

– А чего мы тут до сих пор стоим? – Не то, чтобы я боялась грызунов, но и домашними любимцами они не были, к тому же дел ещё много.

– Так гайцы пока не приехали, мне справка в страховую нужна, – Юра с надеждой посмотрел на дорогу, но, увы, желанного экипажа не увидел. Это когда нарушаешь, они как из-под земли появляются, а если сам вызвал, ждать часа полтора.

У Потапыча коротко гукнул телефон, поставленный на вибровывоз, и начальство на несколько минут самоустранилось.

– Вампир? – Я подошла к стажеру почти вплотную. После некоторых книг вампы вошли в моду, но орать на всю улицу чревато.

– Да, – Юра для убедительности и головой мотнул, вдруг на слово не поверю. – Тот же, что был на кладбище.

Хрена себе... Для простого совпадения слишком, значит, это «жжж» неспроста.

– Ты в прошлый раз точно ничего не заметил? Может, просто не обратил внимания или не стал мне говорить?

– Я уже пару часов голову ломаю, но ничего такого не было, – Юра нахмурился, бросив короткий взгляд на Потапыча, продолжавшего общаться. Не то, чтобы у оборотней мегатонкий слух, просто я после перенесенной в детстве ангины глуховата на одно ухо. Не будь этого, может, тоже была бы в курсе начальственных переговоров. – Уже было подумал про связь с ювелирным, но тогда получается совсем ерунда какая-то.

Тут он прав, как ни думай обратное, но мир вокруг нас не вращается, и ожидать, что все наши дела окажутся мистическим образом связаны между собой, глупо.

Так, получается, кто-то влез в склеп, потом отловил Юру...

– А что ты здесь делаешь? Ты же собирался ехать по делам.

Уши стажера чуть заалели, без слов намекая на направленность интереса хозяина.

– Ну... Тут рядом девушка моя живет, я по пути завозил её из универса.

И смутился ещё больше.

Надеюсь, от того, что прогуливал рабочее время, только трепетного девственника в напарники и не хватало.

Тут одновременно произошли два события – приехали ожидаемые гаишники, и Потапыч, спрятав телефон в кар-

ман, направился к нам. Лицо его носило печать озабоченности и неудовольствия, и я поняла, что сейчас и сама начну выглядеть точно так же.

Пока Юра разговаривал со служивыми и что-то им объяснял, начальник, почти нежно приобняв меня за талию, направился в тень ободранной липы.

– Альбин, тут такое дело – надо, чтобы ты пару дней за парнишкой присмотрела, – говорил он ласковым тоном, как с буйным шизофреником, и этим насторожил даже больше, чем, собственно, словами.

– Да я и так его каждый день сторожу, только сегодня одного отпустила. Кто же знал, что так получится.

– Это само собой, я про другое. Сейчас разговаривал с его отцом, Алексей в командировке, вернется, в лучшем случае, завтра, очень просил до этого времени сына из поля зрения не выпускать.

Я несколько обескуражено оглянулась на Воропаева и, помня о его хорошем слухе, торопливо зашептала:

– Да на кой он мне круглосуточно сдался?! Я в няньки не нанималась. Пусть переночует пока в гостинице или у друзей. И вообще мне его разместить негде, а жить два дня в чужом доме мне триста лет не сдалось!

– Не ври, у тебя четыре комнаты, – Потапыч, подтверждая, что дурной пример заразителен, тоже сильно понизил голос, ещё и вцепившись мне в руку – не иначе как думал, не сбегу ли от такого счастья? Я бы и рада, но теперь сделать

это было крайне проблематично. – Никто не просит перед ним на задних лапах плясать, просто он у тебя пару раз переночует.

– А моя репутация?

– Чего ты дурачишься?! – Похоже, Потапыч начинал злиться, а это плохо, поскольку в таком состоянии он был не только опасен, но ещё и зануден. Завоспитывает так, что хоть самой в петлю лезь, лишь бы отстал. – Тоже мне непорочная дева нашлась! На кой ты ему сдалась, тетенька. Зато в твоём доме никакой вампир его тронуть не посмеет.

Что правда, то правда, но с мыслью о временном жильце я ещё не смирилась, потому судорожно искала тезисы против этой затеи.

К сожалению, найти не успела, как Юрик, наконец, освободился, а Потапыч, сияя фальшивой улыбкой, счастливо пробасил:

– Раз дело приняло такой оборот, попробуем ловить на живца. Поэтому в ближайшие двое суток ты поступаешь в распоряжение и под охрану Альбины Константиновны. – И торопливо скрылся, пока мы не успели начать возражать.

Глава 5

«– Но репутация у тебя прескверная.

– Но я же лучше, чем моя репутация, Ваше Сиятельство»
К/ф «Безумный день, или Женитьбы Фигаро», 1974г.

Гаишники разобрались на удивление быстро, хотя чего там тянуть кота за интимные места, если и так всё ясно – пока водитель прогуливался, его тачку маленько изуродовали. О нападении Юра предусмотрительно умолчал.

С одной стороны, надо бы рассказать, найти никого не найдут, но задокументированный след останется, мало ли чего... Тьфу ты! Если с ним «мало ли чего», то мне тогда и вовсе хана, придется всё-таки нянчиться.

– И что теперь? – Стажер убрал выданные бумажки и повернулся ко мне.

– Машину в сервис сейчас погонишь?

– Ну, да.

Нам пришлось почти влипнуть в крыло, пропуская вереницу грузчиков с тележками.

– Тогда сначала едем на работу, мне надо свою забрать, – я проверила время, и решила, что Сашка уже успел поменять колесо. – До этого предлагаю заглянуть в одно место.

Уточнять, в какое именно, Юра не стал, покорно кивнул и даже обошел машину, чтобы открыть мне дверь.

Таинственность это всегда интересно, но пора заканчивать с этим балаганом, и помочь нам может один человек. Вернее, не совсем, чтобы человек, но помочь вполне способен.

Стажер был непривычно тих и сумрачен, в голове его бродили невеселые мысли, во всяком случае, иногда он зверски

хмурился и поджимал губы. Мешать ему морально страдать я не стала, пусть пережует беду молча, тем более, что у самой разных мыслей столько, что не знаю, за какую схватиться.

Коротко объяснив маршрут поездки, решила предупредить о визите заранее, негоже нагло и без предупреждения вваливаться в кабинет прямо посреди рабочего процесса.

– Дааа? – Женский голос прозвучал с таким придыханием, что мне стало совестно – а ну как у Антона там интим на рабочем месте, а я отвлекаю в самый ответственный момент?!

– Доброго дня, милая девушка, дайте трубку своему начальству.

К моему удивлению, это произошло почти мгновенно. Как вариант, у Антошки получилось настолько вышколить секретариат, что они теперь работали силой мысли. Или же помощница без разрешения ответила на звонок по личному телефону. Второе более вероятно, потому что набирала я именно его.

– Привет, Аль, что-то нужно? – На заднем плане слышались шипящие звуки. То ли секретарша оскорбилась, то ли её таким образом выгоняли, чтобы не подслушивала.

– И тебе доброго дня, свет мой ясный. И почему сразу «нужно»? Неужели не веришь, что могла соскучиться и звоню просто поболтать? – Жестом показала Юре, чтобы тот тормозил рядом с аркой.

Двухэтажный дом начала прошлого века смотрелся картинкой, на реставрацию не поскупились, но перегораживаю-

щие проезд ворота немного портили вид.

– Если просто поболтать, то приезжай на выходные, мы собираемся на шашлыки, как раз и пообщаемся.

– Ладно, подловил, по делу. Антош, пожалей сирую-убогую, удели минут десять, а? Всё равно я уже внизу, если решишь удрать, не успеешь.

– Тогда поднимайся, – хмыкнул Антон и отключился.

– За мной, корнет. И учти – будешь рожи корчить и носом крутить, я тебя сама загрызу. Так что лучше рта не открывай, потом поговорим.

У Юры точно были вопросы, но задать их он не успел, мы уже поднялись на второй этаж. Возле приоткрытой двери с несколько недовольным видом стояла красотка, один взгляд на которую мог вогнать в глубочайшие комплексы. Роскошные белокурые волосы, фигура, отполированная до идеального состояния, а ноги так и вовсе почти бесконечные. Если бы на меня это действовало, наверное, была бы уже на грани слез, а так только кивнула:

– Добрый день. У себя?

– Проходите.

Прекрасная дева посторонилась, пропуская нас в святая святых, и я удостоилась оценивающего осмотра, после которого на меня смотрели уже почти жалостливо. Хех, дожидала...

– Ты всё цветешь и пахнешь, – Антон выскочил из-за угла, сгреб меня в объятия и немного пожамкал. Дева мгновен-

но испепелила нас взглядом и чуть не прихлопнула дверью Юру, как раз просачивающегося в приемную.

– Это ты намекаешь на «бабу-ягодку опять»? – Под насмешливое фырканье я вернула поцелуй в щеку, краем глаза заметив стажера, так и замершего у стены по стойке «смирно». – Это Юрий, мой помощник. Пустишь к себе или здесь пообщаемся?

– Проходите, конечно, – Антон кивнул парню в знак приветствия и посторонился, пропуская нас. – Афродита, сделай кофе.

У меня почти получилось подавить глумливый смешок. Ага, Афродита, как же. Интересно, как её мама с папой назвали? Например, у того же Антошки на двери красовалась скромная позолоченная табличка, сообщающая, что владельцем апартаментов является Томаш Маревский. Где он откопал это имя, понятия не имею, когда мы женились, в паспорте русским по белому было написано «Антон». Да и с фамилией те же вопросы.

А, ладно, почти богема, что с них взять.

Юра, хоть в кабинет и прошел, остановился на максимальном удалении от моего бывшего супруга и чуть ли не топорщил шерсть на загривке. Антошка это тоже заметил и поглядывал на парня с плохо скрываемой усмешкой.

– Что, опять молодежью загрузили? – Я отмахнулась, но соответствующее случаю выражение лица состроила. – Весело живешь, Алюш. Чего от меня-то хотела?

Ответить я не успела, дверь распахнулась и на пороге появилась Афродита. Не в пене морской, а с подносом, но тоже впечатляет.

– Поставь на стол и ни с кем не соединяй.

Девушка повторно метнула взглядом серпы с молотами, но предусмотрительно промолчала. И не зря, хоть Антошка и выглядел доброжелательным балагуром, в гневе был откровенно страшен.

– Вот сколько раз тебе говорила – не спи с подчиненными, – рисковать здоровьем и пить принесенное я не собиралась. Мало ли что туда подлили... Или плюнули.

Антон не стал отнекиваться, хмыкнул и подмигнул, несколько не смущаясь присутствия Юрика:

– Да как ты могла обо мне так подумать?! – Патетическая нотка мгновенно исчезла, а лицо бывшего приняло более серьезное выражение. – Так что ты хотела? Извини, реально времени в обрез, на мне сейчас подготовка города к празднованию дня молодежи, народ требует зрелищ, а мэрия – соблюдения бюджета.

– Да не вопрос, – не то, чтобы я прониклась его бедой, у Антошки любое мероприятия проходило в подобном аврале, но уважать его рабочий график стоит. – Что у вас за тусовка на Северном кладбище?

Юра издал недовольный звук, но на него никто не прореагировал.

– Да, вроде, ничего такого... – Антон, подумав секунд де-

сять, пожал плечами. – Seriously, Аль, без понятия. А почему ты спрашиваешь?

Пришлось коротко обрисовать ситуацию, не став вдаваться в подробности. Стажер хранил уже не ледяное, а, скорее, заинтересованное молчание. Похоже, его распирало от вопроса, почему именно сюда мы приехали поделиться бедой.

– Попробую что-нибудь узнать, но не гарантирую. Вполне возможно, это наши малолетки балуются. Сама знаешь, нынешняя популярность многим в башку бьет, вот и начинают выделываться перед подружками. Мы, конечно, стараемся это пресекать...

Я понятливо кивнула, полностью разделяя его сомнения – если уж обычным детям кладбищенская романтика спокойно спать не дает, то мелким кровососикам и вовсе крышу рвет от чувства собственной значимости. И пофигу, что из вампирских бонусов только оригинальная диета, способности к гипнозу появляются уже после двадцати лет, и то не у всех.

– Ещё такой вопрос, никто из твоих на мохнатых обиду не затаил? Не просто так спрашиваю, – добавила я прежде, чем Антон отделается общими фразами. – Дело молодое, морды друг другу набьют, впредь наука будет, но, сам понимаешь, я за него отвечаю.

– А сам ни сном, ни духом?

Юра качнул головой:

– Ничего такого, из-за чего стоило бы начинать разборки

днём в центре города.

– О как. Значит, сильно приперло, если не побоялись спалиться, – Антон нахмурился и задумчиво побарабанил пальцами по столу. – К ночи тряхну наших, но пока особо не отсвечивай.

– Он будет у меня, – я поднялась, решив, что пора и честь знать, обозначенные десять минут закончились, и злоупотреблять добротой не следует. – Если что-нибудь узнаешь, сразу звони.

– Не вопрос.

Мы с Антоном расцеловались на прощание, Юра не прореагировал. Наверное, был в состоянии глубокого шока от нахлынувшей брезгливости.

Девы-богини в приемной не оказалось, о чём я не пожалела – найти обратную дорогу и так смогу, а вот получить коленом под зад (причем, боюсь, в прямом смысле) мне не улыбалось.

Стажера настолько очевидно мучили вопросы, что я решила сжалиться над несчастным:

– Это мой первый бывший муж.

Некоторое время Юра пытался уложить эти сведения в привычную картину мира. Судя по всему, не получилось.

– Но это же вампир!

– Мужиком он от этого быть не перестал. Куда ты рулишь? Поехали сначала на работу, я пересяду на свою, потом отгоним твой тарантас в сервис.

Вопреки предложению, Юрий прижался к обочине и повернулся ко мне.

– А вам не пришло в голову, что именно этот ваш... бывший муж может быть причастен к происходящему? – Парень смотрел с обидой и долей злости. Можно подумать, он меня на некрофилии поймал. Эх, одни проблемы от этой зашоренности.

– Тогда тебе кранты, поехали гроб выбирать. Про Совет Двенадцати знаешь?

– Высший совет Иных.

Ну, это если на уровне государства. Хотя на региональном – та же петрушка, только в более узких рамках.

– Так вот, Антон входит в него. И если бы захотел прибить твою шкуру над камином, уже сделал бы это. Но не переживай, всё под контролем. К тому же у него и камина-то нет.

Не знаю, как мы без проблем доехали до работы, потому что выглядел Юра немного пришибленным. И, думаю, не отсутствие у вампира камина стало тому причиной.

Моя машина стояла на том же месте, сверкая новым колесом, и я мысленно поблагодарила Сашку. Все-таки золотой мужик, жаль, что у нас не сложилось. Да и второй бывший тоже ничего, но там камнем преткновения была его мама, не к ночи будь помянута. Вот уж кто натуральная ведьма...

– Двигай в сервис, я за тобой тихим ходом.

Стажер кивнул, продолжая молчать. Надо было его раньше ошарашить, а то иногда болтовней не давал сосредото-

читься на работе, так кто же знал.

Но это я утрирую. Несмотря на некоторые загоны (которых у самой хватает), мальчик перспективный и по-хорошему упрямый, к тому же умеет учиться. Не без упирания рогом, так все мы не без греха. С его родителем на эту тему поговорить, что ли?

Машину в ремонт приняли быстро, что удивительно – место оказалось популярным, и желающих подлечить железных коней хватало. Видимо, не первый раз пригоняет, если встретили, как родного.

На пассажирское сиденье стажер уселся в тишине и раздумьях, что меня уже не радовало – все возникающие проблемы нужно решать сразу, чтобы потом они не вылезли в самый неподходящий момент.

– Давай уже свои соображения, – я ради такого даже скорость снизила, тем более, что на коротком пути оказался знак дорожных работ. Неужто дыры в асфальте латают?! Надо же, в теплую и сухую погоду, а не как обычно – в декабре под снежком. Чудеса...

– А вы не боялись, что он вас обескровит?

К моему удивлению, вопрос был задан без неприязни, что уже можно считать хорошим знаком.

– Нет. Я же тебе говорила, вампирам не нужно убивать, это полный бред. Такой же, как полеты на метле у ведьм или же обязательный оборот в полнолуние у вашего брата. К тому же сейчас с питанием намного проще, уже несколько де-

сятков лет Совет активно сотрудничает со станциями переливания крови.

– Но нам действительно проще обращаться при полной луне, – Юра смотрел на меня немного заторможено, но уже без прежнего шока. Быстро пришел в себя, молодец, вот только пересмотреть взгляды на жизнь придется, без этого никуда.

– А ведьмы действительно могут левитировать, только для этого не обязательно загонять занозы в зад. Точно так же, как и вы не начинаете корчиться, обрастая мехом, при попадании на кожу лунного света. В каждой городской легенде есть доля правды, но в том и дело, что только доля. Если хочешь работать в нашем отделе, придется научиться принимать и уважать окружающих вне зависимости от их пищевого рациона, видовой принадлежности, цвета кожи и сексуальных предпочтений.

– Я не гомофоб!

– Оно и заметно. Твоя девушка из ваших? – Судя по недовольно поджатым губам, нет. – Значит, оперируя твоими понятиями, ты спишь с зоофилкой.

– Она обо мне ничего не знает.

– Если тебе от этого будет легче, то ладно – ты спишь с латентной зоофилкой.

Юра обиделся и отвернулся к окну, предпочитая игнорировать, раз не получилось переспорить. Ага, напугал ежа голлой жопой...

До дома пришлось добираться долго и нудно – дачный сезон и вечер пятницы этому весьма способствуют. Стажер молчал, надувшись на меня, как мышь на крупу, а я продолжала ломать голову над сложившейся ситуацией.

Вот, как ни поверни, хрень получается.

Что такого мог заметить парень на кладбище? Идея о проведении каких-то мегаритуалов по обретению силы или тайном капище не выдерживает никакой критики. Просто потому, что они были бы бессмысленны. В смысле, ритуалы. Поклонение же древнему божеству и вовсе за гранью бреда хотя бы потому, что ничего не даст. Не появится над тобой благодатная длань, осыпающая манной и пряниками, единственное, что заработает усердный неофит, так это насморк – в склепе должно быть сыровато.

Дорогу нам перебежала бабка с двумя полными ведрами (правда, мусорными), но радоваться я не торопилась, потому что не покидало ощущение глобальной подставы. Вот на что угодно могу поспорить, дело отнюдь не в кладбище. Тогда в чём?

Чем мог молодой оборотень так насолить вампирам, что те решились начинать разборки так прилюдно и нагло?

И почему именно сейчас?

Ни на один из вопросов внятного объяснения у меня не появилось, что хорошему настроению никак не способствовало.

Да и пускать кого-то в дом я не особо люблю. Ну, вот ни-

чего не могу с собой поделатъ, навѣрное, повышенный территориальный инстинкт свойственен не только оборотням.

– Идем, сразу покажу, где сегодня переночуешь.

Слово «сегодня» выделила, чтобы у Юры не возникло ненужных иллюзий. Хотя парень мне и нравился, но настолько глобально брать работу на дом мне совершенно не улыбалось.

Стажер без особого интереса заглянул за дверь и кивнул, удовлетворившись осмотром. Никаких особых изысков в гостевой спальне не было, обычная комната, зато под окном цвел распутившийся жасмин, благоухающий на несколько участков. Сама я его терпеть не могла, мучаясь головной болью от одуряющего аромата, но срубить куст не поднималась рука – покойная бабушка его очень уважала. К тому же он закрывал дыру в заборе, и если растение извести, то забор придется чинить, а то и новый ставить.

«Я не жадный, я хозяйственный».

По-хорошему, на этом можно было бы заканчивать с политесами, но оставить парня без ужина не позволила совесть. Или чувство здорового самосохранения – а ну как с голодухи на меня кинется и попытается сожрать?! Нет, потом он, конечно, сдохнет в корчах, но такой поворот всё равно не вдохновлял.

Господи, какая дурь в голову лезет... А ещё смеялась над Юриными предрассудками, при том, что сама не намного лучше.

– Иди за стол.

Стажер тенью прошмыгнул в ванную, а потом на кухню. Что-то он слишком пришибленный, может, всё-таки немного помяли, а сказать гордость не позволила?

– Как себя чувствуешь?

– Нормально.

Я пожалала плечами, не собираясь становиться ничьей сестрой милосердия. Ну, нормально и нормально.

– На нижней полке журнального столика лежит бумажка, там пароль от вай-фая. Я иду поливать огурцы, не скучай. Если будут убивать, ори громче, у меня как раз лейка металлическая, прибегу и спасу.

Не дожидаясь ответа, покинула постояльца, внутренне надеясь, что посуду он за собой помое.

Вечереть не начинало ещё и близко, но дневная жара уже спала, и окрестности бурлили жизнью. Где-то совсем рядом с лентой погавкивала собака, хрипловато вещало радио «Маяк», а соседка, невидимая из-за забора, усердно перемывала всем кости. Её собеседницу я не видела, зато обогатилась знаниями насчет многих знакомых. Досталось и мне самой, чего уж там. Разве можно обойти вниманием молодую привлекательную женщину, живущую в одиночестве? Правда, выразилась дама немного в других выражениях, делясь черными подозрениями на мой счет. Некоторые из них изрядно повеселили, за что сплетницам большое спасибо.

В конце концов, они сошлись во мнении – я такая мегера,

что, несмотря на молодость («уже под сорок, а всё девочку из себя строит»), привлекательность («крашенная голенастая кобыла») и даже доставшуюся в наследство избушку («это ж, почитай, элитная недвижимость в городской черте!»), мужья от меня бегут с завидной регулярностью.

Ну, допустим, что из мужей она видела только одного, и с Антоном, и с Валерой я рассталась ещё до переезда в эти роскошные апартаменты, но факт налицо.

Версии про порчу и венец безбрачия заставили сдержанно хихикнуть, а потом пришёл муж той самой неизвестной собеседницы и предложил бабам заняться делом, а не чесать языками. Эх, такое веселье обломал.

– И вы никак не отреагируете?

У меня появилось большое желание таки пустить в ход лейку, но пришлось сдержаться, это не Юра подкрадывался, это я слишком увлеклась подслушиванием.

– В смысле?

Парень уселся на верхнюю ступеньку крыльца, сосредоточенно хмурия брови, и сорвал травинку, которую тут же сунул в рот:

– Ну, вы же всё слышали. Неужели не хочется ничего сделать?

Садовый инвентарь я пристроила возле клумбы, а сама подошла ближе, чтобы и наша беседа не стала достоянием общественности.

– У меня такое ощущение, что тебя вообще ничему не

учили... За что мстить? За сплетни? И как ты себе это представляешь? – Легонько толкнула стажера ногой и, дождавшись, когда он подвинется, села рядом. – Чем меньше мы вмешиваемся в жизнь обычных людей, тем лучше. Да, бывает, хочется что-то такое сделать, но получится только хуже. Ты же не станешь пытаться загрызть того, кто ляпнул какую-нибудь ерунду, для тебя оскорбительную? К тому же, чем чаще ведьма прибегает к разрушительным чарам, тем больше это затягивает. Зависимость от ведовства не легче наркомании, только подсаживаешься на ощущение собственного могущества. И, рано или поздно, начинаешь делать то, с чем потом приходится разбираться работникам нашего ведомства. Знаешь, какое самое страшное наказание для ведьмы? Не тюрьма и даже не смерть. Блокировка сил.

– А как это вообще возможно? Если это врожденная особенность, то и лишить её, по идее, нельзя, – травинку он уже измочалил и теперь примерялся к следующей.

– Лишить нельзя, но можно заблокировать, – я не смогла удержаться и чуть повела плечами. Почему-то ощущение было, как от сквозняка по голой коже. – Грубо говоря, нити, которыми ведьма связана с окружающим миром, отсекают. Сила остается, но она оказывается заперта внутри. Поверь, это страшно, потому что она, не находя выхода, постепенно сжигает носителя.

– И сколько в таком состоянии можно прожить?

– По-разному. Кто пять лет, кто десять, есть те, кто этого

почти не замечает. Чем сильнее ведьма и чем активнее она использовала дар, тем более ощутимым будет «откат» после блока.

Юра притих, что-то напряженно обдумывая, а мне перешло общаться на эту тему дальше. Не то, чтобы она была для меня такой болезненной, просто резко захотелось побыть одной.

Я уже открыла дверь в дом, когда он всё-таки спросил:

– За что вас заблокировали?

Надо же, резвый какой, уже и это узнал. Интересно, кто ему рассказал и когда?

Можно было бы отказаться отвечать, но вместо этого решила, что так даже лучше. Пусть узнает правду от меня, заодно и поймет, что я не тот кандидат, который станет возиться с ним, подтирая сопли и вызволяя из неприятностей.

– «Умышленное причинение тяжкого вреда существу, не владеющему магией, осуществленное с помощью ведовства». Статья тридцать вторая, часть третья. «Доведение до самоубийства с помощью магии». Статья...

– Я помню, какая это статья.

– Молодец, носи зачетку. Это всё? – Я так и продолжала стоять с занесенной над порогом ногой, ожидая, когда у одного неугомонного закончится острый приступ любопытства.

Он молча кивнул.

Вот и славненько.

Уже прикрывала дверь, когда услышала последний вопрос:

– Вы когда-нибудь сожалели?

Отвечать я не собиралась, и, скорее всего, Юра не ждал этого, поэтому с чистой совестью направилась к себе, заглянув по пути на кухню. Надо же, посуду вымыл, стол протер.

Настроения вышивать не было, а значит, не стоит и брать-ся, иначе потом придется выпаривать неправильные крестики, поэтому я прихватила книгу и закрылась в спальне.

Жалела ли я когда-нибудь о том, что сделала?

Да, жалела.

Например, о том, что эта тварь сдохла так быстро, всего-то пара месяцев. Но душу немного грело понимание, что это время он провел в психушке.

Глава 6

*«Я сдавала квартиру не для того, чтобы получить жалобы, а для того, чтобы получать деньги»
к/ф «Карнавал», 1981г.*

Вот никогда бы не подумала, что это настолько приятно...

Сильные движения рук, размеренные и в то же время завораживающие.

Закушенная от сосредоточенности губа.

И взгляд какой-то затуманенный, обращенный в себя.

Сорвавшаяся тягучая капля, оставившая влажный след...
– Можно узнать, что здесь происходит?

Незнакомый мужской голос вырвал меня из состояния созерцания, а жаль. Когда ещё за таким понаблюдаешь.

– Простите, а вы кто? – Спрашивала я, ещё не успев повернуться, а когда увидела говорившего, неохотно спустила ноги со скамеечки. – А, Алексей Егорович, добрый день.

Юра тут же замер, с надеждой взглянув на отца, пришлось жестом указать стажеру на незаконченную работу. Тот с обреченным вздохом ухватился за кисть покрепче и продолжил сосредоточенно размазывать краску.

Кто-то мог назвать это использованием служебного положения и даже легкой формой рабства, но я бы поспорила. Что может лучше донести до провинившегося степень его прегрешения, чем принудительный труд? Разве что тот же принудительный труд на мою пользу.

– Вы так и не ответили.

Пришлось задрать голову, рассматривая новопривывшегося.

Форма на нем смотрелась хорошо, этого не отнять. Но по такой жаре, да ещё и в плотной ткани... Брррр.

– Присаживайтесь, сейчас всё расскажу, – гостеприимно кивнула на второе плетеное кресло по другую сторону столика и даже решила быть радушной хозяйкой. – Может, чего-нибудь холодненького?

Жарило сегодня не по-детски, даже тень винограда, почти

полностью заплетшего небольшую веранду, особо не спасала. Про солнцепек и думать не хотелось. В какой-то момент стало жалко Юру, он же ещё и ароматами краски дышит, но момент слабости был мимолетен. Пусть набирается опыта, который сын ошибок трудных, глядишь, в следующий раз не полезет не в своё дело.

– Вы не хотите поприветствовать меня по уставу? – Мужчина продолжал стоять над душой, чуть заметно хмуря темные брови. Неодобрительно так.

Желание принести ему попить сразу пропало.

– Нет. – Воропаев перестал хмуриться и теперь смотрел несколько удивленно. Видимо, никто до сих пор подобной степени наглость не проявлял. – Я гражданская, сейчас мой законный выходной, а ещё подрабатываю нянькой у вашего сына. Причем, на общественных началах.

– Я бы так не сказал, – он повернулся к Юре, который недовольно насупился. Ну, не нравится, так пусть не подслушивает. – Почему мой сын красит ваш забор?

Стучать на практиканта я не собиралась, поэтому неопределенно качнула головой:

– Изъявил горячее желание помочь по хозяйству. Вы против?

– Нет, ему полезно, – Воропаев все-таки уселся напротив, но китель не расстегнул даже на верхнюю пуговицу. Как только не задушился... – Ночью какие-то проблемы были?

Интересно, что он имеет в виду под проблемами?

Если нападение врагов, так они оказались не совсем идиотами, чтобы нападать на дом, которым уже несколько поколений владеют ведьмы. Чревато.

А вот сам стажер немного почудил – притащился уже под полночь ко мне под дверь, поскребся и шепотом попросил прощения. Меня в тот момент чуток пробило на смех, поэтому парень, похоже, обиделся на такую реакцию. Ну, ещё бы, не оценила благородный порыв. Зато у меня было время придумать наказание.

Можно было, конечно, и так простить, но это противоречило моей жизненной философии.

– Да нет, тишина и покой.

Пока собеседник замолчал, обдумывая какую-то мысль (судя по выражению лица, невеселую), я беззастенчиво его рассматривала.

Назвать Воропаева красивым я бы никак не смогла, а вот интересным – запросто. Уже немолод, на вид ближе к пятидесяти, чем к сорока. Короткие темные волосы, обильно припорошенные сединой, морщин же почти нет. Был бы он женщиной, заподозрила бы пластику, тут же явно хорошая генетика. Тяжелый, почти квадратный подбородок, губы сейчас хмуро поджаты. Глаза серые, судя по черточкам в их уголках, улыбаться любит, но в настоящий момент был занят пристальным наблюдением за своим отпрыском.

Тот неподдельный интерес родителя чувствовал, потому пару раз передернул лопатками, как будто муху отгонял. Но

кисть не выпустил.

– Альбина, скажите, какие у вас соображения по поводу происходящего? – Алексей Егорович повернулся и так же внимательно уставился куда-то в точку мне между глаз. Захотелось по примеру стажера поерзать.

– Да никаких. Честно говоря, вообще не понимаю, где Юрий мог кому-то перейти дорогу, – я снова положила ступни на стоящую рядом скамеечку. – Вчера весь вечер голову ломала, но так ничего и не надумала.

– Вот и у меня тот же результат... – он более свободно откинулся на спинку кресла. – Подсоленные? – Он показал на стоящие в глубокой миске белые сухарики. И когда я кивнула, выцепил пару из них. – Что вам по этому поводу сказал Васильев?

Я таки поперхнулась сухариком, даже ожидая, что Воропаев не только установит наблюдение за моим домом, но и знает настоящую фамилию Антона. Хотя, если бы не знал, точно бы разочаровалась.

Антошка приехал уже глубокой ночью, и я смогла вспомнить юность, тайком пробравшись за ворота. Поскольку к тому времени я была уже в пижаме, а любимый халат только-только постирала, пришлось накинуть на себя постельное покрывало, да и искать обувь оказалось некогда, поэтому впрыгнула в галоши. Бывший супруг сначала замер с раскрытым ртом, созерцая такую красоту неземную, а потом долго не мог сосредоточиться, похихикивая. Утихомирился

только, когда я пообещала чем-нибудь в него кинуть. К сожалению, по сути вопроса всё оказалось не так весело, но Антон обещал держать все органы чувств остро, вдруг чего-нибудь узнает. Составленный со слов Юры фоторобот ничего не дал, парень, на нём изображенный, был до отворачивания обыкновенным. Мимо него на улице пройдешь, и внимания не обратишь. С номером машины не лучше – в тот же день их свинтили с догнавшего в соседнем дворе «Москвича».

– Ничего. Он осторожно проверил через свои каналы, но всё тихо. Более того, ничего похожего на интерес к нему не проскальзывало.

Я снова сосредоточилась на работе Юры. Ни к чему озвучивать то, что и так ясно – есть большая доля вероятности проблем из-за папы. Но с этим они и сами разберутся, мне же лишние неприятности ни к чему.

– Альбина, я хочу вас кое о чем попросить. И это именно просьба, а не приказ, – говорил он тихо, но четко и без малейшей неуверенности. Правда, и ощущения приказа не было, хотя это мало утешало.

Захотелось тихонько взвыть и постучатся лбом о стол. Потому что я очень даже хорошо представляла, что это будет за просьба. Понимал это и Алексей Егорович, поэтому попытался смягчить не самые радужные новости улыбкой.

– Вы же понимаете, что у меня нет силы. Ни физической, ни какой-то другой.

– Понимаю.

Так, глас разума не помог, но можно попытаться ещё раз.

– Тогда вы понимаете, что рядом со мной ваш сын не будет в безопасности.

– Сейчас именно рядом с вами для него безопаснее всего. Поэтому я прошу продлить ваше сотрудничество ещё на несколько дней, – подумав, он таки расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, не иначе как намекал на глубокую неформальность разговора.

Юра уронил кисть и теперь смотрел на родителя просительно и немного жалобно. Мне даже обидно стало, можно подумать, что я его тут угнетаю и морально унижаю.

Ну, если только совсем чуть-чуть...

– Да с чего вы это взяли?! – Я всплеснула руками, отчего миска, уронив пару сухариков, опасно накренилась.

– С того, что я не рискну попытаться войти в ваш дом без приглашения. К тому же Васильев присматривает за вашей безопасностью, а это уже весьма немало. Мои тоже будут рядом, – Воропаев осторожно разжал мои судорожно сведенные пальцы и отобрал посудину.

Если он подумал, что могу от нервов кинуть ею в него, то совершенно напрасно – миска была из бабушкиного сервиза, стану я её ради такого разбивать.

Но осведомленность вызвала невольное уважение. Так же, как и осторожность – уже не один «герой» был уверен, что сможет легко пройти в мой дом без желания на то хозяйки.

Убить никого не убило, но и здоровее любители рискнуть тоже не стали.

Пару минут мы молчали, я сосредоточенно думала, чем может вся эта немного дерьмушная ситуация угрожать лично мне, Алексей Егорович меланхолично наблюдал за Юрой, а тот пытался отчистить налипший на кисть сор при помощи лопуха.

– Если ситуация выйдет из-под контроля, я не стану рисковать своей жизнью.

От этого Воропаев-старший ощутимо заледенел взглядом, но кивнул. А я скривилась, понимая, что последняя надежда откреститься от нежеланного гостя пропала. Эх, и чего меня вечно тянет кого-то спасать?

– Я сам ему всё объясню, водитель привезет вещи, необходимые на первое время. Когда будете покидать дом, звоните по этому номеру, – стройный ряд цифр на вырванном из блокнота листе лег на стол возле вазы с пионами. – Постараюсь уладить всё в ближайшие дни.

Я аж привстала с кресла при словах «на первое время». Это на сколько ко мне недоросль переезжать собрался?! Но возмутиться не успела, за меня это сделал сам Юра:

– Отец, я считаю, что это совершенно лишнее! – Он набычился, глядя с обидой и неловкостью.

– Это я сам решу, – Воропаев поднялся, кивнул мне с легким полупоклоном и шагнул к отпрыску.

Становиться свидетелем семейной разборки мне не хоте-

лось, поскольку ничего не услышу, а смотреть немое кино желания не наблюдалось. Поэтому решила пошуршать по хозяйству, тем более что яйца с картошкой уже должны были остыть.

Интересно, когда это Алексей Егорович умудрился попытаться проникнуть в ведьмино жилище, что теперь так осторожничает?

Свежий огурец пал остро и маняще, и не было никакой возможности удержаться от искушения его съесть. Поэтому, поделив по-честному – половинку в кастрюлю, вторую в рот – я решила отзвонить непосредственному начальству. В конце концов, его друг сердешный, пусть и решает, что с этим делать. Потапыч отозваться не пожелал, проявив завидную предусмотрительность.

Поэтому пришлось сосредоточиться на планомерном нарезании овощей на крошку, а в это время за окном разворачивалось действие – папа с сыном о чем-то сначала мирно общались, потом Юра покаянно опустил плечи, а отец укоризненно качнул головой и кивнул на дом. Эх, как же хочется хоть краем уха услышать, о чем они так шепчутся, но не судьба. Полосатая неожиданно громко мяукнула с подоконника, заставив на некоторое время упустить сладкую парочку из виду. Когда же, выдав кошке сырую куриную кожу (бееее!), я снова выглянула во двор, там уже было тихо и безлюдно.

Зато буквально через двадцать минут Юра снова появил-

ся в поле зрения с большим пластиковым ведром в руках.

Поскольку обед был уже готов, а я не настолько зверь, чтобы заставлять парня работать по самому солнцепеку, то вышла к трудяге, который обреченно рассматривал ворота и надворные постройки.

– Это что такое?

– Это краска. Для гаража, – поймав мой озадаченный взгляд, Юра уныло добавил. – Я сказал отцу, из-за чего красил забор. Он поддержал ваше решение и привез ещё краски. Как он выразился – «для закрепления педагогического эффекта».

Я с трудом удержалась от смешка, но инициативу Воропаева поддержала. Все-таки хороший мужик, немного закостенел в своем солдафонстве, зато хозяйственный.

Концовка дня прошла на удивление тихо и умиротворенно. Юра, закончив отработку барщины, долго отмывался, а потом предпочел затаиться в комнате. Попался мне на глаза только однажды, когда позвала ужинать, и был неразговорчив, разве что морщился, принюхиваясь к себе. Меня это полностью устраивало, так что вечер прошел в теплой обстановке – чем занимался квартирант, не знаю, а я, слушая «Сказ про Федота Стрельца», вышивала Бабу Ягу. Картина должна была получиться не только яркой, но и с намеком, поэтому повесить её планировала в прихожей.

А вот утро началось с небольшого скандала.

– Может, объяснишь, почему ты покинул дом, ничего мне

не сказав?

Овсянку я немного переварила, поэтому Юре в тарелку навалила от души. И мою позицию по обсуждаемому вопросу продемонстрирует, и не пропадать же добру.

– Мы не договаривались, что мне нельзя отходить ни на шаг, – угощение и у него энтузиазма не вызвало, стажер уныло ковырялся в каше, но нижнюю челюсть вперед немного выдвинул. Видимо, так пытался показать крутизну.

У меня аж ложка в руке дрогнула, так захотелось треснуть его в лоб. Остановило только понимание, что она вся в липком овсяном месиве, а времени в обрез, ждать, когда недо-росль отмоет волосы, просто некогда.

– Скажи, ты действительно такой дурак, или детство покоя не дает? – Читать нотации у меня настроения не было, поэтому, не собираясь выслушивать бляение этого недоумка, я поднялась. – Через пять минут выезжаем, если тебя не будет возле машины, побежишь следом.

Воздух после ночного дождя был свежим и чуть влажным, а на земле возле ступенек отпечатались свидетельства отлучки Юры. Крупные следы, которые неискушенный взгляд признал бы собачьими, выделялись во всей своей преступной красе. Вот придурок...

Стажер почти всю дорогу молчал, только громко сопел, ничуть не трогая этим моё черствое сердце. Машина сопровождения, маниакально висевшая на заднем бампере, немного отстала, дав возможность вздохнуть свободнее.

– Ночью кто-то ходил вдоль забора, я вышел, чтобы проверить, – на меня Юра принципиально не смотрел, созрев для разговора только через полчаса.

– Проверил? – Мысленно пожелав автохаму оставить задний мост в какой-нибудь колдобине, я притормозила, пропуская подрезавшего торопыгу.

– Да. Это кто-то незнакомый, среди нападавших его не было, – воодушевленный моим нейтральным тоном, Юра приосанился. Как же – защитник, ё-моё.

– Уверен? Тогда проверь, чтобы наверняка, – я вытащила из кармана флешку и бросила её на колени стажеру. – На будущее – во дворе и за забором стоит видеонаблюдение. Так что я имела сомнительное удовольствие полюбоваться не только на проходившего мимо соседа, но и на твою мохнатую задницу.

Юра медленно и неотвратимо покраснел, густенько так, почти до слез.

– В следующий раз сначала спроси. И не ври.

Уши пламенели ещё довольно долго, развивать тему я не стала. Если не совсем скорбен умом, то всё понял, а если совсем, то такого учить только портить.

Но и особо наезжать я не собиралась. Вполне возможно, что это была первая возможность выгулять зверя за довольно продолжительное время.оборотням в городе жить не просто – масса запахов, скученность, к тому же в животной ипостаси не побегаешь. А тут почти деревня, в полусотне мет-

ров начинается густой перелесок, вот и не устоял перед искушением.

– Давай так – я понимаю, что не всё ты можешь мне объяснить, – приходилось старательно подбирать слова, потому что тема оборота для двупоставных вообще-то довольно интимна. – Если приспичит, просто скажи, что пошел прогуляться. Но чтобы больше такого не было, договорились?

– Бойтесь моего отца? – В тоне насмешки не было, разве что затаенная тоска.

– Только дураки ничего не боятся, – я припарковалась во дворе возле нашей рабочей халупы. – Но нет, я его не боюсь. Опасаюсь и уважаю – да. Я понимаю, что тебе тоже не по себе от этой ситуации, так что давай попробуем не создавать друг другу лишние проблемы. И тех, что есть, за глаза.

Стажер немного воспрял духом, хотя в глаза старался не смотреть, сосредоточенно сжимая в кулаке флешку. Обнародовать запись я не собиралась, но говорить об этом не стала, пусть понервничает, может, в следующий раз дважды подумает.

Глава 7

*«Пацак пацака не обманывает, это некрасиво, родной...»
к/ф «Кин-дза-дза», 1986г.*

Чтобы сдержать зевок, пришлось сильно напрячь челю-

сти, и в левом ухе что-то больно щелкнуло. Поэтому оставшуюся часть производственного совещания я молчала, прижимая ладонь к скуле и пытаюсь понять, что только что сказала.

Занятая переживаниями, даже упустила из виду момент, когда Потапыч легким движением барской руки отпустил подчиненных и навис надо мной, как коллектор над должником.

– Что опять случилось?

– Ы! – Перестав проверять целостность речевого аппарата, наконец, поняла, что мы остались наедине. – Всё путем, начальник, просто задумалась.

Не говорить же, что совещание было таким интересным, что я чудом не вывихнула челюсть.

– Я вижу, что спишь в хомуте, – Потапыч отодвинулся, а потом и вовсе направился к своему трону. – Что там со стажером?

– Сидит. Ну, в смысле – сидит за столом и работает, – пришлось подойти к стеклянной стене, раздвинуть опущенные ныне жалюзи и выглянуть. Всё правильно, Юра склонился над бумажками, сосредоточенно их перебирал, поджимал губы и хмурил брови. Я тоже так делаю, когда пытаюсь создать видимость напряженного труда. Интересно, чем он на самом деле занят?

– Ясно... – Начальство соизволило выглянуть и хмыкнуло. Наверное, просек ситуацию, ему тоже порой приходится

дурака валять на рабочем месте. – Что-нибудь узнали?

– Господи, да вы как сговорились! – Я вернулась к столу и неинтеллигентно рухнула на стул. – То его папочка мозг чайной ложкой выедает, теперь вы... Нет никаких ниточек, вообще непонятно, кто и по какому поводу окрысился на Воропаева. Может, он девушку у кого увел, но сам не знает, или просто морда лица его кому-то не нравится, объективных причин для нападения нет. Лучше у своего друга спросите, кому он в последнее время хвост прищемил.

– Плохо. Плохо работаете, Альбина Константиновна. – Я подавила желание кинуть в него пластиковой папкой. Тоже мне, критик нашелся. – Ты в совпадения веришь?

– Не-а.

– И я не верю. Поэтому поройся, поспрашивай, не знаю... Карты там раскинь.

– Ага, предложите ещё на внутренностях погадать. Кстати, а ведь это идея.

Если правильно помню, нам сегодня надо съездить к одной гадалке, вразумить, так сказать, почему бы и не совместить полезное с неприятным.

– Эй, а ну стой! – Встревоженный Потапыч аж привстал со стула. – Ты на чьих внутренностях гадать собралась?!

– Обещаю, ни одно животное не пострадает, – чтобы не пришлось держать отчет в планируемых мероприятиях ещё до их осуществления, я выскочила из кабинета и направилась к стажеру. – Подъем, нас ждут великие дела.

Похоже, сидеть взаперти Юре надоело до тошноты, потому что никаких вопросов не последовало, и парень воодушевленно поспешил следом.

Перед дверью пришлось притормозить и предупредить соглядатаев о выдвижении в город. Судя по невнятному «угу» в ответ, там тоже мужественно боролись с зевотой, причем с переменным успехом.

– Куда мы? – Юра уже пообвык, потому в мою машину сел без гримас отчаяния.

– К одной даме, которая лечит по фотографии.

– А зачем она нам? Думаете, может что-то знать?

Ага, как говорила одна моя знакомая – про тебе і куры шепоталі.

– Затем, что на работе надо работать. Хотя бы изредка. Ведьма из неё так себе, заговоры слабенькие, а вот гадает неплохо. Нам её всё равно посетить надо, вот и спросим.

Ехать пришлось через половину города, у нашего управления районных отделений нет, руководство решило не плодить бюрократов. С одной стороны, правильно, всё-таки количество паранормалов на порядок ниже, чем обычных людей, зато в плане оперативного прибытия к объекту неудобно.

– На неё поступила жалоба?

– Да. На крупные дела у неё силы дара не хватает, поэтому дама берет количеством. И тем самым привлекла к себе избыточное внимание.

– Какая-нибудь газета «Спид-инфо»?

– Боже, ребёнок, надеюсь, ты это не читаешь? – Я хмыкнула, заметив, как Юра смутился. То ли из-за обращения, то ли в самом деле интересовался такой прессой. – Нет, писки из желтых изданий не самое страшное. Зато есть установленные правила, которые определяют степень публичности, и Степанида их нарушила.

Случалось подобное нередко, поэтому такие вот рейды стали утомительной, но необходимой обязанностью. Серьезные наказания за подобную деятельность не предусматривались, хотя и по голове не гладят. Кому же хочется ругаться с вышестоящими, тем более, что действительно сильные ведьмы лохотроном не занимаются, а сошки поменьше не нагледуют.

– У всех ведьм странные имена? Ну, вы Альбина, она – Степанида...

– Светка она по паспорту. А со мной немного печальнее, родители извратились. Отец не звонил?

– Нет.

Жаль, я надеялась, что он быстренько разберется с возникшей проблемой и избавит меня от круглосуточной повинности.

У Юры звякнул телефон, отчитываясь о полученном сообщении, и дальше мы ехали в тишине, стажер активно с кем-то переписывался, а я рулила по адресу.

Светка уже не раз попадалась на излишне активной дея-

тельности, так что дорога была хорошо знакома. В первые два раза ведунью Степаниду – именно так она называла себя в объявлениях, печатаемых на последних страницах бульварных газет – строго предупредили. Она впечатлялась, но потом всё повторилось. А потом и пугаться перестала, относясь к визитам правоохранителей как к неизбежному злу. После того, как помогла раскрыть пару преступлений, Светка и вовсе немного оборзела, хотя и не клинически. Так что мы с ней были знакомы, пусть и не особо симпатизировали друг другу.

– Выгружайся, нам сюда.

Двор был самым обыкновенным – асфальт в колдобинах и трещинах, песочница, в которой окурков больше, чем, собственно, песка. Возле подвального окошка батарея пластиковых лоточков с остатками сухого корма.

Вкопанные возле ничем не засаженной клумбы покрышки не дали подъехать вплотную, поэтому пришлось тащиться к дальнему подъезду пешком.

Заклеенная объявлениями дверь была приоткрыта, приглашая в прохладное нутро, пропахшее сигаретами и кошками. Лифт, естественно, не работал, поэтому на седьмой этаж пришлось подниматься пешком, зато узнали много интересного по поводу жильцов. Судя по тому, что за настенной живописью не везде проглядывал изначальный цвет краски, ремонт тут последний раз был ещё при Никите Сергеевиче. Ближе к цели нашего путешествия просто матерные надписи

немного разбавились высказываниями по поводу богомерзкой пособницы Дьявола, намекая, что соседи деятельность Степаниды не одобряли.

– Кто? – На звонок сначала никто не прореагировал, я уж подумала, что мы зря сюда ехали, но ожидание оказалось ненапрасным.

– Простите, я... мне... я по объявлению.

Услышав моё тонкое блеяние, Юра вытаращил глаза, но спросить ничего не успел, я вовремя сделала страшные глаза.

– Сейчас.

Пару минут за дверью чем-то шуршали и гремели.

– Если бы я сказала, кто мы и зачем пришли, хрен она бы нам открыла, – я передвинулась в более глубокую тень, чтобы Светка не смогла меня узнать.

Видимо, сегодня одна из чакр у ведуньи помутилась, потому что открыла она, не ожидая пакости. То есть, меня. Зато, когда рассмотрела, возвела густо подведенные черным глаза к потолку и досадливо сплюнула:

– То-то у меня ещё вчера предчувствие было плохое, а сегодня ещё и покойная свекровь снилась. Проходите, чего встали.

Я посторонилась, пропуская Юру. Гадостей от Степаниды я не ждала, поэтому безбоязненно подтолкнула его в комнату.

– Знакомься, это наш новый сотрудник Юрий.

– Щас упаду от счастья. Молодой человек, а разуваться

вас не учили? – Светка коршуном налетела на парня.

– Ты и клиентов заставляешь обувь снимать? – Тем не менее, кроссовки я стянула, оставшись в носках.

– Во-первых, у меня сегодня выходной, только полы помыла, а во-вторых, от них у меня прибыль, а от вас одни убытки.

Круто развернувшись, гадалка прошла в темный коридор. Мне пришлось немного поторопить Юру, потому что стажер замешкался в проеме.

– Чаем напоишь? – От въевшегося в стены и мебель аромата благовоний у меня закрутило в носу, поэтому дышать я старалась через рот и с большими промежутками.

– Воды из-под крана дать могу, – громыхнув в сердцах какой-то книжкой, Светка глубоко вдохнула и повернулась. – Вот скажи, теперь что не так, а? Достали уже шастать, вы мне клиентов распугиваете.

– Хватит врать, ты же сама слух пустила, что менты в ножки кланяются с просьбой раскинуть карты и помочь в раскрытии преступлений.

– Ну, пустила, и что теперь? Мне реклама не лишняя, а от вас не убудет, – Степанида достала из портсигара тонкую темную сигаретку, и в комнате отчаянно завоняло паленым какао. – А он говорящий вообще?

Рука, унизанная крупными перстнями, звякнула десятком браслетов в направлении Юры. Стажер же, отчаянно сражающийся с чихом, несколько ошалело оглядывался. В

принципе, я его понимала и в первом, и во втором – сама терпеть не могу сигаретный дым, а уж дом гадалки был похож на помесь салона оккультных наук и лавки старьевщика.

Книги в темных переплетах теснились на полках, подпираемые странными кособокими статуэтками и берестяными оберегами. Пучки трав – к слову сказать, довольно свежих, моли на них не наблюдалось – торчали из ваз, пара даже выглядывала из-за багета, припорошив тяжелую фиолетовую штору мелким сором. Круглый стол, накрытый белой скатертью, подметавшей пол пышными кистями. И мутный стеклянный шар, возлежащий на бронзовой подставке.

Светка, завозившись в ожидании ответа, случайно нажала спрятанную под скатертью кнопку, и шар осветился изнутри тусклым потусторонним светом. Ворожея с досадой выдохнула густую струю дыма и пнула что-то под столом.

Шар потух, а Юра отмер.

– И много у вас клиентов?

– А ты тоже погадать хочешь, сердешный? – Гадалка заинтересованно сверкнула взглядом на парня. – У меня сегодня скидка пятьдесят процентов, давай, не теряйся.

– Спасибо, не надо, я и так знаю, что меня ждет казенный дом. Я ж отчет по свидетельским показаниям не доделал, вернемся, буду в отделении сидеть до вечера, – это он пояснил уже мне.

– Свет, хватит дурию маяться, – я села за стол напротив. – Ты знаешь, зачем к тебе пришли.

– Ну, знаю, – налет мистики из голоса пропал, как сгнула и недокуренная сигарета, раздавленная о подставку шара. – Ребят, войдите в положение, мне за машину ещё больше года кредит платить, вот и приходится работать внеурочно. Я же особо не нарушаю. Да, молва обо мне идет, так и членские взносы плачу исправно, что вы пристали?

Стажер, не выдержав, все-таки троекратно чихнул в кулак, а потом, дождавшись разрешительного кивка хозяйки квартиры, широко распахнул окно.

– Вы клиентам всю правду рассказываете? – Немного подышавшись, он подошел ближе, продолжая заинтересованно коситься по сторонам.

– Ага, как же! За правдой, милый мой, ко мне не ходят. Ко мне идут, чтобы узнать, что бизнес захирел из-за порчи, наведенной конкурентом. Муж ушел, потому что соседка присушила. Замуж не выходишь из-за венца безбрачия. Сам как думаешь, мне заплатят, если честно скажу – в делах проблемы из-за того, что руководить не умеешь, муж ушел к той, кто поласковее и борщи варит, а замуж не берут, потому что жрать надо меньше, мало у какого мужика рук хватит гору сала обнимать? Так что я больше по части психологической разгрузки, чем по реальным предсказаниям.

– А деньги тогда за что берете?

Я не вмешивалась, предоставив Юре быть первой скрипкой оркестра. Нет, всё-таки придется разговаривать с Алексеем Егорычем, пусть даже мне потом прилетит. Из пацана

при должном старании выйдет неплохой оперативник. Если раньше не зашибут.

– Так психолог тоже только за поболтать деньги берет, я чем хуже? – Утратив интерес к парню, Светка повернулась ко мне. – Давай уже, говори, зачем приехали? Только не надо врать, что ради внушения – ты бы мне позвонила, усовестила, и забыла на полгода.

– Ты знаешь что-нибудь про Северное кладбище?

Резкий поворот разговора немного сбил Светку с толку, поэтому думала она минуты полторы.

– Первый муж у меня там похоронен. А тебе что именно надо?

– Всё, что сможешь вспомнить необычного. Или просто интересного, – я показала Юре на приткнувшееся в углу кресло, чтобы он не мельтешил и не отвлекал хозяйку.

Часы тикали, стажер ерзал на месте от нерастроченной энергии, я дремала с открытыми глазами, а Светка, судя по бессмысленному взгляду, ушла в астрал. Надеюсь, хоть ненадолго, а то есть уже хочется.

– Алька, хоть стреляй, ничего такого про него не слышала, – гадалка отмерла настолько резко, что мы с Юрой от её голоса синхронно вздрогнули. – Всякие придумки для малышни, конечно, есть, но это про любое кладбище так сказать можно. Наши там иногда отношения выясняют – тихо, спокойно, не хоронят уже давно. Но про это ты лучше меня знаешь.

– Это да... А что там за склеп в центре, не знаешь?

– Я тебе что, эксперт по захоронениям? Наверное, кого-то из цвета дореволюционной аристократии прикопали, явно не из простых, если отдельное помещение, – Светка стащила с пухлых белых плеч цветастую шаль, мгновенно потеряв вид ярмарочной цыганки и десятков лет. – Это тебе в городской архив надо.

– Ну, спасибо и на том, – я поднялась, Юра тоже мгновенно оказался на ногах. Понять его вполне можно, все-таки и для меня тут запах густоват, что уж говорить про бедного оборотня. – Свет, не хамей особо, лады?

– Постараюсь... Стой, куда пошла? Руку давай.

Я тут же сцепила пальцы за спиной:

– Не надо, ты же знаешь, я этого не люблю. Погадай лучше ему, полезнее будет.

– Ну, как знаешь, – со сдержанным разочарованием гадалка повернулась к Юре. – Чего тарацишься, лапу давай.

Воропаев недовольно засопел, но любопытство пересилило.

Светка довольно долго всматривалась в его ладонь, беззвучно шевеля губами. Потом молча показала на стул.

Карты таро словно сами прыгнули в её руку, перетекая упругой картонной волной. Тоже мне карточная фокусница, я-то знаю, что такой вид гадания один из самых неточных, но промолчала.

Юра с любопытством следил за действиями Степаниды. А

сидела перед ним именно она, а не раздолбайка Светка, которую выгнали с четвертого курса экономфака. Вполне возможно, и в ментовку бы сдали, но черноокая дивчина, зловеще понизив голос, сообщила замдекана, уличившему её в подделке подписей, что хроническая импотенция дело такое неожиданное и случайное... В том смысле, что может неожиданно случиться с каждым. Тот, хоть и посомневался, но Светка не зря стала так популярна среди народа, даже в юности умела быть убедительной, и просто дал забрать документы из ВУЗа, решив не доводить до конфликта.

– Значит так, касатик, видишь эту карту? – Она сунула ему под нос донельзя замусоленный кусочек картона с непонятной фигурой. – Все твои беды от неё. А теперь брысь отсюда, ко мне скоро должна подруга прийти.

Да уж, предсказание очень конкретное, но в этом все гадалки – говорить прямо нельзя, чтобы случайно не поменять судьбу. Хотя, как по мне, сейчас Светка просто дурковала, уж про «шерше ля фам» слышали все.

– А давайте съездим ещё раз на кладбище, – Юра остановился сразу за подъездной дверью, с удовольствием вдохнув свежие выхлопные газы.

– Думаешь, на месте осенит? В принципе, можно, – мне возвращаться в отдел не хотелось, к тому же в любой момент могут отвлечь экстренным делом, а хотелось сосредоточиться на основной проблеме.

До ограды мы докатили спокойно, насколько это вообще

возможно в нашем сумасшедшем городе.

– Почему вы не захотели погадать? – Вот умеет же парень задать неудобный вопрос.

– Потому что считаю это чушью. Можно угадать основные жизненные события, склонности человека или же предположить слабости, но на конкретные факты укажет только в одном случае. Если написать их на ладони ручкой, – я заперла машину и оглянулась.

Чуть поодаль в тени сидела дебелия девица, лениво лущая семечки и сплевывая шелуху возле стойки с венками. Рядом приткнулся островок искусственных букетиков, перевитых черными лентами, и пара вазонов с розами. Живыми эти цветы считались чисто номинально и больше походили на икебану.

– Ну, пойдем, посмотрим, с чего начались наши приключения.

Юра молча кивнул и придержал калитку, пропуская меня вперед.

По соседнему ряду неторопливо ползла старушка, подслеповато рассматривая надписи на памятниках, она удостоилась отдельного подозрительного взгляда стажера.

– Вы что-нибудь чувствуете? – Он подождал минутку, пока я приглядывалась и принюхивалась. Специфику моих способностей ему объяснили почти сразу, и Юра на удивление спокойно воспринял тот факт, что кто-то может обладать даром, недоступным ему самому.

– Чувствую, что зря пришли. Но всё равно сходим, хоть прогуляемся и подумаем в тишине.

Юре я рассказала весьма условный принцип гадания по ладони. Точнее, для всех, кроме ведьм, так оно и есть, а вот для нашего брата все немного сложнее – чтобы одна могла прочитать судьбу другой, нужно преодолеть определенный барьер. Что-то вроде врожденного презерватива на всю ауру. Слабая ведьма никогда не сможет сделать это с более сильной, даже если сильная полностью откроется. И если бы Светка сегодня попробовала погадать, у неё бы не получилось, зато она бы узнала, что моя сила не заблокирована.

Глава 8

«Беря на себя миссию правосудия, где-нибудь да нарушишь закон»

к/ф «Приключения принца Флоризеля», 1981 г.

Совру, если скажу, что спала, чутко прислушиваясь к каждому шороху. Скорее, дрыхла, как пожарная лошадь. Поэтому не сразу поняла, что меня разбудило.

В доме было тихо, никаких тебе подозрительных скрипов или тиканья часов. Оно с детства раздражает, поэтому в доме все часы электронные.

Не до конца задернутая занавеска позволяла предположить, что до рассвета осталось часа два. Всё ещё ущербная,

хотя и покруглевшая луна ко мне не заглядывала, но жиденький бледный свет позволял рассмотреть контуры предметов.

Через приоткрытую форточку доносился далекий шум никогда не спящего города. Вот проехала по соседней улице машина, и не спится же кому-то... Вдалеке залаяла собака, но тут же замолчала. Под окном пару раз цвенькнул сверчок, где-то рядом звенел комар. Или стая, судя по густоте звука.

Меня мгновенно снесло с матраса, одной ногой в тапок попала, второй нет, но искать его не было времени. Зато задержалась на секунду, выхватив из-под кровати кое-что другое.

Потому что я терпеть не могу комаров, на каждом окне стоит по противомоскитной сетке, да и жужжали совсем не насекомые.

Кто-то аккуратно, по ниточке распутывал защиту дома.

Честно говоря, испугаться не успела, ведущую роль играла злость на самоуверенную сволочь, которая посмела ломиться в моё жилище. Убью!

Первой жертвой едва не стал Юра, некстати попавшийся под ноги в коридоре.

– Там кто-то есть, – он выступил из угла, мгновенно сконцентрировавшись из непроглядной темноты, чем едва не довел до инфаркта. Рассмотрев меня, сам сделал шаг назад. Что, ни разу не видел внезапно разбуженную лохматую ведьму с бейсбольной битой в руках?

– Я в курсе.

Супостат никак себя не проявлял, но звук становился все отчетливее. К тому же в воздухе потянуло чем-то, весьма похожим на запах тлеющего прелого сена. Если не ошибаюсь, а я в таком не ошибаюсь, на дом накладывают сонные чары. Мне они не страшны, а вот Юра оперся на стену, все больше на неё наваливаясь. Объяснять времени не было, поэтому я без предупреждения надавила на болевую точку в основании шеи, отчего стажер сдавленно охнул, но мгновенно распрямылся.

– Охрану предупредил? – Я прислушивалась и принимаивалась, все больше настораживаясь. Уж больно нагло действуют...

– Они не отвечают, – поискав глазами оружие, Юра с легким смущением повернулся ко мне. – Отвернитесь, пожалуйста.

Ерничать не было ни сил, ни желания, и через несколько секунд по руке мазнуло мягким мехом.

Мы с волком прокрались в прихожую, стараясь ничего не задеть. Даже почти получилось, разве что я споткнулась через свои кроссовки и ударилась мизинцем о косяк. Мысленно выругалась и так же про себя поклялась буквально с завтрашнего утра стать образцовой хозяйкой, убирающей обувь на место.

Сквозь окно веранды прекрасно просматривался двор, освещенный двумя фонарями.

И никого.

Это ничего не значило, ведьма могла находиться хоть на соседней улице. Хотя, надеюсь, она гораздо ближе, иначе выходит, что мы имеем дело с очень сильным противником.

Я бы его не заметила, если бы Юра, вставший передними лапами на подоконник, вдруг тонко не заскулил, насторожив уши.

Раскачивающийся странный силуэт был почти незаметен на фоне кроны яблони, растущей возле забора. Мне в первый момент даже показалось, что это галлюцинации, но реакция оборотня была такой, что надежды на это не осталось. Вот блин...

Натиск на охранку внезапно пропал, взяв напоследок высокую ноту, почти на уровне ультразвука. От неё у меня на несколько секунд заложило уши, и всё резко закончилось. Исчезло ощущение чужого присутствия, даже ветер стих.

– Стой здесь и ни в коем случае не выходи.

Я метнулась обратно в спальню, на ощупь нашарила телефон и выбежала обратно, уже набирая номер.

– Что случилось? – Судя по бодрости голоса, спать Алексей Егорович не собирался, ну, или мгновенно приходил в себя. Мне бы такое умение.

– У нас гости, – машинально потрепала волка между ушами, надеясь, что он не заметит дрожания руки. – Прямой опасности нет, но ваши охранники не отвечают. Юра со мной, все в порядке.

– Минут двадцать продержитесь?

– Думаю, да.

Оборотень рядом согласно тьякнул и кивнул.

– Из дома ни ногой, забаррикадируйте двери, отойдите от окон.

И гудки.

Вот спасибо, милый человек, поддержал в трудную минуту.

В ожидании Воропаева-старшего я успела нормально одеться (не встречать же в растянутой футболке и пижамных штанах), разозлиться на себя и велеть стажеру привести себя в человеческий вид.

Юра вернулся через пару минут, не только одетый, но и умытый. Зато все такой же встревоженный.

– Распоряжение слышал? Брысь от окна.

Я пошарила на верхней полке навесного шкафчика в поисках початой бутылки коньяка, стоящей там ещё с прошлого дня рождения. Со времен бурной юности алкоголь я практически не употребляла, но дома на всякий случай держу. Случай был как раз подходящей, и мы с Юрой молча пригубили бокалы. Ладно, вру, не бокалы, а чашки, лезть за хрусталем в начале четвертого утра мне было лень, а стажера одолевали совсем другие мысли.

– Что это было? Ну, когда вы меня за шею схватили.

– Нас хотели усыпить, – убирать посуду я не стала, но и пить больше не собиралась. Зато организм охватила кипучая жажда действия. В основном, разрушительного характера.

– Насовсем? – Юра отставил чашку и нахмурился.

– Типун тебе на язык! Вряд ли... Тогда остались бы очень явные следы магического воздействия, по ним легко отследить ведьму.

– Опять ведьма?

– Ага, – я прислушалась к слабому звуку от двери и снова ухватилась за битку.

Мгновенно насторожившийся стажер расслабился:

– Это отец.

– Уверен?

Меня смерили взглядом, в ответ на который я скорчила рожу и пошла открывать.

Через полтора часа сдержанно позевывающий Юра не выдержал и все-таки отправился спать, а мы продолжали спорить и ругаться.

– Если мы не видим связи, это не значит, что её нет! – Я в сердцах слишком громко стукнула крышкой чайника и сама от этого поморщилась. Голова болела от недосыпа, но прикорнуть в ближайшее время не грозило.

– Я и не говорю, что её нет, – от рафинированной холодности Воропаева не осталось и следа. К тому же трудно оставаться небожителем, когда одет в вещи сына, маловатые на пару размеров. Добраться на машине так быстро, даже с учетом ночного времени суток, было невозможно, так что явился Алексей в зверином обличи. Заодно всё обнюхал, разбу-

дил двух придурков, оставленных нас сторожить, и распорядился снять «подарок». – Это было предупреждение.

– Какому идиоту вообще могло такое в голову прийти? – Тот, кто ломился в мою лубяную избушку, оставил небольшой презент – повешенную во дворе собаку. Намек был более чем прозрачный, чего уж там. – Ты меня, конечно, прости, но надо Юру отсюда убирать. Сам видишь, что от меня толку немного.

На «ты» мы перешли почти сразу. Как-то трудно соблюдать дистанцию после того, как увидели друг друга в далеко не самом куртуазном виде. Хотя на брудершафт пить не стали, но совместное успокоение нервов и без того значительно способствует сближению.

– Наоборот, – он упрямо мотнул головой. – В дом же пролезть не смогли.

– Если бы хотели, смогли бы. Дело даже не в уровне силы, а во внутренних ограничениях. Если ведьма готова на многое, чтобы достать противника, выложится по полной, но свое дело сделает.

Тут я почти не соврала. Ну, если только самую малость – пролезть смогли бы. А выйти живыми я бы уже не дала, но тогда пришлось бы явить свой дар, а это чревато.

Воропаев помолчал с минуту, расслабленно перекатывая в ладонях стакан. Стекло тускло поблескивало, голова трещала, мысли разбегались, а уж как хотелось спать, так просто не объяснить.

Охрана обследовала все, что смогла, расписалась в собственном бессилии и сгинула с глаз долой, чтобы лишний раз не нарываться. Винить их было трудно, если бы не лично мной разработанная охранка, могла бы и сама попасть. А так нападавшему просто не хватило времени разобраться, как её распутать.

– У кого из ведьм хватит сил, чтобы снять такую защиту?

– Юра сказал, зачем выходил?

Алексей отставил несчастный стакан и нахмурился:

– В смысле?

– Когда я вышла из комнаты, он уже был в коридоре. А теперь внимание, вопрос – что он там делал? Если твои волкодавы не успели ничего понять и предпринять, хотя находились намного ближе, то он и подавно ничего не услышал.

Он молчал, я тоже не лезла, дожидаясь, когда на меня спустят всех собак, ибо посмела усомниться в непогрешимости ближнего.

Возле склепа унюхал вампира стажер.

Нападение никто, кроме парня, тоже не видел, только его последствия.

Антон ничего не узнал, хотя скрыть от него что-то, касающееся вампиров, крайне трудно.

Единственным, что не давало ухватить Юру за шкуру и тряхнуть с вопросом, нахрена он дурью мается, была сегодняшняя ночь.

Да, он вполне мог выйти и даже надругаться над трупом

бродячего кобеля, но вот загвоздка – магией не владеет. А кто-то там точно был. И это кто-то из моей братии, что само по себе достаточно дерьмово.

– Надеюсь, не намекаешь, что он сам всё это выдумал и сделал?

– Я редко на что намекаю, скорее, прямо говорю. Если бы не попытка взлома, твой сын бы уже кувырком полетел из моего дома. И не надо так смотреть, не подействует. Лучше подумай, где и когда кто-то из вас перешел дорогу сильной ведьме.

Воропаев медленно наклонился, опираясь локтями на колени, и мне стало как-то не по себе. Это не стажер, который, хоть и оборотень, но ещё щенок. А тут матерый зверь, такой шею перекусит и не поморщится.

– Да, такое было. Двенадцать лет назад. Я был одним из судей по твоему делу.

Теперь мне и вовсе захотелось иметь под рукой заряженное ружьё, уж больно у Воропаева взгляд стал многозначительный.

– И за какой вариант приговора ты проголосовал?

– «Виновна».

Здрасьте, приехали...

В том смысле, что он придает этому особое значение, а мне плевать. Нет, тогда были какие-то эмоции, злость, ощущение бессилия, но сейчас глубоко фиолетово. А вот Алексей, похоже, совсем другого мнения. И докажи теперь, что я

вообще не в курсе, кто тогда выносил приговор.

– Так вот ты какой, северный олень... Зачем тогда сына доверил? – Я потеряла ноющую шею и подавила очередной зевок.

Моя реакция Воропаева не удивила, и он тоже на пару секунд напряг челюсти и прикрыл глаза, все-таки ночь не спал.

– Потапыч клялся и божился, что ты встала на путь исправления. К тому же Юра сам узнавал, кто из оперативников пользуется уважением, как куратор, и выбрал тебя.

– Это он зря.

Странно, но даже на начальство я не была в обиде. Чисто профилактически проесть мозг можно, а всерьез бзить было банально лень. Да и не за что, если вдуматься – свои заслуги, как натаскивателя молодежи, за собой признаю, поэтому стажер мне достался совершенно справедливо. А сын не в ответе за грехи отца. Тем более, что греха и не было – я действительно убила. И личность жертвы тут роли не играет.

– Нам выметаться? – Алексей поднялся и прямо посмотрел в глаза. Люблю мужиков, которые не мямлят, пряча взгляд, а решают вопросы сразу.

– Нет. Твое решение к безопасности Юры никакого отношения не имеет, а он мне нравится, поэтому пусть сидит. Кстати, почему такое резкое неприятие нашей работы?

Попытка подловить расслабившегося родителя в усталом, а оттого более мягком состоянии не прошла:

– Потому что нечего ему делать в следователях. Парень

способный, пусть сразу стремится к другим горизонтам. И это дело семейное, обсуждению не подлежит.

Я хмыкнула и подняла ладони вверх, показывая, что лезть больше не буду. Или все-таки вмешаться чисто из вредности? Но делать это не время и не место, к тому же что за удовольствие от сделанной открыто пакости? Вот если исподтишка и тщательно продуманно – совсем другое дело.

– План действий?

Судя по тому, что Воропаев дернул щекой, глянув на свой наряд, высокое начальство собиралось отчаливать и пребывало в некотором недовольстве от собственного вида. Помочь в этой беде я не могла, уж моя одежда на него и вовсе никак не налезет. Разве что снять Сашкин плащ, который уже второй год висит на пугале, но такое предложение могут счесть за оскорбление.

– Делайте вид, что ничего не произошло. Днем будьте постоянно на глазах. А это значит – никаких походов на кладбища и по злачным местам.

– Это уже как служба призовет, – в прихожей я зябко передернулась от потока прохладного воздуха с улицы и оказалась совсем близко к Воропаеву. А от него тепло, как от печки, так и хочется прижаться. Но, боюсь, поняли бы меня несколько превратно, поэтому осталось только завистливо вздохнуть и укутаться в кофту.

– Пока со всем не разберемся, вас переведут на бумажную работу, – он выглянул во двор, где уже полностью расспе-

ло. Да, теперь только в облике человека, появление в городе волка взволнует многие умы. – Вечером я приеду с вами, всё проверю.

– Хорошо.

Хоть я отступила от двери, чтобы он мог выйти, Алексею пришлось приблизиться вплотную. У меня от этого аж волоски на руках дыбом встали.

– Ты меня совсем не боишься? – А сам так и стоит, почти прижав меня к стене.

– А надо?

На это он только усмехнулся и вышел.

– Не стой на пороге, холодно.

Ответить я не успела, оборотень быстрым пружинистым шагом пересек двор, и через несколько секунд за забором заработал двигатель машины. Наверное, шофер, как примерный работник, дожидался за углом. Потому что иначе вышло, что это он мою машину угнал.

Но в чем Воропаев был прав, так это в том, что с босыми ногами на утренней прохладе стоять не надо, поэтому, плотно прикрыв дверь, пошла на кухню.

Все равно сон слетел, к тому же нам через полтора часа выезжать на работу. Да и вообще не мешает немного подумать, а это можно совместить с приготовлением завтрака.

Звонить Антошке ещё не время, не хватает только и ему сон обломать. К тому же он, если правильно помню, не так давно очередной раз женился. Или развелся? Совсем память

ни к черту стала, но в ЗАГСе точно был, а с какой целью – уже непринципиально.

Юра тенью прошмыгнул в сторону ванной, на ходу зевая и растирая ладонями лицо. Какие его годы, я в таком возрасте и по три дня не спала, так что жалеть его не собиралась.

Да, кстати, если вспомнить гадание Светки, причина всего происходящего безобразия – женщина. Версия, конечно, тухлая, но мы не отработали одного человечка, достаточно близкого к объекту. Хотя, чего это я, папа наверняка уже всю подноготную поднял, но нелишне будет спросить сейчас, чем потом чувствовать себя душой, не разглядевшей очевидного.

– Чем занимается твоя девушка?

Стажер поднял недоуменный взгляд от тарелки с омлетом:

– Студентка. А что?

– Ничего, разговор поддерживаю. Имя у неё есть? На кого учится?

Китайская хитрость не прошла, Юра отрицательно помотал головой:

– Она тут ни при чем, гарантирую.

– Тогда чего мандражируешь, ответить трудно? – Я вымыла тарелку с чашкой и сбросила сообщение охране, все равно минут через десять выезжать, пусть пока глаза продирают.

– Да нет, не сложно. Зовут её Люда Новикова, учится в пединституте на филолога.

Да, не тянет на мировое зло... Хотя есть что-то дьяволь-

ское в учительницах русского и литературы, ещё со времен школы помню.

– И давно у вас шуры-муры?

– Да не она это, зуб даю! Милка тут вообще никаким боком, она даже не знает, кто я. Нам не пора?

Перевод темы был резковат, не иначе как вспомнил про латентную зоофилку.

– Сейчас, только сумку захвачу.

Юра отправился ждать возле машины, а я пробежала по дому, проверяя, не забыли ли чего выключить, и дала себе задание на день – узнать всю подноготную этой Людмилы. К тому же стоит тряхнуть Потапыча на предмет длинного языка и узнать, что и кому он обо мне наплел.

А ещё неплохо бы начать присматривать себе нового мужа. Потому что у меня давний зарок – никаких интрижек с коллегами, поэтому спать с отцом своего стажера никак нельзя. Даже если очень хочется.

Глава 9

*«Не будем говорить кто, хотя это был слоненок»
м/ф «38 попугаев»*

Потапыч как чуял, что я жажду пообщаться, и полдня где-то пропадал. Этим он немного нарушил мои планы, зато появилось время поинтересоваться личностью возлюбленной

нашего волчонка. Для этого пришлось идти на поклон к гуру интернета. Это он требовал, чтобы к нему коллеги так обращались, а между собой иначе, чем Васяткой, не называли. Паренёк был на пару лет старше Юры, бледный и длинный, как вытянувшаяся помидорная рассада, со смешными оттопыренными ушами и постоянным количеством прыщей, мигрирующих по лицу. Официально он у нас числился сисадмином, но выполнял несколько другие функции. Молодое дарование неплохо поднаторело в пролезании во все дыры мировой сети, так что без его помощи мне было ну, никак не обойтись.

Во мне Васятка вызывал исключительно материнские чувства, чем с успехом пользовался. Впрочем, как и у всех остальных дам нашей шараги.

– Не-а, ничего интересного, – паренек смахнул крошки со стола, закончив с булочкой. Между прочим, это был мой обед, но вид бледной немочи, сидящей за монитором, был невыносим. К тому же я за зиму набрала пару лишних кило, как раз и попоцусь. – Обычная девчонка, вот, можете сами глянуть.

Васятка повернул монитор.

В принципе, согласна – среднего роста и телосложения, русые волосы ниже плеч. Курносая, со смешливыми глазами, немного широковатым ртом и нахально проглядывающими сквозь пудру веснушками. Симпатичная девочка, но кто его знает, что там скрывается за внешностью.

– Можешь скинуть мне на почту всё, что нашел? – Дождавшись кивка, потянулась до приятного хруста в пояснице и глянула на часы. Юра отпрашивался на обед в соседнее кафе, как раз должен вернуться. Меня он с собой не приглашал, чем даже обрадовал – за последние полтора года я привыкла к большей свободе, и его постоянно мельтешение рядом иногда раздражало. Точно старой девой становлюсь. Осталось прибавить к Полосатой ещё десяток кошек, и будет картина маслом.

Охрана о передвижениях объекта знала, поэтому поползла за младшим Воропаевым, пока я самым хамским образом вторгалась в его личную жизнь.

Васятка не подвел, и, с удобством расположившись за собственным столом, я полезла в соцсети. Нет, не потрындеть с подругами, а посмотреть, что нового узнаю об этой Людмиле.

Как оказалось, девочка вела довольно скромную виртуальную жизнь – ни тебе порносайтов в закладках, ни сомнительных личностей в друзьях. Все чинно и пристойно до зевоты. Зато нашла страничку Юры, где с интересом позависала минут пять. Пафосно-трогательные посты о волчьей верности перемежались фото крутых машин и странной музыкой. Ничего неожиданного.

– Аля, забеги ко мне, – Потапыч не стал заходить, только сунул к нам голову.

– Уже мчусь.

По дороге я встретила Юру, который хмуро брел на рабочее место. У меня вообще создалось ощущение, что он вот-вот стукнет кулаком по столу, поэтому притормозила:

– Все нормально?

Молча кивнул и скрылся за дверью.

Ладно, прибегу, узнаю, что там сокол ясный загрузил.

В кабинете мы с Потапычем оказались тет-а-тет, что меня порадовало, не хотелось бы делать этот разговор достоянием общест­венности.

– Давай, рассказывай, что было вчера, – он сложил руки на столе, приготовившись внимательно слушать.

– Вы же разговаривали с Алексеем Егоровичем, – я устроилась напротив, продолжая сверлить начальника взглядом. – Не думаю, что он сильно приврал, когда пересказывал.

– Он вообще редко врет, так что его рассказу верю. Но он – одно дело, а ты – другое.

Конечно, лестно услышать такое от Потапыча, но главного вопроса это не снимает.

– Что вы рассказали ему обо мне? – Пока он не начал выкручиваться, сразу добавила: – Про то, что он меня судил, и так знаю.

– Ну, и дурак. Вот про это мог и промолчать.

В принципе, я такую категоричность частично разделяла – нет ничего хуже, чем смешивать личное и общественное. Но при этом ценю честность, так что полностью согласиться никак не могла.

– Да нет, все правильно. А он знает, что я...?

– Скажем так – я ему ничего не говорил. Если и знает, то не от меня.

Какая интересная формулировка – то ли знает, то ли нет, а я не при делах в любом случае. Потапыч, блин.

– Не в курсе, под него в последнее время не копают?

– Да мы всё уже перебрали, – начальник с досадой фыркнул и мотнул головой, словно отмахивался от овода. – Всякой фигни хватает, сама знаешь, у нас спокойно только, если уже похоронили. Но ничего, за что могли бы мстить или подсиживать, сейчас нет. Значит, пацан темнит.

– Да, кстати, про похороны – насчет кладбища ничего не слышно?

Судя по взгляду, Потапычу захотелось трижды постучать. Можно даже по моей голове.

– Сплюнь, ворона... Выписка из архива будет завтра утром. – Вообще-то не царское это дело – направлять запросы в архивы, но мне нужны были как можно более точные сведения, к тому же не через две недели, а вот прямо сейчас, поэтому пришлось напрячь шефа. – Ладно, хватит о скорбном, что у тебя там по текучке?

Я коротко отчиталась, после чего начальственный интерес угас, и меня отправили с глаз долой.

Юра сидел в своем закутке, скорбно подперев голову рукой, и невыносимо страдал. Пока морально, но ещё не вечер. После этой мысли мне и самой захотелось сплюнуть – что за

дурная манера постоянно гадости ждать, нет бы на позитив настраиваться.

– Хватит дуться, что случилось?

Стажер сначала хотел отмахнуться, а потом все-таки вздохнул:

– Это личное.

– Девушка бросила?

Судя по взгляду, я сходу угадала, во всяком случае, плечи парня опустились ещё ниже.

Нет, конечно, дело молодое, всякое случается, но чтоб так всё вовремя...

– Она это как-то объяснила? И не надо на меня глазками стрелять, я не от бабьего любопытства. У кого-то на тебя явный зуб, морду чуть не начистили, машину повредили, даже дохлятину подкинули. А теперь ещё и девушка бросает. Даже для черной полосы это чересчур.

От появившейся в глазах Юры надежды стало немного неудобно. Во-первых, не умею правильно утешать морально страдающих, а во-вторых, может, он ей надоел, и действительно так совпало. Ну, бывает же и такое.

– Мы должны были пообедать вместе, Люда позвонила и отменила встречу. А потом и вовсе сказала, что всё кончено, типа, это была ошибка... Ну, вы сами знаете.

Честно говоря, не особо и знаю, я обычно четко обозначаю претензии, не сбиваясь на общие фразы. Но она девушка молодая и, скорее всего, романтичная, вот и прицепились

к языку фразочки из любовного чтива.

– А давай прокатимся к ней? Не надо сразу принимать оскобленную позу, меня этим не проймешь. Если стремно, она нас даже не заметит, просто убедимся, что с девушкой всё в порядке. А потом растворимся в закате, и ты сможешь поплакать у меня на плече.

Юра резко поднял голову и попытался прожечь неприязненным взглядом. Прожигалась я плохо, поэтому парень, поджав губы, отвернулся, чем совершенно не впечатлил.

– Ладно, дело твоё, я всё равно поеду.

Как и думала, стоило потянуться за сумкой, он тоже встал. То ли теплые чувства не угасли, несмотря на уязвленное самолюбие, то ли хотел последний раз посмотреть коварной деве вслед...

Что-то меня на лирику проперло, ой, не к добру.

Как оказалось, в институт Людочка последний раз навещала дней пять назад. После этого сказала больно, хотя половина группы подозревала, что девушка нагло косит от занятий, а это немного чревато – сессия-то вот она, ещё пара недель, и начнется.

Студенты делились с нами не то, чтобы очень охотно, но и не таились. На территорию педа мы проникли, прикрывшись моим служебным удостоверением и наглыми выражениями лиц. А вот группу таинственной девы пришлось поискать, побегав по этажам. Студиозусы как раз ждали припозднившегося лектора, воодушевленно поглядывая на ча-

сы и зевая на припекающем солнце, заглядывающем в окна. Свой интерес мы объяснили тем, что Люда была свидетельницей кражи, нужно снять показания, а дозвониться не можем. Не знаю, поверили ли одноклассники, но общались с нами вполне доброжелательно.

– Она ничего не говорила, может, решила съездить к родителям? – Я тоже с трудом подавила зевок, а вот Юра стоял, передергивая плечами и поджимая губы. Наверное, чувствовал себя добычей под заинтересованными взглядами девушек. В пед-то мужик зверь редкий, а оттого особо ценный.

– Да нет, – отмахнулась невысокая пышечка со стоящими дыбом короткими, явно крашеными черными патлами и кольцом в носу. Родители её учеников будут в восторге. – Она, если собирается к родителям, договаривается с преподавателями, чтобы не отмечали. К тому же это далеко, она с Урала, смысл сейчас гостить, вот сессию сдаст и на всё лето уедет. А в этот раз позвонила старосте и сказала, что заболела, спину просквозило, скобоченная дома сидит.

– Так, может, и правда болеет?

– Может. Только явно не спиной, я её позавчера в «Радуге» видела, шла вполне ровно. Окликнула Люду, но она не расслышала.

А вот это уже странно, потому что эта «Радуга» находится у черта на куличках, как говорится, три часа на самолете, два дня поездом, сутки на собаках и уже доехали.

Новый микрорайон на месте бывшего стекольного завода

возводили долго и мучительно, списывая на эту стройку такие суммы из бюджета, что впору было ожидать увидеть новый Петергоф. Вместо этого унылые ряды типовых многоэтажек, школа, детский сад и эта самая «Радуга».

– Она живет там рядом? – Юра тоже решил включиться в беседу, и правильно, сколько можно сопеть за плечом. Да и вопрос задал хороший – по здравому размышлению, делать в этом торговом центре ей нечего. Родни в городе нет, подруги тоже все из института, а живет и вовсе в другом районе.

– Нет, она где-то в центре квартиру снимает.

– А поточнее?

– Не знаю, я у неё ни разу в гостях не была... – Пышечка неуверенно оглянулась на остальную группу, которая уже всюю собирала вещи, готовая драпать в любой момент. – Может, хозяйева строгие, не разрешают гостей водить. У вас всё? – Она тоже нетерпеливо переступила с ноги на ногу.

– Почти. У неё есть друзья? Или молодой человек? – Я с трудом сдержалась, чтобы не лягнуть кхекнувшего стажера.

– Да она со всеми дружит, – кольценося пожалала плечами и подхватила сумку, потому как пятнадцать минут ожидания истекли. – Парень есть, но не из наших.

Дальше договорить не успела, потому что в аудиторию влетел немного запыхавшийся преподаватель, встреченный всеобщих горьким вздохом. Нам тоже досталось немного негатива, если бы не задержали вопросами, студенты вполне могли успеть сбежать.

Пока посторонние личности не заинтересовали преподавателя, мы бочком просочились в коридор.

– Вы с ней когда последний раз нормально разговаривали? – Я без вопросов направилась в сторону Центрального рынка. Надо бы найти эту неуловимую, кто знает, вдруг действительно пострадала за любовь. А если и нет, очистим совесть. Я сегодня вечером даже готова дать стажеру напиток, надо же это горе обмыть, пусть пострадает всласть.

– Сегодня, – недовольно буркнул Юра. Наверное, переживал и обижался одновременно.

– Я спросила «нормально». Сегодняшний разговор не в счет.

Трудно назвать нормальным разговором, когда тебя посылают по телефону. Хорошо хоть не смс-кой, это было бы и вовсе оскорбительно.

Стажер ненадолго задумался.

– Позавчера вечером, вчера мы только переписывались несколько раз.

– А что сказал насчет того, что вы не видите, и ты дома не ночуешь?

Может, она заподозрила измену и решила превентивно разорвать отношения, чтобы не быть брошенной стороной.

– Что у отца неприятности, а у меня очень много работы, – он замолчал на несколько минут, пока я спокойно рулила, лавируя в хитросплетении местных переулков. Какой же эстет их так прокладывал, с пьяных глаз, что ли?

– Она никак не могла случайно услышать мой голос, когда вы разговаривали? А то вдруг решила, что ты ей врешь, а сам по бабам пошел.

– Нет, я говорил, что мой куратор женщина. Даже ваше фото показывал.

Тут он резко осекся, разве что язык не прикусил. И чего, спрашивается, опять не так?

– На мобильник, что ли, сфоткал? Дай хоть посмотреть.

Юра замялся, даже сделал попытку покраснеть, а потом полез за телефоном. Пока он копался в залежах фотографий, я, руководствуясь скудными подсказками, припарковалась во дворе стандартной хрущевки. Кирпичные стены со следами примитивных граффити, пять подъездов, несколько унылых тополей и пара кленов, под которыми раскинулась песочница.

– Вот, – стажер отлип от экрана телефона и повернул его ко мне. Хорошо, уже припарковалась, потому что при виде перекошенной гнусной рожи вполне могла тормоз с газом перепутать.

Ну, спасибо, мил человек, так меня давно не оскорбляли. Похоже, Юра чуял за собой вину, потому что покаянно вздохнул:

– Раза с пятого получилось, мне ж нужно было, чтобы она не ревновала...

Не то, чтобы это сильно утешило, но дала себе зарок хотя бы изредка краситься на работу. Нет, я и без того впол-

не симпатичная девушка среднего возраста, но чувство собственного достоинства требовало уделить себе время. Даже в зеркало заднего вида глянула, желая убедиться в том, что сфотографированная страхолюдина не имеет со мной ничего общего.

– Ладно, принимается, хотя мог бы и шестой раз щелкнуть, зачем же любимую девушку так жестко пугать.

Решив оставить несколько болезненную тему, я вышла из машины и окинула двор испытующим взглядом. К сожалению, ни играющей детворы, ни бдящих за ней бабок не наблюдалось, а жаль. Дополнительные сведения нам не помешали бы.

– Какой подъезд?

– Второй, двадцать седьмая квартира. А что вы собираетесь делать? – Юра встал так, чтобы его не было видно за разлапистой сиренью.

– Позвоню в дверь.

– А если она дома?

– Что-нибудь сокру и со спокойной душой вернусь к тебе.

Все равно она меня не узнает.

Да что там, и сама себя по фото не сразу узнала, а тут ещё и через дверной глазок.

Пока юный страдалец не начал возражать, я двинулась в сторону гостеприимно приоткрытой подъездной двери. То ли тут жили люди, все ещё верящие в социализм, то ли просто забыли о существовании домофона. Во всяком случае, в

«пятку» дверей был засунут кусок кирпича, за что большее спасибо человеку, его подложившему.

На лестнице было прохладно и немного пахло вареной капустой, но на удивление чисто, даже пара горшков с цветами на окне между первым и вторым этажами. Дверь двадцать седьмой квартиры была обита скромным темным дерматином, но выглядела так же аккуратно, как и сам подъезд. А вот на звонок ответить никто не пожелал. Я даже пару раз пнула ногой по полотну, но и это плодов не принесло. Значит, юной прелестницы дома нет. Интересно, куда она тогда могла деваться? Если Юра не врет, а обманывать ему просто нет смысла, Людочка примерная студентка и прогуливать просто так не стала бы.

Пока я ломилась, как медведь к сове, за соседней дверью наметилось оживление – молодая женщина с трудом вытаскивала коляску и забряцала ключами. Между делом она с любопытством поглядывала на меня и пыталась накрыть завопившееся чадом антимоскитной сеткой.

– А вы к кому?

Я мысленно вознесла благодарственную молитву за то, что в соседях у Людочки не оказалась мающаяся от безделья старушка, иначе от неё бы не отбилась и за полдня.

– К Новиковой, не знаете, где её найти?

– Понятия не имею, мы не особо общаемся, – мамочка ухватила коляску и направилась вниз, потеряв ко мне интерес.

– Давайте помогу, – я подняла заднюю часть коляски, и мы потихоньку поползли по ступенькам. – Мне бы с ей поговорить, вопрос серьезный, – я на ходу попыталась придумать что-нибудь правдивое, потому что стандартные отмазки могут не пройти. – Младший брат с ней встречается, попросил помочь с практикой, я договорилась, но срочно нужны её документы. И, как назло, дозвониться не могу, пришлось приехать самой.

Версия была шита белыми нитками, и сама себя мысленно обругала, что не придумала ничего правдоподобнее – если мой брат с ней встречается, тогда какого черта эту девицу ищу я, а не он?

Но мамочка, благодарная за помощь, на некоторую нелепость не обратила внимания:

– Я её уже пару дней не видела. Позавчера столкнулись возле поликлиники, после этого не встречались.

– Ну, спасибо и на том.

Мы с ней распрощались, и я, дождавшись, когда ядро-зеленая коляска полностью скроется из виду, направилась к машине. Юры в салоне не было, он обнаружился рядом на лавочке. Деланное безразличие во взгляде меня не обмануло – парень заметно переживал.

– Дома её нет, уже пару дней никто не видел.

Насчет «никто не видел» я, конечно, приврала, соседка это ещё не все, но общая картина выходила настораживающей.

– Номер владельца квартиры знаешь?

– Знаю, – он на несколько секунд замолчал. – Но у меня есть ключи.

Опаньки, как удачно вышло. Вот только, если нас прихватят на чужих квадратных метрах, неприятностей огребем по полной программе. Выкрутиться-то сможем, но Потапыч потом плешь проест, а мне покрашенная седина дорога. Разрешения на обыск нам не получить – на каком основании? Да и потом, что может быть разумнее, чем визит молодого человека, заподозрившего неладное после разговора с любимой? Правда, моё присутствие будет лишним, но всегда можно отовратиться, что я тут в качестве моральной поддержки.

– Ну, тогда идём, посмотрим, всё ли на месте.

«И нет ли там ничего лишнего, например, трупа», – это я добавила про себя.

К счастью, и во дворе, и в подъезде теперь было совершенно пусто, поэтому внедриться в чужую собственность мы смогли без свидетелей.

На первый взгляд, все было в порядке. Ни разбросанных вещей, ни следов крови (я мысленно снова дала себе по губам), вот только запах какой-то неприятный... Источник я нашла на кухне – кастрюля с забродившим супом стояла на плите, рядом сковородка с не менее благоухающими котлетами. Меня аж замутило.

– Странно, она бы никогда не оставила продукты вот так, – Юра дышал ртом, для чувствительного носа оборотня такое

амбре было и вовсе нестерпимым.

– В спальне все в порядке?

– Да.

– А вещи? – Я, обернув пальцы носовым платком, заглянула в шкафчики. Банки с крупами, пакет муки, специи... Ничего преступного. А вот содержимое открытой полочки рядом со столом навело на мысли.

– В смысле?

– Посмотри в шкафах, на месте ли вещи.

В то, что она уехала, забыв убрать еду, верилось с трудом, но бывает и такое. Вот только я почти уверена, что, если это и произошло добровольно, то в сильной спешке.

Юра уже не выглядел оскорбленным страдальцем, тонковатые губы и вовсе превратились в бледную линию, глаза сверкали жадной деятельностью, а кулаки временами сжимались:

– Несколько полок пустые, но теплые вещи на месте.

– Значит, исчезать надолго она не планировала. Звони отцу, пусть подъедет, есть у меня пара мыслей.

Выдавать их стажеру пока не собиралась, надо обдумать, но интуиция подсказывала, что я на верном пути. Как и нос – несмотря на вонь от протухшей еды, в квартире тонким ароматом хвои чувствовалось присутствие ворожбы. И суть её была мне теперь хорошо знакома.

«Все на свете имеет свою обратную сторону, как сказал один человек, когда у него умерла теща, и пришлось раскошелиться на похороны»

Дж.К. Джером «Трое в лодке, не считая собаки»

Пока Алесей Егорович, который выслушал и велел сидеть тихо, не покидая квартиры, штурмовал пробки в нашем направлении, я проверила шкафы, заглянула в мусорное ведро и устроила шмон в ванной. Юра поначалу ходил хвостом, чем немало раздражал, пришлось дать ему задание. Теперь он ползал в сети, выискивая нужные сведения, я же почти уверилась в догадке. И мне она сильно не понравилась, поэтому и решила высказаться сначала Воропаеву-старшему, а он уже пусть проявляет отцовский такт и понимание и придумывается, как донести это до сына.

– Вот, нашел, – Юра показал на экране планшета карту с указанием городской поликлиники, к которой были приписаны жители дома. Пока я рассматривала её и понимала, что ничего не понимаю, стажер снова подал голос. – Только Люда же иногородняя, она обслуживается в студенческой, а это...

– Знаю я, где это. Раньше сказать не мог? – Черт, вот почему сразу было не уточнить у этой мамашки, где именно она видела Новикову? Конечно, можно подождать, пока соседка вернется, и задать этот вопрос, но на её месте я бы точно вызвала ментов. Хотя... – А посмотри, где детская поли-

клиника района.

Когда, спустя пару минут, он показал на карте адрес, а потом я и сама немного покопалась в окрестностях, картинка начала складываться окончательно. Эх, ещё бы в журнал самозаписи заглянуть, чтобы точно убедиться, но придется потерпеть, пока не явится Воропаев-старший.

Поработать с чарами я тоже попыталась, но тут ждал большой облом – прошло слишком много времени. Если бы мы сюда явились хотя бы утром, могло получиться определить, какие именно использовались, теперь же сумела уловить только общее направление. Если не ошибаюсь, здесь кого-то успокаивали. Или утешали. Во всяком случае, это точно не боевое направление, от него остаются совсем другие эманации. И не сонные, спасибо, совсем недавно обновила впечатления.

Пока я неторопливо просматривала книги и листала тетради, исписанные крупным округлым почерком, Юра вертелся рядом, едва не скрипя зубами, и постоянно мешал. Понимаю, что это у него от нервов, но и сама скоро начну скалиться и порывивать, если он не перестанет ежесекундно лезть под руку.

Поскандалить мы не успели, раздался звонок в дверь, и стажер помчался впускать отца. Пока они шушукались в прихожей, я машинально поправила волосы и даже подумала глянуть в зеркало, но потом себя одернула. Таки надо с этим что-то делать, на старости лет весна начала действовать

совершенно недвусмысленно.

Алексей прошел на кухню без сына, поэтому несколько удивился, когда я, не дав сказать и слова, ухватила за руку и, воровато выглянув в коридор, зашептала:

– Можно кого-то из твоих архаровцев отправить по партийному заданию, но так, чтобы Юра не знал?

– И тебе добрый день. Могу узнать, с чего такая секретность?

– Можешь, но я бы предпочла сначала проверить. Привет. Мало ли, вдруг ошибаюсь, а такой новостью ошарашу. Тем более что Люда пропала, и есть у меня серьезные подозрения, что не по своей воле.

– Подожди минуту, – не скрывая некоторого недовольства, Алексей через мобильник призвал верного оруженосца и даже вышел на пару секунд в коридор. Я бы предпочла думать, что из соображения приличий (хотя что такого интимного у меня может быть с его неведомым подчиненным), но скорее по зову сына, потрошащего шкаф в спальне. На секунду я представила, что девушка уехала куда-то сама и вот-вот заявится домой, ни сном, ни духом не ведая о нашей бурной розыскной деятельности... На её месте поубивала бы за осквернение жилища и устроенный погром.

Мальчик на том конце провода оказался смышленным, глупые вопросы не задавал, только сделал пару толковых уточнений и отбыл выполнять поручение. Осознавая степень высокого доверия, отчитаться пообещал сразу, как только по-

вяются данные. Умница какой.

– Теперь я могу узнать, что у тебя за подозрения? – Воробаев прикрыл дверь кухни, оставив переживающего отпрыска томиться в неизвестности. Странно, но Юра попыток проникнуть на наш режимный объект не предпринимал, я бы на его месте уже дверь с петель снесла, а в беседе поучаствовала.

– Можешь, но у меня пара уточняющих вопросов. Первый – что ты вообще знаешь об этой девушке? – Я уселась напротив, и так уж получилось, что спиной к окну. Только направленной в глаза лампы и не хватает.

Похоже, что такая рекогносцировка Алексей ничуть не смутила, он даже усмехнулся одним уголком губ.

– Знаю, что она существует, встречаются несколько месяцев. Лично не знаком.

Четко по пунктам, как в аптеке. Ладно, зайдем с другой стороны.

– А что ты знаешь о её родне? Неужели не узнавал, с кем проводит время твой сын?

– Если думаешь, что я горю желанием лезть в его личную жизнь, то зря, – не похоже, что оскорбился, но улыбаться перестал. Жаль, ему идет. – Семья обычная, у родителей какой-то мелкий бизнес, есть младшая сестра.

Ага, вот это уже правдоподобнее, а то «не знаю, не видел». Поскольку пауза затягивалась, а ничего нового я прямо вот сей момент узнать вряд ли смогу, пришлось излагать

свои мысли:

– Говорю сразу, точной уверенности пока нет, поэтому и отправила твоего подчиненного в женскую консультацию. Я думаю, что Людмила беременна.

Из коридора грохота не донеслось, значит, Юра нас не подслушивал. Какой выдержанный мальчик.

Его папа тоже порадовал – ни тебе тупых уточнений типа «ты уверена?» или «да быть такого не может!». В том-то и дело, что не уверена, а быть может практически всё, что угодно.

– Излагай, с чего такой вывод, – он откинулся на спинку стула, чуть скрипнувшего от такой фамильярности.

– Прямых доказательств у меня, естественно, нет.

– Естественно.

Поддакнул он с таким видом, что захотелось что-нибудь кинуть. Желательно в самого Воропаева.

– Поэтому твой человечек сейчас поехал в консультацию, возле которой недавно видели девушку. А подозрения вот с чего, – я вытащила из кармана припрятанные пузырьки, вдруг Юра нашел бы раньше времени и сделал такой же вывод. Только буйного оборотня мне тут и не хватало. Тот же, который сидел напротив, осторожно забрал лекарства и, прочитав названия, удивленно вскинул брови:

– Это же просто витамины.

– Да. Но такие и в таком сочетании они применяются на ранних сроках беременности. Заметь, больше на видном ме-

сте ничего из препаратов нет, только эти. Плюс к витаминам там есть препарат, который принимают от тошноты. Показания при других состояниях тоже есть, но он довольно слабый, если уж мутит и можно выпить что-то по сильнее, на этот никто и не взглянет.

Четыре года назад мы всем отделом отправляли в декрет Наташку, которую всю беременность то мутило, то знобило, то пробивало на слезы. Как вспомню, так вздрогну.

Теперь Алексей задумался намного крепче и глубже.

– Юре про это говорила?

– Нет, если все подтвердится, мне его не удержать.

Воропаев, оказывается, ответ ждал, немного затаив дыхание, потому облегченно выдохнул и кивнул:

– Все правильно, он сразу кинется её искать.

– Вообще-то это была новость из разряда хороших. Есть и плохая. В квартире применялись чары.

Вот теперь в коридоре раздался легкий шум. Я и дернуть-ся не успела, а вот Алексей рывком открыл дверь, застав стажера на месте преступления. Хорошо, что подполз он только сейчас, а то был бы тут нынче танец с бубном.

– Заходи, раз пришел, – даже не стала заострять внимание на факте подслушивания, у парня для вправления мозгов специально обученный человек есть. Ну, или не совсем человек, но в квалификации не сомневаюсь.

– Люда не могла применять никакие чары, она обычный человек!

– Понимаю твой возмущение, но как ты это определил? – Пришлось подвинуться, кухня-то стандартная, и троим тут было уже весьма тесно.

– Нууу... – судя по тому, как крепко он задумался, совет в Филях грозил затянуться до вечера.

– В том и дело, что никак. Она могла не выдавать себя ничем, поэтому мне нужна информация по её семье.

В ответ Юра сдержанно кивнул и снова куда-то испарился. Будем надеяться, что выполнять поручения, а не топиться в сливном бачке унитаза от горя и несправедливых обвинений любимой.

– Это может быть она? – Алексей, промолчавший во время моего разговора с его сыном, немного наклонился, не желая нового раунда оправданий и возмущений со стороны сына.

– Может. Но если, – я жестом показала круглый живот, – то нет. Есть ограничения на использование магии в этот период.

– Какие? – Теперь Воропаев и вовсе склонился так низко, что я смогла рассмотреть его ресницы. Они у него были темные, но у меня длиннее. Хоть в чем-то есть жизненная справедливость.

– Полные. Чувствовать чувствуешь, а применить не можешь, – стоило представить лица родных, которые узнали, что я выдаю закрытую информацию почти врагу, и на душе немного потеплело. А что, мы, ведьмы, такие.

Тем временем Алексей секунду о чем-то подумал, а потом с большим подозрением посмотрел на меня. Сообразив, о чем он подумал, я неполиткорректно покрутила пальцем у виска:

– Что, больше десяти лет?!

Нашу пантомиму прервал все тот же Юра, принесшийся с планшетом наперевес:

– Вот, это сайт магазина её родителей, здесь же есть контакты отца.

По этому стало понятно, что ребенок пребывает в шоковом состоянии, раз думает, что его собственный родитель не сможет найти что-то интереснее и, главное, информативнее. Но мы оба, не сговариваясь, с умным видом кивнули, благодаря старательного парня за службу. Алексей даже мельком глянул на экран:

– Проверим. Приведи квартиру в нормальное состояние, и уходите отсюда, – воспользовавшись тем, что сын снова унесся, он шепнул. – Юрке ни слова, иначе станет совсем плохо.

Кому именно, не уточнил, но это как раз понятно – оборотни обладают обостренными родительскими инстинктами. Причем, это касается не только матерей. Видимо, побочный эффект от звериного чутья, но хлопот это может доставлять много. Если догадка подтвердится, Юра носом землю рыть будет, чтобы найти девушку.

Так уж получилось, что у каждого из нас своё проклятие.

Вампиры не могут жить без крови, морально страдая от своего положения паразитов. Питаться от таких же бедолаг не вариант, у них нужная аминокислота тоже отсутствует. Это сейчас их образ романтизируют, и стало не в пример легче, а ещё пару столетий назад уничтожали без суда и следствия.

У оборотней большие проблемы с деторождением. Чем они вызваны, не знаю, но они могут иметь максимум двоих детей. И те будут стоить матери ощутимо подорванного здоровья. В этом плане наш Потапыч уникам, у него три дочки, а вот Воропаеву не повезло – супруга и после одного не выжила. И Людмиле, если она действительно в положении, без Юры кранты. Во время беременности старший носитель крови постоянно должен быть рядом, подавляя стремление ребенка к обороту. Если мать и сама того же племени, это проще – хватит и её воли, а вот с теми, кто к мохнатикам не относится, намного печальнее. Точного срока не знаю, но как только плод развивается достаточно, чтобы попытаться принять вторую ипостась, без вмешательства родителя он погибает вместе с матерью. Зато нет таких метаний с выбором партнера. Нет, ничего похожего на околпорнушные страдания, так популярные в литературе, просто оборотни не склонны к долгим рассуждениям и метаниям.

Ведьмы... И у нас все не так гладко, как может показаться со стороны, нам тоже приходится платить за возможность управлять чарами.

Адъютант (или как там правильно звучит его должность) Воропаева отзвонил через несколько минут, отчитавшись о проделанной работе. В книге самозаписи никакая Новикова не значилась, зато, запудрив мозги медсестричке, парень смог полюбоваться на карту первичного приема Людмилы. Там и был написан диагноз, подтвердивший мои подозрения.

Эх, Юра-Юра, кто ж тебя предохраняться учил, что в настолько молодом возрасте папой станешь?

Вслух я это не произнесла, да и проявлять любопытство по такому интимному поводу не стала, но пару советов дать хотелось.

Алексей на мой кивок после окончания разговора чуть заметно дернул щекой, нахмурился и, торопливо попрощавшись, растаял за порогом. Жаль, потому что узнать, сколько дней у нас есть, чтобы найти Людмилу, я так и не успела. А спрашивать у будущего отца не планировала, нечего отрока раньше времени в шок вгонять.

– Я всё убрал, за двором будут наблюдать на тот случай, если она вернется, – за эти несколько часов Юра утратил следы душевных мук, зато стал серьезным до крайности. Мне даже не захотелось язвить по этому поводу, что само по себе показатель. В пальцах он вертел подвеску на тонкой цепочке. – Люда её носила, практически не снимая.

Что на это сказать, я так и не придумала, поэтому только кивнула и пошла к двери. За прошедшее время в подъезде болеелюдно не стало, а двор и вовсе казался вымершим. Ни

обещанного наблюдателя, ни вообще хотя бы одного представителя разумной формы жизни видно не было.

– Альбина, я бы хотел кое о чем вас попросить, – в машине Юра некоторое время посидел молча, а потом решительно повернулся ко мне. – Когда все это началось, вы обратились за помощью к... – на секунду замялся, – бывшему мужу. Он может помочь найти Люду?

Надо же, значит, девушка ему действительно небезразлична, если наплевал на свои убеждения.

– Обещать не буду, но спросить могу. Надо?

– Да.

Разговор с Антоном много времени не занял, но принять нас прямо сейчас он не мог, потому что был за городом, и вернется не раньше ночи. Зато обещал сразу же заехать ко мне домой, по тону понял, что дело не в ностальгии и желаниии поболтать.

– Если не секрет, как вы вышли за него замуж? Или в семьях ведьм это нормально?

Его задумку я разгадала – если не можешь ничего изменить прямо сейчас, постарайся не накручивать себя и хоть как-то отвлечься. Да и особой тайны в этом не было, поэтому я ответила:

– В семьях ведьм отношение к смешанным бракам крайне отрицательное. Как и у вампиров. Нам было по восемнадцать лет, познакомились на рок-концерте, так все и закрутилось.

Подробности про то, что у меня тогда был затянувшийся

кризис переходного возраста, я упоминать не стала. Зачем учить плохому хорошего домашнего мальчика? До наркотиков я не дошла, но покуривала не только сигареты, наплевав на уговоры родителей и угрозы Минздрава. У Антона были примерно те же проблемы – далеко не последние среди своих родители, которые требовали от единственного ребенка слишком многого, задолбав чтением морали и наставлениями не опозорить славный род.

Между знакомством и свадьбой у нас прошло недели две, и большую часть времени мы провели в постели. Эх, золотые были времена. А уж как орали родители, когда узнали, что мы по приколу сбегали в ЗАГС... При этом и его, и мои родственники считали этот брак ужасным мезальянсом, но каждый в свою пользу. Вместе мы прожили почти четыре года, а потом все-таки разбежались. Наверное, просто повзрослели. Несколько лет назад, когда у меня как раз был перерыв между вторым и третьим мужем, даже попытались снова сойтись, но быстро поняли, что это бесполезно. Хотя хорошие отношения сумели сохранить, иногда встречаемся просто поболтать, выпить бокал вина и немного понастальгировать по минувшей юности. Антон, перебесившись, все-таки оправдал надежды семьи, сменив отца в Совете, я же так и осталась паршивой овцой, чему бывший муж иногда по-доброму завидовал. И даже пытался помочь, когда меня взяли в оборот, но тут пришлось сделать строгое внушение – ничего, кроме наживания неприятностей, его помощь не принес-

ла бы, слишком много внимания привлек суд. Антон тогда обиделся, но сразу после приговора, узнав, что мне предстоит, на полном серьезе предложил устроить побег. Ну, или, в случае его невозможности, взять к себе на работу. И от первого, и от второго я отказалась, зато убедилась, что чутье на мужиков у меня всё-таки есть.

Ну и что, что ему периодически приходится прикладываться к вене? Кто-то мотает нервы метафорически, а кто-то физически пьет кровь, и ничего страшного или отталкивающего я в этом не видела. Хотя и кайфа не испытывала, но, пока были женаты, без проблем помогала с решением этой пикантной проблемы, всё равно на ведьмах царапины заживают быстро.

– Это правда, что вампир, попробовавший чью-то кровь, потом легко сможет найти этого человека? – Вопрос питания Юра аккуратно обошел, хотя и чувствовалось, что задать его хочется.

– Если отхлебнешь молока из пакета, корову потом найти сможешь?

Стажер разочарованно вздохнул и отрицательно мотнул головой.

Ага, вот так и рушатся иллюзии.

– Подожди, хочешь сказать, что у тебя где-то припрятан шкалик с её кровью? – Я новыми глазами посмотрела на стажера – или он слишком предусмотрителен, или псих. Прямо не знаю, что и выбрать.

– Нет, откуда... Просто спросил.

Зато этим вопросом он подал мне одну идею. Не скажу, что здравую, зато действенную.

Ею я и была занята всё время, пока ехали домой – Потапыч, узнав результаты нашего променада, велел на работе не появляться, сосредоточившись на более насущных проблемах. Спасибо ему большое за понимание, только в отделе мне думается лучше, но кто же будет спорить с начальником, отпускающим домой?

Юра прочно повис на телефоне, обзванивая общих знакомых, а я, приготовив ужин, взялась за прополку клумбы с ромашками. Не то, чтобы всегда фанатела от дачного движения, но это хорошо занимает руки, давая возможность параллельно работать головой.

Если кто-то узнает, что я разблокирована, проблем огребу немеряно, это к гадалке не ходи. Но молодого оборотня было жалко, да и девчонку тоже...

В конце концов, полив огурцы, я решилась.

– Юр, не поможешь?

Орать не пришлось, к тому времени стажер устроился на веранде с ноутбуком. Судя по тому, что звук клацаний становился громче и злее, положительных результатов его деятельности не имелось.

– Да, конечно, – как правильно воспитанный ребёнок, он тут же встал и подошел. – Что нужно сделать?

– Принеси воды, – с этими словами я протянула ему боль-

шую жестяную лейку. Стажер, не ожидая подставы, доверчиво хапнул ручку, за что и поплатился шикарной царапиной на ладони.

– Забыла предупредить, там край острый, – я выхватила поливальник и прижала к кровоточащему порезу оперативно вынутый из кармана бумажный носовой платок. – Иди прямой перекисью, стоит на верхней полке в ванной.

– Да нормально, сейчас остановится.

Кое-как мне удалось вытурить парня с грядок, хотя он и сопротивлялся, а тщательно свернутый платок припрятать в карман.

Так, реквизит есть, осталось только дожидаться, когда Юра уgomонится и пойдет спать. С этим имелись определенные проблемы – на нервах стажер весь вечер бродил по дому, и не думая укладываться. Антону я позвонила ещё раз, он рассыпался в извинениях, но приехать раньше, чем через пару часов никак не мог – дела-с.

Значит, будем брать всё в свои руки, а то это никогда не закончится.

В конце концов, я плеснула Юре в чай замечательное средство от бессонницы собственного изготовления. Конечно, в наших нынешних условиях лишать себя силовой поддержки было глупо, но и воровать на глазах заинтересованной публики тоже не умнее. Как раз отведенного времени хватит, а потом растолкаю. К тому же уверенности в положительном результате собственных изысканий у меня не было,

а терпеть фиаско на глазах публики противнее, чем в одиночестве.

Во-первых, давно не практиковалась. Хотя, говорят, что ворожба сродни езде на велосипеде, если научилась, уже не забудешь, имелись определенные сомнения.

Во-вторых, гораздо эффективнее было бы искать Новикову по её собственной крови, потому как придется ориентироваться не на неё, а на ребенка. Если она ещё не сделала аборт, и если Юра его отец. Мало ли, насколько бурная у девушки личная жизнь... Да, ещё нужно не забыть тиснуть эту подвеску, если она носила её достаточно долго, есть шанс настроиться более точно. Вот так и становятся клептоманами.

Неожиданной проблемой оказалось найти подходящую одежду – раз уж последние годы я прожила законопослушной гражданкой, косящей под обычного человека, то и достойного рублища не сохранилось. Нужна только натуральная ткань, без добавления синтетики и металлических застежек. Желательно даже без пуговиц.

Льняную простынь было жаль, но ничего более толкового придумать я не сумела, поэтому соорудила наряд а-ля симпатичное привидение в исполнении Карлсона. Второпях вырез получился даже чересчур роскошным, поэтому «платышкo» норовило сползти, оголяя одно плечо.

С изъятием подвески проблем не возникло, Юра благополучно кемарил, свернувшись на диване в гостиной. Вот и ладушки, не будет под ногами путаться.

На улице давно стемнело, под крыльцом самозабвенно стрекотал сверчок, а с болотца доносилось бойкое кваканье. Посторонних звуков не уловила, подозрительные личности тоже мимо не пробегали, но стоит поторопиться – меньше всего нужно, чтобы кто-нибудь поймал на горячем.

Специально этот угол под ворожбу я не готовила, но в метровой щели между сараем и домом почему-то упорно не хотели расти никакие цветы. Ограниченное с двух сторон стенами, с третьей – высоким забором пространство настолько подходило для моих целей, что это даже подозрительно. Даже след от кострища, на котором несколько недель назад пекла картошку (ага, пионерское детство немного заиграло), был идеально ровным, не пришлось ничего исправлять.

Под пристальным взглядом Полосатой, которая заняла наблюдательный пост возле сирени, отгородившей нас от остального двора, я глубоко вздохнула и закрыла глаза. Разожженный из пары лучинок крохотный костер больше дымил, чем давал пламя, но и этого хватит. Да и комары не будут особо наглеть, что крайне важно – под дыханием ночного ветерка простынь слегка развевалась, а нижнее белье во время обряда считается излишним.

Сосредоточиться на нитях силы оказалось неожиданно трудно, даже болезненно. Раньше они ластились к ладоням, сейчас же сердито гудели, вибрируя и стегая по пальцам. Обижались за долгое невнимание, как живые.

Наконец, мне удалось полностью раскрыться и слиться с

окружающим миром, растворяясь в звуках и запахах. Сквозь закрытые веки я ничего не видела, зато ощущала. Прохладное, едва заметное дыхание жизни растений. Свернувшийся на ночь под кашпо уж казался скоплением чуть теплой энергии, шершавой на ощупь и немного отталкивающей. Зато Полосатая фонтанировала жаром, маленькое сердце пульсировало, ненадолго чуть ускорившись, а потом снова успокоившись.

Желание смеяться и кружиться было настолько сильным, что пришлось до крови прикусить губу, возвращаясь к реальности. Это первая ловушка, подстерегающая молоденьких ведьм, впервые пытающихся ворожить, и я в неё чуть не попала. Многие из нас настолько очаровываются новым видением, что потом не могут вернуться в тело, слишком плотно сливаясь с потоками энергии. В лучшем случае удастся вернуться ценой выгорания дара, в худшем вместо ведьмы останется только тело. Живое и функционирующее, но уже без души.

Я встряхнулась, открывая глаза и пытаюсь сосредоточиться на предстоящем. Салфетка, испачканная кровью Юры, легла на тлеющую ветку, и тонкий дымок тут же сменил направление, указывая на дом. Это я и так знаю.

Серебряная птичка сверкнула ярким камешком глаза, падая на начавшую обугливаться бумагу и...

Это оказалось даже как-то слишком просто. Стоило зажмуриться и потянуться следом за дымом, как подхватив-

шая его ниточка рванула вверх, а потом на север. Черные громады домов, расцвеченные яркими звездочками окон, тревожно шепчущиеся сосны в городском парке, блеснувшая на пару секунд чуть ребристая поверхность реки. А потом сгусток темноты, к которому так стремился дымок, и я вместе с ним.

Падая от усталости на землю, я знала, где искать Людмилу. Не точный адрес, но направление, а это уже немало. Так же как и то, что ребенок жив, и он от Юры.

– Надо же...

Я настолько сосредоточилась на попытке отдышаться, что пропустила слишком многое. Полосатая, увлекшаяся происходящим не меньше моего, зашипела от неожиданности и одним гибким прыжком сиганула за сирень. К сожалению, я её примеру последовать никак не могла, поэтому осталась на месте, разве что целомудренно прикрыла голые до самого пояса ноги подолом простыни.

– И снова здравствуйте.

Алексей осторожно обошел едва дымящееся кострище и присел рядом на корточки.

– Давно?

Вот нравится мне это умение одним словом задать неудобный вопрос. Ещё лучше, если бы отвечать предстояло кому-то другому.

– Давно.

Сил, чтобы подняться, не осталось, кажущаяся легкость

обряда вытянула их если не полностью, то изрядно, поэтому причинить ему какой-либо вред не получится. Если только в костер толкнуть, но это уже совсем детство.

– Встать сможешь? – Он выпрямился, почти слившись с густой тенью. А ведь это первый раз, когда вижу в его же цивилизованной «гражданке». Хотя это и громко сказано, как раз видела-то я весьма хреново, разве что различала чернеющий силуэт.

– Не знаю.

Попытаться разогнуться самостоятельно не успела, Воропаев на удивление легко поднял меня. Можно бы и на руки, но наглеть не стоит, на ноги поставил, уже спасибо.

– Где Юра?

Мы сделали несколько неуверенных шагов, и сторонний наблюдатель запросто спутал бы с зомби. Из темного угла шатающейся походкой выплывают два тени... При этом одна из них ещё и в грязных лохмотьях – простынь успела испачкаться в золе, да и моих сиделок на земле чище тоже не стала.

– Спит. Не хочешь спросить, что я делала?

Ответить он не пожелал, зато довольно шустро утащил обратно за куст.

Неожиданно, конечно, потому как ни обстоятельства, ни место никак не располагали. И когда меня свалили возле сирени, попыталась прояснить ситуацию:

– Ты убивать будешь или насиловать?

Пристально всматривающийся в темноту Алексей повернулся:

– Кого?

Ещё более неожиданно.

Открыла рот, чтобы сморозить дополнительную глупость, когда даже по полуглухой меня дошло – возле калитки кто-то есть. И не просто есть, но и шебуршится, пытаюсь её открыть. Тьфу, Антон же приехать обещал!

– Так, всё отменяется, это свои, – в этот раз поднялась сама, хотя и не без труда. – Давай поясню тезисно. Первое – я ведьма, о чём ты уже знаешь. Второе – Людмила в городе, где-то в районе стадиона «Динамо». Третье – беременна она от твоего сына, так что морально готовься стать дедом. И последнее – возле калитки один из моих бывших мужей, не надо ему горло рвать, просто впусти. Сейчас приду.

Дефилировать в расхристанном виде и дальше было слишком ущербно для чувства собственного достоинства, поэтому торопливо поковыляла в дом.

– Можно вопрос? Сколько твоих бывших мы ждем в гости?

– Пока одного, а там посмотрим.

Уже возле ступенек я встретилась с брошенной с вечера тяпкой. В лоб не получила, зато сдержанно выматерилась и захромала сильнее.

Поворожила, называется...

«Да ты, я вижу, ведьма!»

к/ф «Иван Васильевич меняет профессию»

Юра продолжал благополучно спать, поэтому по дому я шла, не скрывая эмоций. Не то, чтобы всё было очень-очень плохо, но близко к тому. Даже не собственные возможные проблемы беспокоили, столько то, что подставила Потапыча. Именно он все эти годы нес негласную ответственность оступившуюся ведьму, а тут получается, что мы вопиюще посмеялись над законами. Нехорошо получается.

Поражать воображение мужчин было уже поздно, к тому же настроение ни к черту, поэтому, наскоро приведя себя в порядок, вышла в спортивных штанах и футболке. Не до изысков моды, когда у тебя в доме одновременно вампир и оборотень. Подраться не подерутся, не сопляки малолетние, но конструктивной беседе такое соседство может повредить.

Антон видно не было, разве что с кухни доносилась возня, а Алексей на корточках сидел рядом с диваном и пытался растормошить сына. Тот в ответ вяло отмахивался и только причмокивал.

– Что ты с ним сделала? – И взгляд такой суровый до невозможности.

– Напоила успокаивающим чаем, ему не повредит, пусть выспится.

По взгляду Воропаева-старшего читалось, насколько ему хочется уточнить, проснется ли отпрыск вообще, но сдержался. Правильно, ни к чему сомневаться в моих способностях, и обидеться на такое могу. Хотя преимущества сейчас полностью на его стороне, но особой тревоги не было. И это странно, один намек, и моя жизнь сильно осложнится.

– Аль, так что у вас опять стряслось? – Антон присоединился к нам, дожевывая бутерброд. – Ты решила открыть приют?

Пришлось строго посмотреть на бывшего, только грызни на расовой почве мне сейчас и не хватает. Он предупреждению внял и даже поднял руки ладонями вперед, огрызок хлеба с колбасой пришлось зажать в зубах. Мужуку под сорок, а по поведению дитё дитём.

– Это личный вопрос, и я бы не хотел посвящать в него посторонних, – голос Алексея был вежливым-вежливым, что настораживало больше всего.

– Ну, какой же я посторонний, – Антон обнял меня за талию, прижимая к боку. – Я как раз свой, правда, Алюшка?

Может, им предложить прямо тут снять штаны и померяться? А то это никогда не закончится... Достали, ей-богу.

– Ребята, давайте жить дружно. И хватит искать повод, у нас слишком много проблем, чтобы отвлекаться на мордобой.

«Ребята» меня будто не услышали, хотя после этих слов и перестали пытаться зацепить друг друга.

– Что ты хотела? – Бывший муж убрал руку и сел напротив Воропаева. Если бы не уютное сопение спящего стажера, атмосфера казалась бы угрожающей.

По-хорошему, присутствие Антона и вправду оказалось несколько излишним, я уверена, что Алексей сможет найти Люду ничуть не хуже.

– Я пошла заваривать чай, а вы пока познакомьтесь.

Хитрость не удалась.

– Мы знакомы, – оборотень, чуть прищурившись, склонил набок голову. Со стороны полное впечатление, что целится в горло.

– Ага, – поддакнул со своего места Антон.

Я бы могла ещё немного поплясать перед ними, изображая радушную хозяйку и разводя политесы, но едва наступившая ночь уже вымотала дальше некуда, поэтому пришлось принимать меры.

– Мы на секундочку.

Вцепиться в локоть Воропаева оказалось легче, чем сдвинуть с места, хотя видимого сопротивления он не оказал. Пусть и не сказать, чтобы горел энтузиазмом, следуя на кухню.

Тут было темно, поэтому я практически ничего не видела, а ориентировалась больше по недовольному сопению.

– Кто бы знал, как вы уже задрали со своей междоусобной враждой... Ладно, согласна, что, позвав сюда Антона, я ступила, – про то, что это была инициатива Юры, упоминать не

стала, только лишний раздражающий фактор. – Прекрасно понимаю, что ты у нас и сам крут аж дальше некуда, но он хочет помочь. Более того, не только хочет, но и может это сделать. И мне кажется дурацкостю отказываться от помощи только потому, что тебе не глянулась личность помощника. Ты готов нести ответственность за то, что и Людмила, и ребенок погибнут из-за чьего-то уязвленного самолюбия?

Для большей наглядности неплохо бы ещё и указательным пальцем в его грудь ткнуть, но может выйти неувязка – в такой темноте запросто могу сломать этот палец о холодильник.

Да и поспешить не помешает, мы тут интимно шепчемся, а Антон только из командировки и, судя по виду, устал не меньше моего.

– Ты ему веришь?

Вопрос сложный, и однозначного ответа на него у меня нет, а тут не до колебаний.

– Он далеко не святой, но и не предатель. И Антон именно тот, у кого я попрошу помощи, если она мне понадобится. Стоит ли тебе делать то же самое, решай сам, на себя такую ответственность не возьму.

– Почему?

Мне показалось, или он немного придвинулся? Ни черта не видно...

– Откуда мне знать, как и при каких обстоятельствах вы познакомились? Может, давно друг на друга зуб точите. Из-

вини, но я проблемы твоей семьи решать не подряжалась. Если это в моих силах, помогу, но не проси рвать ради вас последнюю рубаху, у меня от вас проблем может быть куда больше, чем пропавшая беременная девица твоего сына.

Прозвучало некрасиво, но так и есть. Юра вызывает во мне симпатию, Алексей и вовсе более низменные инстинкты, только один момент – ни одному, ни второму не верю. Что-то во всей этой истории не сходится, а у меня и своих забот полно, чтобы брать на себя ещё и чужие. Хотя, чего обманывать, и так в них уже по макушку.

Тишина наступила такая, что в ушах зазвенело, ни шороха, ни звука дыхания.

– Но ты ему веришь?

Позорно подпрыгнула, потому что голос раздался из-за спины. Сначала во дворе прихватил, теперь ещё и это... Надо будет на него коровье ботало привесить, а то так и до сердечного приступа недалеко.

– Он хороший человек.

– Он не человек.

– Если цепляться к словам, никто из четверых в этом доме человеком не является.

– Вы как хотите, но ещё пять минут, и я лягу рядом с парнем. И меня даже не будут колыхать ваши подколки, – надо отдать Антону должное, перед тем как врубить свет, он коротко стукнул по косяку костяшками пальцев. Но это не помогло, потому что от резко вспыхнувшей лампочки все рав-

но заморгала, как сова.

И только сейчас осознала, насколько вымоталась морально и физически, так что если кто-то важный и весь из себя мачо снова начнет крутить носом, то получит пинка под мохнатый зад. Даже если этот самый зад сейчас без хвоста и весьма привлекателен. Как ни прискорбно признавать, но мне нынче один хрен, потому что спать хочется зверски, и никакие посулы сексуального плана не соблазнят. Старею, что ли?

– Аль, ложись спать, мы пока побеседуем.

Интимность обращения и сама суть предложения неимоверно взбодрили, потому что исходило оно от Алексея. Нет, я бы ещё поняла, если бы Антон снова скоморошничал, но этот... Видимо, что-то я всё-таки упустила.

– Действительно, хватит зевать, и так спать хочется. Мы все обсудим, дверь потом запрем, – Антон неожиданно поддержал бывшего оппонента, и выглядело это подозрительно до дальше некуда.

Но морды, которые лица, выглядели спокойными, поэтому я махнула рукой на правила хорошего тона:

– Хорошо, только надо как-то нашего спящего красавца тоже устроить. Он и без того устал и перенервничал, не хватает только, чтобы проснулся и увидел рядом вампира.

– Где он обычно спит? – Воропаев спокойно подошел к сыну и без видимых усилий поднял, перекидывая через плечо. Юра только коротко что-то вякнул и продолжил дрых-

нуть уже в вертикальном положении. Охренеть, в парне же килограмм семьдесят живой массы.

– Там... – я только и смогла, что бестолково ткнуть пальцем в дверь гостевой спальни. И проводила взглядом удаляющегося Алексея, ровно двинувшегося в заданном направлении.

– Даааа... – Антон привалился к стене, тоже глядя на уже закрывшуюся дверь, но не с удивлением, а как-то насмешливо, что ли.

– Это что было? – Помня про слух оборотней, перешла на шепот.

– Так, иди спать, у тебя уже мозги не работают, а то сразу бы поняла. Выпить есть что-нибудь?

– Нету, в прошлый раз всё допили.

– Эх ты, совсем распустилась, явного не замечаешь, кухня не укомплектована, – в надежде на мою ошибку он начал шарить по полкам.

– Да ну вас всех. Если что-нибудь испортите или разобьете, возместите в трехкратном размере.

Не дожидаясь возвращения Алексея, я поплелась к себе, чувствуя, что засыпаю на ходу. Сейчас хотелось согласиться даже на такую же транспортировку, какой доставили до кровати стажера, но на помощь никто не спешил, поэтому я решила хорошо обдумать все утром. Главное, чтобы тем временем мужики друг друга не поубивали и дом не спалили.

Как доползла до кровати, уже не помню, а вот момент

пробуждения осознала четко – кто-то коротко, но от души тряхнул за плечи. Нет бы разбудить, как Спящую Красавицу... Хотя, ну его, помнится, в самой первой редакции сказки она от принца двоих детей родила до того, как проснулась. Некрофил, блин.

– Аля, просыпайся.

Да проснулась я уже, только глаза продрать не могу, а челюсти зевотой сводит.

– Что?

Веки пришлось едва ли не пальцами расколупывать.

Алексей стоял возле кровати в такой позе, что для полноты образа не хватало только балахона и косы. Хотя видела я его весьма смутно – судя по жиденькому свету, сейчас около четырех утра. Если он спросит, где лежат вилки, или ещё какую-то такую же хрень, убью, не сходя с места, даже если потом сильно об этом пожалею.

– Мы нашли Людмилу.

– Ну, молодцы. От меня-то чего хочешь? – Поскольку припомнить, в чем легла спать (и надевала ли вообще что-нибудь), я не смогла, на всякий случай подтянула повыше одеяло. Не то, чтобы скромность разыграла, а ну как он сейчас соблазнится, и выяснится, что в настоящий момент мне плевать на его прелести, только бы выспаться дал?

– Она во дворе и отказывается заходить в дом.

Ишь, переборчивая какая...

Через пару секунд сон окончательно слетел.

– Выйди на минутку, я быстро.

Дождавшись, когда окажусь одна, мигом вскочила, поплескала в лицо холодной водицей, нацепила первую попавшуюся одежду и попыталась пальцами разодрать спутанные пряди. Может, у кого и получается спать так, чтобы утром они лежали волосок к волоску, у меня уже через полчаса после соприкосновения с подушкой принимают форму вороньего гнезда.

В то, что девушка отказывается почтить моё жилище только из врожденной скромности, не верилось. Конечно, всякое бывает, но это уже чересчур.

Пробежав по дому, Антона я не встретила, из чего сделала вывод, что бывший отправился восвояси. Или его прикопали где-то на грядке, нужно будет этот момент уточнить. Из спальни Юры пару раз всхрапнули, значит, этот продолжает спать. Аж завидно.

Несмотря на то, что днем установилась выматывающая жара, ночами в низине за участками собирался туман, стылыми клочьями поднимающийся от болота. Он проплывал через двор рваными лохмотьями, то истончаясь до состояния кисеи, то тут же уплотняясь и сгущаясь. Поэтому две фигуры, неподвижно замершие на веранде, неподготовленного человека заставили бы вздрогнуть.

Девушка сидела на краешке шезлонга, подобрал под себя ноги и накрыв колени подолом длинной вязаной кофты. Она держала спину ровно, но осоловевший взгляд выдавал,

чего ей это стоило.

Я сразу узнала смешливую веснушчатую девчонку с фотографий. В жизни выглядела чуть старше, но это вполне может быть от залегших под глазами темных теней. Волосы собраны на затылке в свободный хвостик, из которого вылезло несколько прядей, а челка немного взъерошена. Приятная девочка, если бы не одна малость.

– Она ведьма.

Стоящий рядом истуканом Алексей никак не отреагировал, а вот Людмила поежилась под моим взглядом. И хотя желание отвести глаза было явным, сдержалась и неохотно поднялась, кутаясь в кофту:

– Мне сейчас нельзя... – Она осеклась и бросила насто-роженный взгляд черед плечо. Воропаев никак не отмирал, вгоняя тем самым девушку в ещё большее беспокойство.

– Знаю, что нельзя.

Передо мной встала непростая дилемма. С одной стороны, она явно нуждается в помощи. И моей в том числе, хотя в последнее время с оборотнями и почти подружились, есть кое-какие моменты, о которых вне ведьминского общества говорить не принято. А придется, учитывая, что Людмила старший ребенок в семье. И хорошо, если только в семье, а не в поколении. С другой же, впускать её в дом очень не хотелось. В чем-то мы крайне территориальны, и сама мысль о присутствии там чужой ворожеи вызывала глухое раздражение.

Воропаев, похоже, был в курсе этих метаний, поэтому никак не пытался надавить. Ну, и правильно, я же не учу, как ему по лесу бегать, так что и в наши дела лезть не следует.

Не знаю, сколько бы стояла в раздумьях, но теплее за это время не стало, и у меня начали подмерзать ноги в открытых шлепках.

– Я впущу тебя в дом, но так, что сама потом зайти не сможешь.

Оглядываясь, пока шла к двери, не стала принципиально. Так понимаю, особого выбора у неё нет, и, если не совсем дура, приглашение примет. Хотя мне же лучше, чтобы отказалась.

На кухне было на удивление чисто. Не то, чтобы ожидала увидеть гору грязной и частично побитой посуды, но всё равно приятно. Чашки расставлены по местам, указывая ручками на восток, причем, так дружно, будто под транспортер выравнивали. Кажется, даже знаю, что их мыл.

Я как раз ставила чайник, когда появилась Людмила. Алексей плавной тенью скользнул в комнату Юры. Пора бы уже ему проснуться, раз ненаглядная нашлась.

Ненаглядная аккуратно присела на стул и подняла на меня серьезный взгляд:

– Я знаю, кто вы. – Надо же, какой сюрприз. – И не задержусь у вас, просто...

– ... просто тебе надо спрятаться от родных.

Щелканье кнопки чайника заставило девушку вздрог-

нуть.

– Да.

Из гостевой спальни донеслось какое-то шушуканье, поэтому расспросы пришлось временно отложить, сосредотачиваясь на коробочках с измельченными травами. Составить успокоительный сбор было не так и просто, раз большую часть этого ей нельзя, но я справилась как раз к тому моменту, когда взъерошенный стажер, очумело оглядываясь, влетел на кухню.

– Милка...

Дальше к ним уже не приглядывалась, всё равно ничего толкового, кроме слез и соплей, не добьешься. Алексей, явно разделявший эту догадку, легким кивком показал на гостиную.

– Как ты её нашел? – Я прикрыла кухонную дверь, чтобы молодежь не подслушала нашу беседу, хотя им пока не до этого.

– Она сама нашлась. Позвонила час назад, представилась и сказала, что срочно нужна помощь, – он сел рядом, откидываясь на спинку дивана. Судя по лицу, спать Воропаев так и не ложился. – Осталось только забрать её из парка возле ДК Машиностроителей, она там пряталась

Выходит, определила почти верно, от дома культуры до стадиона пара кварталов.

– Значит, зря я проводила ритуал.

Не то, чтобы это меня прям совсем расстроило, но опре-

деленная доля досады была.

– Не зря. Зато теперь мы уверены, что ребенок его.

Это да. Только вот вероятных проблем от этого меньше не становится.

– Что она вообще рассказывала? – Я уселась удобнее, подтягивая ноги. В конце концов, могу позволить себе на правах хозяйки дома.

– Немногое. Её родители узнали про отношения с Юрой, но приехать сразу не смогли, поэтому попросили кого-то из родственников временно спрятать Людмилу. А вчера явились сами.

Получается,дохлый бобик подарок от будущей родни. А я ещё что-то там на свою вторую свекровь бузила... Святая женщина!

Но если это так, то выходит, им кто-то донёс. А тут ещё и нежданчик в виде беременности от оборотня.

– Как она сбежала?

– Сказала, что её постоянно поили каким-то снотворным, с вечера она сделала вид, что выпила, а сама тайком вылила.

– Как-то слишком складно, не находишь?

– Нахожу. Поэтому за квартирой, в которой она жила последние несколько дней, присматривают, утром пообщаюсь с родней девушки.

Мы пару минут помолчали, обдумывая каждый своё. С одной стороны, семейство Воропаевых загостилось. Не то, чтобы это сильно напрягало, уже смирилась, но из-за них у

меня могут быть большие проблемы. С другой, спровадить отсюда молодую парочку тоже нельзя, пока не пойму, как с этим связан незнакомый клан ведьм. Да и просто жалко этих дуриков, в возможностях Алексея обеспечить им безопасность я не сомневалась, но и он не всесилен. А уж про то, на что мы способны, если сильно припрет, прекрасно знаю, поэтому пусть лучше будут на виду, мне так спокойнее.

– Можно кое-что попросить? Когда разузнаешь всё про её семью, дай глянуть одним глазком.

– Хорошо. Им можно остаться у тебя ещё на несколько дней?

– Да, только нужно решить с работой, одних их бросать нельзя.

– Я договорюсь, чтобы тебе это оформили, как спецзадание, – Алексей время от времени прислушивался и пару раз даже тихо фыркнул.

– И не стыдно? У них серьезный разговор, а ты уши греешь.

Я бы и сама не отказалась узнать, что там происходит, но не судьба. А этот ещё сидит и ухмыляется, никакого сочувствия к окружающим.

– Мне пора, – Воропаев с видимым неудовольствием поднялся с дивана. – Охрана на месте, на всякий случай пришлю ещё кого-то, мало ли.

– Присылай, – пошла следом за ним, притормозив только в ожидании, когда Алексей обуется. – Как прошел разговор

с Антоном?

– Продуктивно.

Мне показалось, или это прозвучало насмешливо? Да и от подробностей бы не отказалась.

– Он хоть жив остался?

– Да что ему сделается...

Возле самой двери он обернулся. Не буду врать, что сильно удивилась, когда оказалась прижатой к стене. И отбиваться не стала, оно мне надо? Зато четко убедилась, что целоваться Алексей умеет. Без наглости и излишнего напора, но крепко и убедительно. И губы у него приятные, теплые и твердые. Единственный минус – мало. Через несколько секунд он отодвинулся и, так же коротко улыбнувшись, ушел.

Вот ни разу я не романтичная барышня, но даже слегка покраснела. И от удовольствия, и от общей двусмысленности ситуации. Хорошо хоть у меня вечно холодные руки, ладони немного остудили горячие щеки.

Юра с Людмилой чинно сидели в гостиной на диване, сложив руки на коленях. Прямо свидание в пансионе благородных девиц. Можно было бы встать в позу и задать провокационный вопрос в стиле: «Ну что, доигрались в дочки-матери?», но не стала. И не моё дело – сама первый раз замуж в восемнадцать выскочила – и вообще не хотелось ерничать, дева из последних сил держит глаза открытыми.

– Идите спать, утром поговорим, – предупреждая возражения и уточнения, сразу добавила. – Здесь безопасно.

– Спасибо, – Юра поднялся первым, трогательно сжимая её ладошку.

– Приятных снов, – Людмила, не поднимая головы, кивнула и посеменила следом за ним.

– Вам того же.

Чашка с успокоительным так и осталась сиротливо стоять посреди стола, поэтому я залпом выпила содержимое. И перередернулась от омерзительного вкуса. Вот почему всё полезное такое гадкое?

Можно было бы заняться чем-то созидательным или хотя бы нормально обдумать ситуацию, вместо этого тоже отправилась в постель. Вряд ли в ближайшие пару часов стоит ждать нашествия врагов, отдохнуть же не помешает. А много думать вообще вредно. Особенно мне.

Глава 12

«А в анкетке непременно будет обозначено, из какого семени ты произошла, и какая в тебе кровь гнилая»
к/ф «Тени исчезают в полдень», 1971г.

Если утро началось в четыре часа, день быть добрым не может по определению. И неважно, что я все-таки успела ещё немного покемарить. Душа требовала чего-то непонятного, тело не прочь было бы впасть в спячку суток на трое, а обостренные инстинкты требовали выгнать всех постояль-

цев и запереться в блаженном одиночестве. ПМС, что ли?

Молодежь спала, и это даже к лучшему, как-то я ими уже утомилась. Поэтому, чтобы не разбудить, уползла подальше от жилой части дома и засела на скамейку под вишней, дыша духами и туманами. Точнее, тонким ароматом от соседского дымаря, просачивающимся сквозь дощатый забор. Пчелы не радовались такому вниманию хозяина, что выражали в громком злобном жужжании. Меня они не трогали, только кружились над головой и снова бросались на несуразную фигуру в просторном балахоне. Судя по регулярному черты-ханию сквозь зубы, не все атаки заканчивались, захлебываясь в пасечном костюме.

Полосатая умиротворенно вылизывалась на крыльце, шурясь на косые лучи утреннего солнца, и временами начинала мурлыкать. Только меня это благолепие не впечатляло, жажда деятельности всё-таки одолела.

Я успела покопаться на грядках и заканчивала готовить завтрак, когда зазвонил телефон. Увидев, кто хочет пообщаться, сначала удивилась, а потом сопоставила числа и тяжело вздохнула. Не зря у меня спозаранку подшерсток дыбом.

– Привет, мам, – прижав телефон к уху плечом, продолжила переворачивать котлеты.

– Здравствуй, Альбина, – мамин голос был вежлив и прохладен, как и она сама. В детстве меня это сильно обижало, потом перестало, а позже я узнала, с чем это связано. – Как

ты?

Увешана приключениями и оборотнями по самое дальше некуда.

– Спасибо, хорошо, а как вы?

Разговор едва знакомых людей, которые общаться не особо рвутся, но нормы приличий соблюсти хотят.

– Прекрасно. Скучаем по тебе. – Вот это едва ли. – Надеюсь, помнишь, что в выходные собирается вся семья? Нам бы очень хотелось, чтобы ты присутствовала.

Ежегодный общий слет родни, который язык не поворачивается назвать шабашем. Все соберутся, чинно перецелуются в щечки, лицемерно сделают вид, что рады успехам друг друга, решат, кому за кого выходить замуж, когда и от кого рожать детей (а далеко не всегда муж и отец ребенка едины в одном лице) и разъедутся до следующего года. Захватывающее мероприятие.

– Не думаю, что у меня получится, – масло стрельнуло на руку, поэтому ответила я несколько невнятно, посасывая обожженный палец.

– Ерунда, отложи свои дела, это гораздо важнее, – мама никогда не скрывала, что моя работа позорит семью. Как и тот факт, что я вообще дала себя поймать и осудить. Если то, что по моей вине кто-то погиб, её не особо тревожило – не первая и не последняя, кто физически устранил врага, – то нынешнее положение заставляло чувствовать себя неудобно перед другими уважаемыми ведьмами.

– Есть дела, которые невозможно отложить. И потом, мам, давай начистоту – силы меня лишили, замуж тоже не хочу, вид того, как наша родня капает ядом при виде друг друга, мне никогда не нравился. И вообще, не думаю, что кого-то расстроит отсутствие всеобщего раздражителя.

На собрании я не была последние четыре года. Если до этого ещё пыталась сохранить видимость хороших отношений, то потом поняла, что эти потуги триста лет никому не сдались, так зачем напрасно себя терзать? И просто перестала приезжать. Теперь каждый год мама пыталась убедить, насколько я не права, что нет ничего важнее семьи, а то, что ты ущербна по причине блокировки силы, конечно, плохо, но должна же быть в элитном стаде хотя бы одна паршивая овца. Это уже не её слова, а мой вольный перевод.

– Тетя Яна плохо себя чувствует, она очень просила тебя приехать.

Марьяна Никитична, моя двоюродная бабка и по совместительству глава семьи, регулярно помирала последние лет пятнадцать, и некоторые из родни уже отчаялись этого дождаться. Обустройства смертного одра проходили с помпой и в торжественной обстановке – бабка собирала всех представителей многочисленного рода Журавлевых и подробно перечисляла каждому его прегрешения. Как её только склероз стороной обошел... Потом следовали распоряжения по похоронам и поминкам, заверения, что никому из нас она наследство не оставит, потому как окружают её исключитель-

но алчные бестолочи (вот тут я была склонна соглашаться), а дальше следовало чудесное исцеление. Единственный раз, когда все пошло не по намеченному сценарию, был как раз пять лет назад. Меня утомили бабкины предсмертные метания, поэтому вместо букета белых роз, которые она так любит, я привезла корзину красных. Искусственных. Перевитых черной лентой. Мол, все равно же помирает, чего два раза в цветочный мотаться? Бабка не только мгновенно воскресла, но и устроила мне капитальный разгон, за что ей огромное спасибо. Теперь необходимость посещать семейные сборища отпала, а на уговоры матери поддаваться я не собиралась.

– Тетя Яна проживет ещё лет пятьдесят. Вот когда точно помрет, тогда и приеду.

– Альбина! – В голосе матери появились стальные нотки, свидетельствующие о том, что родительница слегка вышла из себя. – Это, по меньшей мере, бестактно. Я скажу ей, что ты раскаиваешься и обязательно приедешь, чтобы извиниться.

– Учти, если ты ей это скажешь, я-то приеду, но в качестве подарка привезу сертификат на захоронение.

Ледяное молчание, длившееся десяток секунд, прервалось не менее вымораживающим:

– Ты ведешь себя, как испорченный ребёнок. Надеюсь, времени, которое осталось до собрания, хватит, чтобы повзрослеть. Суббота, три часа дня.

И гудки.

Ну, в этот раз, можно сказать, отделалась малой кровью. И ведь сколько раз говорила, что ни мне это неинтересно, ни от меня никакой пользы семье, каждый год одно и то же. Упорная у меня родня.

– Здравствуйте.

Занятая этими мыслями, я даже не обратила внимания на то, что на кухне уже не одна.

– И тебе того же. Спит?

Людмила не стала стыдливо мяться на пороге, прошла ближе к столу. И глаза, как вчера, не прятала, смотрела прямо. Хотя и не нагло, это уже радует.

– Нет. Я попросила не вмешиваться, хочу поговорить наедине. Зачем вы нам помогаете?

Случай, когда одна ведьма помогает другой, причем, незнакомой, не то, чтобы беспрецедентный, но и частым его не назовешь. И на месте Людмы сама задалась бы этим вопросом.

– Потому что. Давай так, ты мне сейчас кое-что расскажешь, а потом начнем выяснять, какие у меня скрытые мотивы, идет? – Поставив две чашки с ещё тепловатым компотом, я села напротив молодой ведьмочки.

– Нет, не идет. Я не буду ничего рассказывать, пока нет уверенности, что эта информация не пойдет во вред мне или Юре.

– Ну, что не конченная дура, уже хорошо, та бы сразу со-

гласилась. Ладно, тогда давай так, я клянусь, что не затеваю ничего дурного ни относительно твоего ребенка, ни его отца, – клятва, несмотря на расплывчатость, обещала безопасность и самой Люде, пока та беременна. Даже если это её уши торчат из имеющихся проблем, а на это многое намекает, вряд ли она решила выбрать такой замысловатый способ самоубийства, как беременность от оборотня с последующим упокоением отца ребенка.

– Принимаю, – Люда заметно расслабилась, даже руку к чашке протянула, но потом передумала. Да и вообще, судя по медленно расплывающейся по лицу зелени, запах котлет её никак не радовал. Снять дурноту для ведьмы дело нескольких секунд, вот только ей этого делать нельзя, а мне категорически не хочется проявлять себя. В то, что Алексей сохранит тайну, я пока ещё наивно верила и демонстрировать перед незнакомой девчонкой собственные умения не собиралась.

– Идем на веранду, так посвежее.

Люда пулей вылетела из-за стола. Надо же, как приперло, а терпела.

Захватив по пути плед, лежавший на спинке кресла, я неторопливо вышла на улицу. Ночная прохлада сошла, и хотя на листьях ещё поблескивала роса, начало ощутимо припекать. Снова жарить будет. И ведь на речку не пойдешь, ночью слишком холодно, вода слабо прогрелась.

– Очень плохо?

Люда, повисшая на перилах веранды и жадно вдыхающая свежий воздух, чуть качнула головой:

– Три дня мутит. Вчера вообще ужасно. Сегодня уже полегче.

Говорила она рублеными фразами, стараясь не разжимать зубов. Видимо, и впрямь сильно подурнело.

– В ближайшие несколько дней стараясь не отходить от Юры дальше, чем на десяток метров. И дольше, чем на два-три часа.

Она кивнула, все ещё не решаясь отодвинуться от спасительных перил. Вот и выяснили, когда наступает час икс для беременной от оборотня. Мне почему-то казалось, что это произойдет позднее. Или надо перекреститься, или у ведьмы обычный токсикоз, и рано впадать в панику.

Хотелось сразу перейти к интересующим моментам, но не спрашивать же в лоб, какого хрена твоя мама развешивает по моим заборам дохлятину? Поэтому придется зайти издалека и просто по-женски поболтать и поохать.

– Как тебя вообще угораздило с ним связаться? Ты же не могла не знать, кто он такой, – дождавшись, когда девушка перестанет слишком уж пристально рассматривать заросли малины, разросшиеся возле веранды, и повернется ко мне, я задала давно назревший вопрос.

– Знала и видела. Просто вышло так, – Люда присела напротив меня, устало откидываясь на спинку шезлонга. – У нас оказались общие друзья, случайно встретились в кино-

театре, они и познакомили. Юра мне сразу понравился, но...

– Но связываться с оборотнем ниже твоего достоинства?

– Да при чем тут это... – она зябко поежилась, пришлось отдать плед. – Хотя, и это тоже. У меня дома жених остался.

Прямо мексиканский сериал, того и гляди, в кадре покажется дон Педро с напыженными усиками.

– Сама выбрала?

– Нет, родители.

Тогда всё ясно – неприятно, когда родня навязывает тебе спутника жизни, причем, так, что далеко не всегда есть шанс отказаться. Похоже, у Людмилы его не было, вряд ли она сильна, а значит, пойти против воли родителей не могла. В чем-то наши семьи та же волчья стая – правит сильнейший, и у более слабых нет возможности не подчиниться альфе. Только у нас строгий матриархат.

– Юра упрямый, – она задумчиво улыbnулась и сразу стала намного красивее. – Я сразу сказала, что не буду с ним встречаться, а он каждый день ждал после занятий. Приглашал гулять, терпел постоянные отказы. И я поняла, что мне с ним хорошо. Дышать легче и сразу настроение лучше становится. Мне с ним спокойно. Сама не заметила, как влюбилась. И с его стороны тоже серьезно, он не раз предлагал познакомиться с отцом, спрашивал, когда приедут мои родители.

Значит, измором взял. Надо же, какие таланты у нашего волчонка, а так сразу и не скажешь.

– Про жениха сказала?

– Нет.

– Тогда не тяни, поверь на слово, потом будет хуже. Он знает, кто ты?

– Тоже нет.

Ой, как все запущенно... Вот тут могут быть реальные проблемы. От меня он уже знает, что ведьма оборотня увидит сразу, так что Люда была в курсе, но не посчитала нужным рассказать о своей сущности. Чую, будет у нас душевная драма. Бросить он её вряд ли бросит, но и простит далеко не сразу. Мне даже стало жалко молодую ведьмочку.

– От кого твои родители узнали о ваших отношениях? – Вопрос очень актуальный, потому что сама она сознаваться не стала бы, а ясновидящие среди нас редкость.

– Я не знаю. Но четыре дня назад приехала дальняя родственница по маминой линии и увезла к себе домой. Она сильная, а я не могла сопротивляться. Потом приехали родители, мама уговорила позвонить ему и сказать, что мы расстаемся.

– Ты говорила им, от кого беременна?

Пока, вроде, и складно, но что-то категорически не сходится. Первое нападение было намного раньше. И в чем тогда смысл?

– Нет. Но узнать несложно, особенно, если сильно захотеть. Я же ни с кем больше не встречалась.

Это да, при большом желании запросто можно узнать не только имя, но и остальные данные, тут она права.

– Ты сама-то понимаешь, что не выжила бы без него? – Она только судорожно сглотнула и не ответила. – Как тебе вообще пришло в голову от него забеременеть?

– Моя семья никогда не примет оборотня. А так у них не осталось бы выбора...

Со страшной силой потянуло прогнусить «Жениха хотела, вот и залетела», остановило только то, что пою я весьма так себе. Все-таки девка дура, утешает только то, что в её возрасте я и сама была не умнее. Если выживет, есть шанс повзрослеть не только физически, но и мозгами. А то двадцать лет, а ума как не было, так и не предвидится.

– Аборт предлагали? – Людмила непонимающе вытаращилась. Как дитё, ей-богу. – А как ты думаешь, они собирались решить эту проблему? Без Юры ты физически не выживешь. Сама-то готова к тому, чтобы быть с ним постоянно? Это не так просто, особенно для нашей сестры.

Слишком уж мы свободолюбивые и, как бы это помягче сказать, влюбчивые. Не то, чтобы совсем простигосподи, но и строгих моралисток среди ведьм не водится. Женская природа силы требует своего, а мужики на такое ведутся, даже не подозревая об источнике нашей привлекательности.

– А с чего вам этим интересоваться? – Взгляд получился подозрительный и даже немного предупреждающий.

– Не переживай, я детей не совращаю. Интересуюсь потому, что пытаюсь понять – надо мне влезать в вашу историю или просто послать куда подальше, и разбирайтесь сами. Ни

ты, ни он мне не родня и не лучшие друзья, чтобы задницу на британский флаг рвать. И проблем от вас пока намного больше, чем позитивных моментов.

– Тогда почему мы здесь?

– Потому что подобное притягивается к подобному, полный дом идиотов, и я во главе. Ты не ответила на вопрос.

Она на несколько секунд опустила глаза и прикусила губу, раздумывая. А потом решительно подняла взгляд:

– Я не знаю, что и как у нас получится. Но хочу быть с ним, хочу родить от него ребенка. И только Юру вижу своим мужем. Если ради этого придется отказаться от родителей, я готова это сделать.

Дар я не применяла, но и без того было заметно – она в это верит. Про правду заикаться не буду, и себе не каждый день доверяю, а вот четкая убежденность в голосе звучала.

– Аллилуйя. Теперь иди к нему и осторожненько сообщи, что ты ведьма. Только не в лоб, у меня коньяк несколько дней назад закончился, отпаивать нечем. Если будет сильно зверствовать, изображай бледность и общее недомогание организма, должно подействовать.

Чему я учу детей...

Людмила сосредоточенно кивнула и тихонько шмыгнула в дом. Я же осталась в шезлонге, всё равно заняться особо нечем. Подслушать по-человечески не получится, а сидеть и знать, что в соседней комнате разыгрывается драма, и не иметь возможности к ней приобщиться, это мука. Поэтому,

посозерцав немного свои ноги (надо бы педикюр обновить), попыталась разложить по полочкам то, что узнала.

Итак, есть у нас мальчик Юра, который решил соблазнить девочку Люду. Их брачные игры к делу не относятся, поэтому их пропускаем. Когда мальчик таки добрался до тела белого, он приходит на стажировку ко мне. И в первый же день мы становимся свидетелями несостоявшегося акта вандализма. Ещё я вмешалась в разборку двух ведьм, но их никак к делу не пришьешь – они не могли быть уверены, что пришлют именно меня, значит, вероятность ловушки-тире-засады признаем равной нулю. Через пару дней мы возвращаемся на кладбище, видим, что склеп вскрыт, а Юра унюхал там вампира. Можно было бы принять за данность, что тот мимо пробежал, в конце концов, это никем не возбраняется. Но тот же самый вампир потом подстерег стажера возле дома девушки. Тут у нас первый раз на сцену выходит Людмила. Судя по сроку беременности, знать она о ней ещё вряд ли знала, соответственно, родители будущей мамочки и вовсе не в курсе морального разложения дочери. То есть, нанять отморожков, чтобы те намяли бока кобельеро, не могли.

И тут мы снова понимаем, что вышеизложенное полная ахиня.

Я досадливо пнула ножку стола, выругалась сквозь зубы от прострелившей ногу боли и загрустила. Происходящее в высшей мере интересно и занимательно, но найти ту печку, от которой можно начинать танцевать, до сих пор не полу-

чалось.

Конечно, можно это дело матерно послать, выдать Воропаевым по пенделю и попытаться забыть, как страшный сон. По большому счету, ничего я им не должна и ничем не обязана, не буду же подставляться только за торопливый поцелуй. Хотя тот и был хорошо, но не до такой же степени. Если бы брала оплату натурой, потребовала бы, минимум, трое суток жаркого секса, но опускаться до подневольного интима пока не готова. Зато внутреннее чутье настойчиво подсказывало, что не всё так просто, и происходящее есть не одна, а две или три разнонаправленные лажи. И дать гарантию, что одна из них не касается лично меня, никак не смогу.

Эх, набраться бы ещё терпения и дожидаться, когда придет Алексей, очень уж хочется узнать, когда родители Людмилы узнали радостную весть. Прямо так и представляю, как их от счастья перекосило. Уж моих бы так точно перекоредило...

Вот блин, забыла уточнить про небольшую семейную тайну Новиковых. Каждый ведьминский клан что-то жертвует за возможность пользоваться даром. И чем значительнее сила и древнее род, тем больше жертва. Хотя не уверена, что она ответит, как правило, такое знает только старейшая из рода, а остальные ведьмы подробности узнают, когда их это непосредственно касается.

Не скажу, что наизусть помню всех более-менее имеющих вес среди нашей сестрии, но про семью Люды не слышала.

В этом нет ничего удивительного, по-настоящему мощных и могущественных кланов не так много, в России не больше сотни, вот ещё узнать бы подробности.

Особой стеснительностью я перестала страдать в ранней юности, но пока набирала номер, дыхание невольно задержалось, а сердечко чуть ускорило бег. Того и гляди, скоро начну томно закатывать глазки и прижимать ко лбу надушенный платочек.

– Доброе утро, уже соскучилась? – Алексей был бодр и почти весел, но по тону чувствовалось, что не прочь кого-нибудь порвать. Видимо, успели подчиненные довести с утра пораньше.

– Безмерно, – и ведь почти не обманула! – Ты обещал мне кое-какую информацию по Новиковым, она мне нужна.

– Когда?

– Вчера.

Некоторое время в трубке слушалось только его дыхание и шорох бумаги.

– Говори, что нужно, мне уже принесли данные по их семье.

Оперативно работают, воспитал-таки подрастающее поколение. Ещё бы сыну внушил, как правильно предохраняться, цены бы не было. Хотя, если ведьма решила забеременеть, никакой «Контекс» не спасет, проверено.

– Мне бы узнать, не было ли в их семье интересных или необычных событий.

Снова небольшая пауза.

– Если ты про шизофрению, то про неё тут не упоминается.

Вот ёкарный бабай, как же объяснить, чтобы лишнего не рассказать?!

– Я не про душевные скорби. У тебя информация только по ныне живущим, или про почивших тоже есть?

– Ты можешь нормально сказать, что именно хочешь узнать?

Эх, была не была.

– Меня интересуют повторяющиеся странности. Пропавшие родственники, несчастные случаи или насильственные смерти. Мертворожденные дети, умершие в родах роженицы. Просто болезненные люди, причем, без официальных объяснений причин такого состояния.

Если это что-то неприятное, но несерьезное, найти получится. Если кое-что пострашнее, концы спрятаны глубоко и надежно. И хотелось бы заранее знать, с чем придется столкнуться.

– Зачем тебе это? – Судя по тону, в список тех, кого хочется порвать, включили и меня.

– Мне ни к чему, а вот твоему сыну эта информация очень поможет. У всего есть своя цена, и у его союза с Людмилой – тоже.

На дальнем фоне у него кто-то не просто засмеялся, а жизнерадостно заржал, а потом мгновенно затих. Не хочется ду-

мать страшное, но слишком уж резко оборвалось веселье.

– Как только всё будет у меня, приеду с бумагами. Если правильно понимаю, информация не для обнародования.

Все-таки умный мужчина – это так сексуально.

Не скажу, что ждала воркования в трубку и прочих приятственных девичьему сердцу глупостей, но, когда он просто отключился, испытала легкое разочарование. При этом если бы сейчас начал флиртовать по телефону, покрутила бы пальцем у виска – нашел время. Вот такая я противоречивая.

Глава 13

«Ничего не понимаю! Или что-то случилось, или одно из двух!»

м/ф «Следствие ведут Колобки», 1986г.

Звонок Антону тоже ничего не прояснил, тот на мои расспросы, как прошел «конструктивный» разговор, хмыкнул и умело отбрехался срочной работой. Складывается впечатление, что мужчины заключили пакт о ненападении, но хотелось бы узнать подробности.

Торчать на улице надоело, к тому же начало парить, поэтому по дому я кралась, как по вражескому лагерю. Не хотелось бы попасть под горячую руку. Осадить борзого я сумею без проблем, но просто не было желания что-то выяснять.

Расслабиться с вышивкой мне не дали – только успела

представить, как буду страдать, работая металлизированной нитью, как на авансцену вышел будущий отец. Был он суров, на лице озабоченность и легкая пришибленность. Надо думать, что на его месте я сама выглядела бы просто охреневшей от всего свалившегося за последнее время.

– Как жизнь? – Перекинув поудобнее диванный станок, подвинулась, освобождая место рядом с собой.

Юра предложение присесть не принял, остался стоять у косяка. Людмила следом не показалась, видимо, решили не испытывать моё терпение, являясь вместе.

– Радует.

По его голосу этого не скажешь, но оно и понятно – у ребенка моральная травма. Мало того огорошили известием, что скоро станет папочкой, так ещё и отполировали новостью о происхождении возлюбленной.

– Ты жив, и это главное, все остальное фигня, не стоящая нервов, – гордая выданной философской мыслью, я перекусила нитку и задумалась – выбросить или пока оставить, если придется подбирать цвет, как раз останется образец.

– Что-то мне от этого не легче, – Юра все-таки уселся рядом и обхватил голову руками. – Как я мог не заметить, что она ведьма?!

Блин, ещё один с жадной экстренной психологической помощи... Намазано им рядом со мной, что ли? Иди вон в соседнюю комнату, и разбирайтесь там между собой хоть до посинения, чего ж окружающим мозг клевать...

Тут же стало стыдно – у меня есть хоть какая-то мать, у него нет никакой. И сейчас он просто не знает, с кем поделиться. Касательно отношений с отцом выводы уже сделала, они были хоть и хорошими, но не особо близкими. Такими темпами придется Юру через пару недель усыновлять.

– Я тебе уже говорила, это совсем непросто, – преисполненная сочувствия и человеколюбия, даже погладила его по плечу. На большее трепетности не хватило. Юра же таки решил выговориться, видимо, наболело:

– Да помню... Скажите, ваши мужья знали?

– Первый – да, но он, сам знаешь, тоже не без греха. А второй и третий – нет.

– Почему?

– Во-первых, как ты себе это представляешь? «Дорогой, не нервничай, я ведьма, но есть и плюсы, на работу буду добираться на помеле?» – Стажер хмыкнул, но потом снова посуровел взглядом. – Во-вторых, не забывай, есть определенные правила, и сохранение нашего существования в тайне – одна из их основ. Да мне это и не мешало. В конце концов, если начать придираться, ты о себе тоже промолчал, так что боевая ничья.

– Да я и подумать не мог, что она ведьма! А Люда как раз знала...

– Ясно, заели обида и уязвленное самолюбие.

Юра заподозрил во мне женскую и цеховую солидарность, поэтому поморщился и отстал. В идеале бы, чтобы временно

исчез, мне надо подумать, а его присутствие отвлекает, поэтому предложила сделать набег на кухню. Парень не подвел и согласился. Настоящий мужик – никакие душевные страдания не перебьют банального желания пожрать.

Алексей приехал только ближе к обеду.

Юра с Людмилой вели себя как амбарные мыши – потихоньку шушукались и с легким топотком пробежали по дому, но на глаза особо не показывались. Меня это полностью устраивало, даже успела не только повышивать, но и поработать – хоть Потапыч и согласился вынужденное сидение дома признать спецоперацией, кое-какие материалы по электронке скинул. Оно и к лучшему, когда-нибудь всё это закончится, придется столкнуться с горой неразобранных дел. А начальство хоть и понимающее, но тоже под кем-то ходит, так что статистику портить не стоит.

Не скажу, что Алексей будущую невестку игнорировал, скорее, просто старался общаться поменьше. В причины я не вникала, как-нибудь разберутся без постороннего участия.

Воропаев-старший на входе кивнул отпрыску и его избраннице и, взяв меня под локоток, утащил в комнату. Не знаю, как молодое поколение, наблюдавшее эту картину, а я сильно удивилась, когда оказалась в собственной спальне. Хорошо хоть кровать заправила и висевший на дверце шкафа лифчик унесла в стирку буквально полчаса назад.

Поняв, куда попал, Алексей попытался что-то сказать, но передумал. И прижимать к стене, как в прошлый раз, не стал,

просто спеленал ручищами. Можно подумать, я собиралась отбиваться. Несмотря на то, что внешне он казался спокойным и выдержанным, по ритму дыхания и по тому, как пальцы вдавливались в мою спину, было понятно, что душевным равновесием тут и не пахнет. Ещё больше удивило то, что эти объятия воспринимались совершенно нормально и даже в какой-то степени закономерно. Уже знакомые горячие губы прижались к моему рту, в этот раз намного мягче и нежнее. Меня от этого даже оторопь взяла, настолько легким и в то же время сильным был этот поцелуй. Сколько он длился, не могу представить и примерно, как будто выпала из времени и пространства. Зато, когда получилось оторваться, наткнулась на взгляд Алексея, в котором было нечто похожее на мои собственные эмоции. И так тепло и приятно стало, что, вместо шага назад, прижалась лбом к его ключице. Даже странно – не то, чтобы чураюсь тактильных контактов, но и позволяю их далеко не каждому. Именно потому, что тесное соприкосновение, особенно кожа к коже, может стать своеобразной помехой для ворожбы. Это среди ведьминского сообщества, а если уж говорить про оборотня, то и вовсе все «настройки» сбить может. И меня с детства учили избегать таких объятий, даже родители касались довольно редко. Прямо психологическая травма родом из детства.

Вот только объект все равно оставался несколько неподходящим. А учитывая то, что родня снова обо мне вспомнила, так и вовсе опасным. Лучше для всех остаться лишен-

ной сил ведьмой без права на пересмотр приговора. И то, что рядом крутится Воропаев, который, пусть и не всемогущ, но определенную власть имеет, в эту картину не очень укладывается.

Жаль, он начал мне всерьез нравиться.

– Что-то случилось? – Постояв так минутку, легко оттолкнула Алексея.

– Много чего. Хорошего и разного, – он с некоторой неохотой отступил, опуская руки. – Извини, что скинул на тебя сына, не думал, что это настолько затянется. Но теперь всё более-менее уладил, к вечеру они уедут домой.

Наверное, мне должно было стать стыдно, но новость порадовала. Отвыкла я от такого количества народа в доме. Особенно если учитывать, что кое-кого из них знаю всего несколько часов.

– Поговорил с её родителями?

– А как же, – судя по поджатым губам, разговор вышел ещё тот. – Мать точно ведьма, кто отец, ещё не разобрал, он утверждает, будто маг. Мать клянется и божится, что никаких военных действий не затевала. Да, пыталась намекнуть Юре, чем для него может закончиться общение с её дочерью, но две ночи назад у твоего дома не была. Уверена, что атаковала женщина?

– Уверена, что источник – ведьма. Или ведьмак. Точнее не скажу, я же чувствую не конкретного человека, а саму природу магии. – Иногда это ужасно неудобно, потому что окру-

жающие особой разницы не видят и только раздражаются, подозревая утаивание информации. – Ты им веришь?

– Судя по билетам, вчерашний вечер и часть ночи они провели в самолете. Я проверил, среди пассажиров такие были.

– А эта родственница, которая увезла Людмилу? – в задумчивости прошла по комнате и уселась на угол кровати. Алексею ничего не оставалось, как устроиться на пуфе возле туалетного столика. – Это могла быть она?

– Теоретически – да. Если девушка была под чарами, ничто не мешало отлучиться на пару часов. Ты знаешь всех сильных ведьм города?

– Раньше ответила бы утвердительно, а теперь не уверена. И потом, нельзя четко определить уровень дара, это очень относительно. Сила может остаться такой же, может увеличиться, а можно нарваться и на блокировку. Но в последние несколько лет такое наказание у нас не практиковалось.

– Можно спросить напрямую у Людмилы.

Если не ошибаюсь, это первый раз, когда он назвал её по имени. Да, выпросить прощение за сокрытие своей сущности у Юры будет намного проще, чем наладить отношения с его отцом.

– Можно, только стоит ли ей верить? – Неприятно об этом говорить, но девушку я не знаю, и что у неё на уме, тоже неизвестно. Поэтому по умолчанию все её слова и действия выглядят подозрительными.

Судя по тому, что Алексей задумчиво повел плечом, у него избранница сына тоже стопроцентной веры не вызывала. Тяжко придется девчонке, но она сама такой путь выбрала, теперь пусть расхлебывает.

– Что ты говорила про цену их союза?

Подавила тяжелый вздох и попыталась хотя бы в голове сформулировать удобоваримое объяснение. Выходило не очень, но не отстанет же:

– Юре ничего не грозит, эту цену платят ведьмы, причем, не все, а только старшие в каждом поколении.

– А подробнее? – Сидеть ему надоело, и Алексей прошелся комнате, с любопытством принюхиваясь. Теперь сиди и думай, что он так такое нашел. Но на повестке дня более важные вопросы, поэтому я сосредоточилась на попытке прояснить ситуацию, не говоря ничего толком. Поневоле начнешь сочувствовать дипломатам:

– Биополе обратной находится в некотором конфликте с природой. Вы как своеобразный фильтр, не полностью пропускающий силовые линии, которые оседают на ауре. И поэтому приходится оборачиваться, чтобы сбросить излишки «прилипшей» энергии. – Он кивнул, все больше хмурясь. Пока что я говорила общеизвестные вещи. – В качестве жертвы от вашего племени идет принудительный оборот и трудности с вынашиванием детей. Сколько дней оборотень может выдержать в человеческом облики без оборота, и что случится дальше, если этому как-то воспрепятствовать?

Воропаев пару секунд поколебался, всё-таки закрытая информация, а рассказать её предстоит ведьме.

– Чуть больше полутора месяцев. И какое это имеет отношение к моему вопросу?

– Пытаюсь провести параллели. У нас немного иначе. Биополе ведьмы совместимо с энергетической сетью, из неё мы черпаем силы и в неё же без остатка сбрасываем энергию. При полном блоке ты становишься просто непроницаемой для силовых линий. Черное пятно. Если заблокировать не полностью – черная дыра. Энергия будет скапливаться, и, при невозможности её сбросить, просто порвет ауру в клочья, дальше кома и смерть.

– Получается, во время беременности вы под этим частичным блоком?

– Не совсем, во время беременности это не ощущается – энергия идёт в ребёнка, потому наши дети очень редко болеют, а после родов уже снова можно чаровать, но я сейчас не об этом. Именно для того, чтобы избежать подобного, вы и оборачиваетесь, превращаясь в животных, которые в плане энергетики почти инертны. Поэтому частичная блокировка запрещена уже несколько веков, только полная. Хотя и она тяжела в плане того, что чувствуешь себя одновременно глухой, слепой и с отрубленными пальцами. Но выжить можно. Преимущества ведьм как раз в том, что мы можем черпать энергию фактически из воздуха. Но для этого нужно полное слияние с силовыми потоками, а оно обходится недешево –

чем больше берешь, тем большую жертву нужно принести.

– Пока я не особо понимаю, причем тут Юра с Людмилой.

– При том, что ведьминская сила – это сила женская, не девичья. Она просыпается в период полового созревания, но на максимум выходит после рождения первенца. Тогда же и выставляется счет. Вот я и пытаюсь понять, какой будет у неё.

– Что случится, если жертву не принести?

– С самой отказавшейся практически ничего. В последующих поколениях способность к магии будет катастрофически снижаться, пока клан не выродится до людей.

Неприятно прозвучало, но так и есть – мы те же люди, только более чувствительные к энергетическим потокам. Мы так же смеемся и плачем, радуемся и страдаем, вот только в моменты сильного душевного раздрая способны ненароком убить, не прибегая к физическим мерам воздействия.

И хотя у паранормалов большее распространение получила теория божественного происхождения наших видов, как по мне, так ведьмы, оборотни и вампиры есть результат мутации некоторых генов в ДНК. Но поскольку престижнее считать себя избранником высших сил, чем мутантом, то и поддержку среди соплеменников вряд ли найду.

И прецеденты утраты способностей были не раз. Порой даже самые соблазнительные обещания не могли убедить молодых ведьм в соразмерности приносимой жертвы. И тогда за дело берутся главы родов, не согласные терять власть

из-за сомнений какой-то соплихи, решившей, что для неё это слишком.

– Какую жертву должен приносить твой род? – Алексей резко остановился напротив меня, словно споткнулся.

– Не знаю, у меня же нет детей. Поэтому сомневаюсь, что Людмила в курсе. Об этом не говорят за праздничным столом, сам понимаешь, что выстраданное подношение намного ценнее. И вообще это страшная тайна, о которой знают только посвященные, поэтому надеюсь на твоё умение хранить секреты.

Не знаю, поверил ли Воропаев, но к этому вопросу больше не возвращался, и я перевела дыхание.

– Ты тоже знаешь многое об оборотнях, поэтому понимаю, о чем лучше языком не мести. Держи, – он положил мне на колени довольно пухлую папку. – Тут все, что получилось собрать на Новиковых за последние несколько десятков лет.

Архив ведьм содержит гораздо более полную информацию по всем кланам, но доступ туда получить не просто сложно, а почти невозможно, поэтому будем радоваться малому. Данные мы рассортировали по годам, потом по персонам, потом ещё несколькими разными способами, но ничего путного так и не узнали. Плохо.

– Ты уверена, что она не знает? – Алексей к тому времени вполне комфортно улегся на полу – места там было больше всего, и раскладывать этот пасьянс можно практически бесконечно.

– Я уже ни в чем не уверена, – в сердцах сгребла бумаги и неаккуратной стопкой бросила на стол. – Поэтому спрошу сама.

Алексей легко поднялся, но выйти не дал, придерживав за руку:

– Почему ты его убила?

Я как раз собиралась выйти из комнаты, но передумала, пришлось потянуть дверь на себя.

– Если ты был судьей, материалы дела читал.

– И читал, и хорошо помню, но спрашиваю не об этом. Ты же так и не сказала, почему. А то, что всё-таки рассказала, не позволило вынести другой приговор.

Я прекрасно знаю, что Алексей там прочел. Как непослушная ведьма в нарушение всяческих правил и законов заставила усомниться в собственном рассудке молодого работника банка. Причем, сделала это весьма неаккуратно, из-за чего у людей появились подозрения – а не мистификация ли всё это? Или того хуже – происки злых сил.

– Здесь неподалеку жила семья беженцев из Средней Азии. Толпа детей мал мала меньше, безденежье. Старшая девочка Луиза у них была чудо как хороша. Скромная, вежливая, все время возилась с младшими. И сама красавица. Мамина гордость. Этот урод подстерег её у оврага, там была короткая дорога до школы. Затащил в кусты и изнасиловал.

– Я знаю, что он был насильником, потом нашли несколько жертв, но доказательства были только косвенные.

– Он их запугивал, говорил, что снимал всё на видео, если кому-то скажут, узнают не только родные, но и в школе. Девчонки молодые совсем, они и пикнуть боялись. Я была в гостях у бабки, и в тот день случайно встретила эту девочку, она была почти невменяемой. – Алексей сжал руки в кулаки, ощутимо хрустнув суставами, но пока не перебивал. – Понять, что с ней случилось, много ума не надо. Успокоила, как смогла, напоила чаем и отправила домой. Она обещала рассказать родителям и написать заявление в милицию. Я пока пошла следом за ним, узнала, где живет, кто такой.

Пришлось прерваться, чтобы сглотнуть тягучую и горьковатую слюну. Надо же, до сих пор, как вспомню, перед глазами от злости чернеет. В первую очередь – на себя.

– Она не стала писать заявление.

– Нет. Она пошла домой и вечером повесилась в сарае на собственном поясе.

Естественно, судебно-медицинская экспертиза установила факт сексуального насилия, но ему хватило ума использовать презерватив. Да и девчонка из семьи переселенцев никого не волновала. Посудачили пару месяцев, некоторое время не пускали детей гулять одних, а потом постепенно успокоились. Всё медленно вернулось на круги своя, но ребенка было уже не вернуть.

Алексей медленно поднял руку, заставив следить за его кистью, как под гипнозом. Мягко провел кончиками пальцев по щеке, обхватил ладонью затылок. По глазам было не

понять, что он думает, хотя догадаться несложно. А вот тон оказался непривычно жестким:

– Ты не виновата в её смерти.

– Я могла догадаться, к чему всё идет. И – нет, я не мучаюсь комплексом вины, – пришлось чуть повысить голос, чтобы не дать себя перебить. – То, что произошло дальше, исключительно мой выбор, и мне за него отвечать.

– Если бы ты рассказала эту историю в суде, приговор был бы другим.

– Нет, и ты сам это понимаешь, – я нехотя отстранилась, хотя кто бы знал, как хочется спрятать лицо на его плече и просто немного помолчать. – Ведьмы умеют притворяться и играть, все это знают. К тому же меня-то судили не за убийство, а за нарушение по части сохранения маскировки перед людьми.

– Я не мог и не хотел голосовать за другой вариант.

– Знаю. И ни в чем тебя не обвиняю, серьезно. Считаю меня фаталисткой, но сложилось так, как и должно было быть. Кто знает, как всё повернулось бы, вынеси суд оправдательный приговор.

Как раз в это же время в среде молодежи паранормалов в очередной раз начались брожения на тему «А чего это мы скрываемся?!». Горячие головы предлагали обнародовать факт собственного существования, мол, сколько можно вести полуподпольный образ жизни? Усмирить особо умных и горластых было нелегко, но получилось обойтись без

жертв. А тут я, вся такая борзая и подающая дурной пример, мало того, ещё и почти аристократка. О том, что меня делают наглядным пособием работы нашей судебной системы, тогда особо не задумывалась. Совсем другие мысли одолевали, не до того было. Но вышло как вышло, и это даже к лучшему. Конечно, нервов и сил пришлось потратить изрядно, но результат того стоил.

– Как ты сумела вернуть силу?

– Очень просто – не привели в исполнение приговор. Считай это бюрократической ошибкой.

В дверь постучали, поэтому допрос закончился. Сейчас открою и поклонюсь благодетелю в ножки.

Благодетелем оказался Юра, и кланяться я передумала – нечего баловать.

– Простите, что прерываю, мы уже готовы, – он забавно скосил глаза, словно проверял, не смята ли кровать. Интересно, а если бы таки оказалась разобрана, высказался бы или промолчал? – Всё в порядке?

– В полном, – я ужом проскользнула мимо стажера. – Пообщайтесь пока по-родственному, мне надо пошептаться с Людмилой.

Юра мгновенно подобрался, даже рот открыл, наверное, хотел спросить, о чем именно. Но потом передумал и промолчал. Умнеет семимильными темпами, всё равно же правду не отвечу.

Ведьмочка обнаружилась на кухне сидящая с видом ка-

занской сироты на краешке стула. Для полноты картины не хватало только подпереть щеку кулаком и начать горько вздыхать.

– Я тебе сейчас задам один вопрос, он может показаться бестактным. – Людмила подняла на меня глаза и насторожилась. – Что отдают в вашей семье за ведьмовской дар?

Резкой реакции не последовало, только недоумение во взгляде:

– В каком смысле?

Ну вот, так и думала, пугать не стали, а жаль.

– Вспомни семейные традиции и страшилки, связанные с родами. Спрашиваю не от неуёмного любопытства, мне нужно это знать.

Она ненадолго задумалась, потом пожала плечами:

– Да ничего такого. Разве что и у мамы, и у бабушки первые роды были очень тяжелые.

– В каком смысле? – Неужели все окажется так просто?

– В прямом, – судя по тому, как Люда прищурила глаза, такая настойчивость ей не нравилась. – Очень длинные и болезненные. Меня мама рожала двое суток, а сестру за пять часов.

Хм, вполне возможно, что это и есть искомое. Я зациклилась на боли от потери чего-то важного и упустила немало важный аспект – она может быть банально физической.

– И ты не боишься? – Я кивнула на её живот.

Людмила невольно поежилась, чем сразу и ответила на во-

прос.

– А есть альтернатива стать матерью как-то иначе?

Да уж, если подумать, то нет. Героическая девушка.

На кухню сунулся Юра, окинул орлиным взглядом Люду и чуть расслабился. Во всяком случае, плечи немного опустились.

– Готовы?

К чему готовиться мне, так и не поняла, а она кивнула, глядя на возлюбленного ласково и чуть заискивающе. Не, больше трех дней дуться на неё не сможет, могу поспорить.

Вещей у съезжающих оказалось неожиданно много – битком набитая большая спортивная сумка, которую нес Алексей. Он же подгонял закопошившуюся молодежь, причем, той же сумкой.

– Если что-то не так, сразу звони, – это уже мне на пороге.

– Хорошо.

Иногда легче пообещать, чем что-то доказывать, поэтому я согласилась, для убедительности даже кивнула. Вряд ли поверил, но переминающиеся за его спиной с ноги на ногу Юра с Людмилой интимности разговору не придавали, поэтому Воропаев-старший ещё раз поблагодарил за помощь и отзывчивость, напомнил, что обязательно поговорит с моим начальством, после чего они отбыли.

Я даже вздохнула с облегчением. Не люблю долгие проволочки, меня от них тянет сначала в зевоту, потом появляется желание ускорить уезжающих пинком. К счастью, сегодня

такому испытанию подвергаться не пришлось, и можно вернуться в дом. Тот казался странно пустым и тихим. Ещё пару недель назад даже не обратила бы внимания, а сейчас нервно поежилась. Может, рыбок завести? И живые существа в доме, и тихие, есть просят молча... Полосатая тут же сунулась в форточку, напоминая, что один питомец таки имеется, и его неплохо бы покормить. Так мы с ней – я за ноутбуком, а она на подоконнике – просидели на кухне почти до вечера. Напечатав все нужные бумажки от плана розыскных мероприятий до отчетов об их результатах, уже хотела вырваться из компьютерных недр, когда иконка почтового ящика мигнула оранжевым. Имя отправителя значилось, как «Барбара», и я далеко не сразу поняла, что это Варька. Та самая, которую совсем недавно прихватила на кладбище в разгар выяснения отношений. Интересно, что они там делили?

Содержимое письма заинтриговало ещё больше:

«Держись подальше от мальчишки, иначе будут большие проблемы».

И все. Вот уж, воистину, краткость сестра таланта.

Насчет личности мальчишки вопросов не возникло, в настоящее время только одного можно так назвать. Значит, она или все-таки видела его на кладбище, или узнала что-то после этого.

Да и само письмо можно толковать двояко.

Если это угроза, при чем тут я? Не сказать, чтобы о моих сексуальных пристрастиях знала широкая общественность,

но и факт увлечения незрелой клубникой не спрячешь. И если бы пустилась во все тяжкие с молодыми юношами, рано или поздно об этом узнали бы если не все, то многие.

Поэтому остается только вариант с предупреждением. Варвара приходилась мне какой-то дальней родственницей, не то троюродной сестрой, не то племянницей. Не так, чтобы ближняя родня, но и не совсем чужие люди. Да и во всем, что касается общения, соблюдала нейтралитет – она не стремилась общаться по душам со мной, у меня те же чувства в отношении неё.

Дозвониться, чтобы уточнить, что именно имелось в виду, я не смогла – телефон то был вне зоны, то она просто не отвечала, и длинные гудки слушать надоело. Тоже мне доброжелательница, нет чтобы написать прямым текстом, с чего такая милость, так навела тень на плетень.

Странный получается день, а уж длинный какой, скоро с ног упаду. Теперь бы в душ и спать.

Но перед тем, как отправиться отдохнуть, решила проверить охрану дома. Мало ли. Как-то вся эта таинственная возня уже не увлекает, а всерьез достала, так что лучше быть начеку.

Вечер начал звенеть первыми комарами, которые ещё не кусались, но уже недвусмысленно кружили рядом. Стайка голубей хлопала крыльями, разминаясь перед ночевкой в голубятне, возвышающей над ближайшими участками резным теремком. Машины охраны в проулке не оказалось, что ни-

чуть не удивило – они последовали за объектом, не сидеть же, как привязанным, возле моего забора. Со стороны леса уже потянуло сырым воздухом с ноткой прелых листьев и стоячей воды, в целом же ничего подозрительного. Обычный летний вечер, наполненный неторопливыми и привычными звуками.

Я как раз поднималась по ступенькам крыльца, когда сильный энергетический удар сбил с ног, вышибая воздух из груди и вгрызаясь в плоть ледяными зубами. Боль была настолько острой, что невольно брызнули слезы, мешая сосредоточиться и начать выстраивать защиту. Как ни сильна была имевшаяся до этого, она оказалась сметена одной атакой.

Глава 14

*«Ещё один маленький, но довольно-таки большой вопрос»
х/ф «Гараж», 1979г.*

Волны боли накатывали одна за другой, не давая восстановить защиту. Они обдавали одновременно холодом и жаром, заливали горло привкусом соли и железа. И не позволяли ухватиться за энергетические потоки, искажая пространство.

Не были ни сил, ни возможности думать, единственным, на что меня хватило, стало настойчивое желание не потерять сознание. Утратив его, я перестану так мучиться, но тогда

останусь совершенно беззащитна.

Не знаю, сколько пролежала на крыльце, подтянув колени к груди и упираясь лбом в доски ступенек. По ощущениям, так лет сорок. А потом дикий напор мгновенно спал, чего я совсем не ожидала и все-таки закричала от боли. Почему-то теперь она ощущалась ещё острее. Тугой обруч сдавливал голову, а по щекам текли капли, но не уверена, что это были слезы. Полуслепая от слабости и нервной дрожи, я сумела рассмотреть, что руки перепачканы красным.

А ещё рядом кто-то был, но его видеть не могла, только почувствовала, как поднимают на руки и несут в дом. Даже попыталась вяло отбрыкнуться, сил хватило лишь на слабое подергивание ног.

Знакомый голос, обладателя которого все никак не удалось узнать, говорил что-то сначала строго и требовательно, а потом перешел на более ласковый тон. Слов все равно не разобрать, но так приятнее.

Меня поставили на ноги, придерживая, чтобы не рухнула на колени, а потом сверху хлынула вода. Ледяная. Я тихо взвизгнула и мгновенно застучала зубами, зато теперь смогла рассмотреть того, кто меня держал.

– Краны пере...путаны, – выдохнула я, стараясь оставаться в вертикальном состоянии. Не сказать, чтобы прямо успешно, а удержаться могла только или за шторку для душа, или за Алексея, как раз переключавшего воду и вполголоса ругавшего криворукого сантехника. Летящие во все стороны

брызги уже намочили низ его спортивных штанов и осели темными пятнышками на футболке.

Дальше стало не до наблюдений, горячая вода, струясь по телу, медленно смывала остатки наговора. Полностью одним только потоком такое не убрать, придется несколько дней потратить на устранение этой гадости, но даже облегчить состояние было уже замечательно.

С каждой секундой ко мне возвращалась не только жизнь, но и способность мыслить. Кто бы ни был ведьмой, сделавшей на меня этот наговор, она должна быть не только сильной, но и иметь кое-что своё. Не вещь, а частицу, содержащую кровь или плоть жертвы.

– Жива? – Алексей закрутил кран и без особых церемоний вытащил меня из-под душа.

– Почти.

Сильно шатало и знобило, поэтому, когда он просто и незатейливо стащил с меня насквозь промокшие джинсы с футболкой, даже не пикнула. Разве что подумала про себя, что вещи надо бы прополоскать, а то потом следы крови не отстирать. Белье милостиво оставили, хотя, как по мне, так зря – ходить в мокрых трусах то ещё удовольствие. Но и требование, чтобы Алексей снял и их, выглядело бы несколько странно, поэтому промолчала, невелика беда.

Укутавшись в большое полотенце, я рассматривала своего спасителя. Одежда мятая и надета явно впопыхах. Похоже, что добирался он сюда никак не на машине.

– Как ты узнал? – Вместо привычного голоса получалось сиплое карканье, но это неудивительно, судя по состоянию футболки, кровь шла не только носом и глазами, но и горлом. А исходя из того, что болят даже уши, то и ими тоже. Нехило меня приложило.

– Ещё в первый день установил видеонаблюдение во дворе дома, – быстро вытерев руки, он поднял голову, ожидая реакции на такое заявление.

– Спасибо, хоть не в ванной.

Бузить после того, как он спас мне если не жизнь, то рас-судок так точно, было глупо и некрасиво. Хотя и неприятно узнать, что за тобой постоянно следили. Так вот откуда он мог узнать про ритуал поиска... Шпион недоделанный. Надо будет уточнить, какие ещё сюрпризы остались после прожиз-вания здесь его сына.

– Идти сможешь?

– Сейчас узнаем.

Кое-как доковыляла до гостиной, дальше силы кончились. Воропаев придерживал меня под локоть, следя, чтобы не въехала носом в стену, и координируя направление движе-ния.

С волос текло, поэтому на диван решила не садиться, устроилась рядом. И не удивилась, когда поняла, что пол об-живаю не сама – Алексей сел за спиной так, чтобы я могла на него опереться. Учитывая, что меня колыхало от слабос-ти, совсем не лишняя предусмотрительность. Разве что и

сам промокнет, но эта беда легко поправима.

Он молчал, лишь размеренно поглаживал меня по плечам. Широкими и почти ленивыми жестами, от основания черепа по шее и потом к ключицам. Чуть шершавые ладони приятно согревали, расслабляя напряженные мышцы. Тишина ничуть не давила, а может, это казалось только мне. И говорить не хотелось, но надо, не сидеть же так всю ночь. Хотя, судя по всему, Алексея молчание тоже не напрягало.

Так много хотелось у него узнать, что брякнула совсем не то, что собиралась:

– Почему ты против, чтобы Юра работал у нас?

Из всех возможных и нужных вопросов выбрала этот. Столько надо прояснить, а меня снова куда-то не туда понесло...

Начало казаться, что он не ответит, пауза сильно затянулась, но Алексей чуть шевельнулся, устраиваясь удобнее, и тихо произнес:

– Если он этого действительно хочет, обязательно добьется. Если отступится, значит, это просто не его. Неважно, с чем связаны сложности, заниматься надо тем, к чему лежит душа.

Ответ я переваривала пару минут. И поняла, что старший Воропаев несколько сложнее, чем казалось сначала. Методы воспитания почти спартанские, но пока их результат мне нравился.

– А почему тогда практически ничего не рассказывал о

паранормалах? Он же знает только самые основы и то больше на уровне городских легенд.

– Учитель всегда навязывает ученику свои взгляды, хотел, чтобы сын сам разобрался, что к чему и сделал выводы. Не повторял моих ошибок.

Ага, вот так и появляются проблемные подростки. Родители решили не давить авторитетом, зато то же самое запросто может сделать кто-то другой. И не факт, что он будет так же лояльно настроен по отношению к ребенку.

– Зря.

Он немного подумал и нехотя кивнул:

– Зря.

И мы снова замолчали. Если бы не сырое белье, с удовольствием просидела бы так хоть всю ночь, но ощущение дискомфорта заставило заерзать.

– Пришла в себя? – Дождавшись кивка, Алексей отодвинулся, отчего по согретой спине тут же пробежали мурашки. – Переодеться сама сможешь?

– Да. Подожди минутку, я сейчас.

Не оглядываясь, доковыляла к себе в комнату и почти рухнула на кровать. И от физической усталости, и от моральной.

А ведь он меня сегодня реально спас. Снова прокручивая произошедшее, поняла, что щадить меня никто не планировал – били сильно и прицельно. Такая магия запрещена даже среди нас, это слишком разрушительное оружие. Значит, кого-то реально приперло, если решили использовать такой

наговор на сотруднике органов правопорядка. Хотя я в тот момент была и не при исполнении, зато паскудный характер всегда при мне, и теперь буду носом землю рыть, но докопаюсь до истины.

Решение придало сил, поэтому лежачую забастовку прекратила и, накинув толстый махровый халат, пошла навстречу неизбежному. В отношении Алексея я не питала иллюзий – его мягкость и спокойный тон были необходимы, чтобы привести в чувства, а теперь начнется совсем другой разговор. И вопрос, который нужно решить прямо сейчас – насколько я буду с ним откровенна?

Стопроцентного доверия не испытываю, но его у меня нет вообще ни к кому. Хотелось бы сначала узнать, с чем связано резкое потепление в отношении той, кого сам судил. В свои женские чары я верила, но не думаю, что в них дело. Значит, в чем-то другом, и неплохо бы понять, что ему нужно.

Алексей, пока меня не было, по-хозяйски расположился на кухне, успев приготовить чай. Как назло, именно такой, какой люблю – крепкий и сладкий. Поэтому перед тем, как начать расспрашивать, а то и банально скандалить, напиток пригубила, до сих пор немного морозило.

– Сможешь узнать того, кто с тобой это сделал? – Он сел напротив, и перед собой поставив чашку, но пить не стал, только крутил в ладонях.

– Узнать – нет. А почувствовать – да. Тот же, кто был и два дня назад. Но тогда осторожничали, пытались войти неза-

метно, сегодня били наотмашь, – мельком бросив взгляд на часы, удивилась – всего-то начало двенадцатого. По внутренним ощущениям уже глубокая ночь. – Что тебе от меня нужно?

Алексей поднял брови, видимо, пытаюсь сообразить, какая муха меня укусила. Только что пила чай и делилась наболевшим, а тут резко сменила тему и начала допрос.

– Сейчас?

– И сейчас, и вообще.

– Сейчас – чтобы ты рассказала всё, что знаешь о нападении. Кто это может быть и почему.

– А вообще? – В ожидании ответа ту же стянула пояс халата. Чего-то нервительно стало, прямо как первоклашке.

– А вообще – ты.

Я таки клацнула зубами о край чашки. Хорошо хоть не ошпарилась. Мысли хаотично заметались, и едва ли не впервые в жизни пропал дар речи. Хотелось бы думать, что это его «ты» относится к романтическому смыслу. Приятно, черт возьми, когда говорят такое, аж сердечко сразу заколотилось. С другой стороны, мало ли что именно он имел в виду, раздолье-то какое для вариаций. Сразу вспомнилось, как мы целовались в спальне, и часть вариантов отпала. Ну, или просто отодвинулась. Эх, не о том думаю, надо мозгами раскинуть, кто меня так невлюбил, а не девичьим мечтам предаваться...

Алексей с прежним спокойствием, теперь казавшимся

несколько обманчивым, ждал ответа. И поняв, что не дождется, потому что я продолжала замершим взглядом смотреть в чашку, пару раз щелкнул пальцами передо мной. Жест театральный, зато подействовало.

– Людмила сегодня не встречалась с матерью? – Все мысли, непосредственно не связанные с проблемой выживания, пришлось отодвинуть на дальний план. Если не пойму, кто так настойчиво желает вреда, никакие переживания эротического свойства волновать уже не будут. Причем, никогда.

Воропаев тихо, но выразительно хмыкнул перед тем, как ответить:

– Да, буквально на несколько минут. Думаешь, её рук дело?

В том и дело, что вряд ли, но убедиться не повредит. Потому что очень не хочется снова связываться с родней. Больно уж она у меня сильная, а главное – целеустремленная.

– Не уверена, но проверить надо, – чашку я отодвинула, все равно содержимое уже допила. – Куда ты их отправил?

– В надежное место, сидят под охраной.

– Да, кстати, глянь, какое мне письмо пришло, – на то, чтобы принести ноутбук, много времени не ушло, так что уже через пару минут показывала месседж от Варвары.

– Интересно... – Алексей задумчиво побарабанил пальцами по столешнице. – Вы близкие подруги?

– В том и дело, что нет. Так, знакомые, но теплых чувств друг к другу не испытываем. Сама не понимаю, с чего ей бы-

ло это отправлять.

– Разберемся, но не сегодня. Собирайся.

– Далеко?

– По дороге узнаешь.

Конечно, можно было бы попытаться возразить, набивая себе цену, но жить хочется, а оставаться здесь одной чреватю. Спасибо, один раз уже приложили так, что до сих пор в ушах звенит, и это очень хорошо избавляет от женской придури. Да и, даже зная, что грядет нападение, полноценно защитить себя в таком состоянии не смогу. Потому ломаться не стала, быстренько оделась и закинула в объемную сумку смену белья и кое-что из ведьминского арсенала. И дома пару подарочков оставила, мало ли кто решит проверить, что хранится в лубяной избушке. Увы, тот, кто пытался ментально меня задавить, уже в курсе, что блока нет. А значит, в ближайшее время будет очень нескучно. Сразу с ностальгией припомнились годы тихой и незаметной жизни. Хоть бери и реально кого-то убивай, может, тогда получится магии лишиться?

– Если это была мать Людмилы, поймешь, когда встретишься с дочерью? – Получилось немного путано, но я сообразила:

– Не-а. Если было так просто, на работе у меня было бы намного меньше дел. Общие черты, конечно, есть, все-таки кровная родня, но не настолько, чтобы определять дистанционно. К тому же не забывай про ребенка, он будет сильно исказить её магический фон вплоть до самого рождения.

Дверь я заперла и даже подержала для надежности.

Полосатая прыснула у Алексея из-под ног, видимо, после вчерашнего ритуала окончательно утратила доверие к оборотню.

Ночь звенела какофонией самых разных звуков от пения соловья до писка автомобильной сигнализации, но умиротворения они не вызывали. Темнота уже не казалась другом, скорее, настораживала, а ну как в ней притаился коварный враг?

– А ты можешь определить, кем будет этот ребенок? – Мне галантно открыли дверь автомобиля, за рулем которого сидел смутно знакомый паренек. Наверное, кто-то из маячивших раньше охранников. Поскольку его принадлежность к оборотням я рассмотрела ещё тогда, говорить можно было смело.

– Пока нет, через пару месяцев вполне можно попробовать. Или попросить кого-то более в этом деле сведущего.

Например, мою матушку. У неё по части женского здоровья опыт ого-го, не просто же так считается лучшим гинекологом в городе.

Алексей не ответил и снова задумался. На редкость задумчивый мужчина. Но это даже хорошо, если бы постоянно триндел над ухом, было бы намного хуже.

– Заедем в гости к твоим будущим сватам?

– До утра никак не дотерпишь? У них самолет завтра днем.

– Давай сейчас, а то потом ищи их...

Воропаев на вопросительный взгляд водителя кивнул, машина тут же развернулась и покатила в другую сторону.

Район стадиона я знала неплохо, но после реконструкции тут не была. Надо бы явиться сюда днем, хоть посмотрела бы, чего тут сотворили. Администрация клялась и божилась, что это теперь не парк, а картинка, но местные были недовольны тем, что под шумок на окраине рукотворного леса сами собой выросли три высотки элитного жилья. Наверное, от усиленного полива.

Искомый дом был намного скромнее и старше, обычная панельная девятиэтажка, окруженная гаражами и стихийными стоянками.

Мы остановились на въезде во двор, но выйти из машины не успели – кроме мужичка, уныло выгуливающего древнего пекинеса, из ближайшего подъезда показалась пара. Рассмотреть их я не могла, зато почувствовала прекрасно, поэтому, опередив уже открывшего рот Алексея, скомандовала:

– Поехали в твое надежное место.

Потому что ничего общего с аурой того, кто пытался скрутить меня в бараний рог, не было.

В принципе, родителей Людмилы в какой-то мере можно понять. Растишь тут ребенка, силы и надежды вкладываешь, а она взбрыкивает, забивает на уже выбранного жениха и начинает мутить с другим. Да ещё и с оборотнем. Фактически

плевок в лицо. Вот и решили оградить свою заблудшую ягодку, а заодно и припугнуть наглого парня. Но тут уж простите, вмешались обстоятельства непреодолимой силы. А влюбленная ведьма как раз из таких.

– Как скажешь.

Судя по всему, единственная встреча так поразила Воропаева, что продолжать знакомство он не планировал.

Эх, а ведь как хорошо было бы, попытайся меня угрохать родители Людмилы... Нет, ну правда. Оптимальный вариант, и решение этой проблемы не отняло бы много времени и сил. В конце концов, её можно было бы банально скинуть на Воропаевых, их родня, пусть и будущая, вот и пусть бы сами разбирались. Увы, надеждам оказалось не суждено сбыться, значит, пора готовиться к военным действиям.

Ехали мы не так, чтобы долго, да и улицы были уже свободны. Остановились перед частным домом где-то на окраине города. Надо же, оказывается, Алексей тоже терпеть не может многоэтажные скворечники. Хотя для него это и во все может быть не просто неудобно, а фатально. Ну, повоняет ведьминским зельем на весь подъезд, соседи поругаются и затихнут. А вот если по лестнице начнет туда-сюда шастать натуральный волк, реакция будет несколько иной.

Я в этой части города бывала редко, не ближний свет, поэтому оглядывалась с любопытством. Рассмотреть что-либо оказалось затруднительно, темнота хоть глаз коли, даже фонарь возле входной двери не особо исправлял ситуацию. Раз-

ве что бордюр из бархатцев вдоль дорожки разглядела. Бархатцы – это хорошо, и запах приятный, и для кое-каких других целей весьма полезительны. Что там ещё из растительности приткнулось на участке, так и не поняла, тем более что Алексей вежливо подтолкнул в спину:

– Утром все рассмотришь, у нас сейчас есть более важные дела. Здесь все соседи нашего вида, так что за безопасность не беспокойся.

Я так и встала, как вкопанная:

– Тогда какого черта ты мне своего сыночка на проживание всучил?!

Даже руки зачесались, если честно. Похоже, Воропаев это как-то уловил, и до двери меня почти дотащили, ненавязчиво, но крепко фиксируя локти:

– Потому что нужно было убедиться, что причина всего происходящего не от тех же соседей. Сама понимаешь, у нас бывают свои разборки. У тебя появление любого из них сразу заметили бы.

Ладно, с натяжкой, но можно принять, хотя настроение стало довольно гаденьким. Если бы не моральная усталость, устроила бы небольшие репрессии, благо, повод, как и всякая женщина, найти смогу. Но не хочу.

Меня провели темным коридором до комнаты, просветили относительно местонахождения санузла и исчезли. Нет, я не поняла, что за фигня? Ладно, на страстные объятия и не рассчитывала (вру, рассчитывала, но не надеялась), ибо Во-

ропаев у нас кремень, но и такое заселение оставило в душе не очень приятное ощущение. А ладно, утром разберусь, тем более что время уже перевалило за полночь.

Комнату я почти и не рассмотрела, сразу улеглась в постель. А ничего так, удобная, матрас ортопедический, как по мне, так жестковат, но это на любителя.

Так сама и не заметила, как уснула.

Снилась какая-то дрянь, подробностей не запомнила, но проснулась, как от пинка, резко и с подпрыгом. Даже прислушалась, может, какой-то звук? Ничего так и не услышала, но сон уже ушел, пришлось вставать. Ходить по чужому дому ночью не очень прилично, а куда деваться – маршировать туда-сюда по комнате?

На Алексея я натолкнулась в прямом смысле слова. Крадась по коридору, собираясь выйти на свежий воздух, когда передо мной материализовалось что-то теплое и твердое. Как только не заорала от неожиданности, сама не пойму.

– Чего не спишь?

Перед тем, как ответить, продышалась, прижав руку к груди. Так мне никакие враги не страшны, союзники до инфаркта доведут.

– Нервы.

– Ааа... Пойдем.

Куда направился, понять не получалось, на электричестве экономит, что ли? Судя по всему, пришли мы в жилую комнату, во всяком случае, в тусклом свете от занавешенного

окна смогла рассмотреть кровать. Это меня сейчас злостно совращать будут, что ли?

– Что ведьмы вашего рода отдают за пользование силой? Лучше бы совращал.

– От меня им этого не получить.

Пока не продолжил допрос с пристрастием, я приподнялась на цыпочки и губами прижалась к его рту. В конце концов, он меня в спальне зажимал, пора уравнивать счет. Алексей к такому продолжению беседы отнесся более, чем положительно, так что сама не заметила, как оказалась на кровати. Естественно, не одна. На секунду вспомнилось, что обещала себе не поддаваться соблазну, и с Воропаевым нынче точно не по пути, а потом мысленно махнула на всё рукой.

Потому что не только ведьма, но и женщина. И хочется тепла и ласки, почувствовать, что ты желанна. Пусть для нас в этом особой сложности нет, мало какой мужчина устоит перед чарами, зато сейчас я была уверена, что Алексей целует меня. Таковую, какая есть, с всклокоченными после сна волосами, синяком на лодыжке и ворохом проблем.

Так же, как плевать на то, кто он. Ну, оборотень, ну, моё косвенное начальство, так обнимаю и целую же не погонны, а мужчину. Тяжелого, с горячей кожей, широкими ладонями и шершавым подбородком. И его, этот подбородок, особенно приятно целовать, цепляя языком отрастающую щетину. Почувствовать под пальцами, как перекатываются мышцы на спине, чуть запускать в неё ногти. Не до крови, а только что-

бы уловить отклик, как на мгновение задохнется, вжимая в кровать ещё сильнее, и поцелует почти грубо, так, чтобы губы засадило. И никакие дурные мысли в голове не задержались, только впитывать, вдыхать, смаковать и откликаться на его движения.

Я уже засыпала, пригревшись возле теплого бока, когда он завозился, вытаскивая из-под меня одеяло:

– Ты так и не ответила на вопрос.

Захлопала в темноте глазами, не сразу осознав, о каком вопросе вообще идет речь. Вот блин, настырный какой... И даже сексом не отвлечешь, мне было банально лень шевелиться.

– Давай не будем портить момент, а? Утром расскажу.

Будем надеяться, что до утра он об этом благополучно забудет. Нет, ну, может же девушка немного помечтать?

Глава 15

«Ты что там, с козлами откровенничал?! Нашел себе друга по разуму!»

х/ф «Гостья из будущего», 1984г.

По моим представлениям утро наступило рано. И чего снова не спится, спрашивается? Хорошо хоть уже рассвело, надоело полуночничать.

Леша спал, сунув голову под подушку. Я затаила дыха-

ние, сползая с кровати, он отреагировал подрыгиванием высунувшейся из-под одеяла ноги. Но не проснулся, это уже хорошо. Ничего против утреннего секса я никогда не имела, но надо же хоть умыться и глаза продрать. Романтика романтикой, а нечищенные зубы напрягают.

По дороге в ванную никто не встретился, что порадовало – все мы тут люди взрослые, однако афишировать отношения не ко времени. Тем более что там этих отношений один раз переспали. О другом сейчас голова болит.

Отражение в зеркале подтвердило, что вчерашняя атака даром не прошла – у основания шеи и вдоль позвоночника проступила цепочка мелких кровоподтеков. Значит, убивать не хотели, только обездвигить, полностью вымотав физически и магически, иначе били бы не по нервным центрам, а сразу в основание черепа. Найду тварь, с живой кожу сниму.

На секунду задумалась, возвращаться туда, где, собственно, ночь провела, или соблюсти приличия и уползти в отведенное помещение? Победил здравый смысл и невесть откуда взявшиеся остатки скромности.

При ярком утреннем солнце комната оказалась мило-безликой. Сразу видно, что предназначена для гостей, никаких признаков индивидуальности. В принципе, у меня тоже такая есть, в ней как раз Юра жил.

Стоило только вспомнить о парне, как в коридоре кто-то зашуршал.

Не знаю, с чего потянуло выглянуть, но именно на Юрин

обалдевший взгляд наткнулась, когда высунула голову за дверь.

– Ааа... А что вы тут делаете? – Хрестоматийный вопрос выношь задал после того, как проморгался и убедился, что я не его злостная галлюцинация.

– Ответный дипломатический визит. Доброе утро.

– Здрасьте.

На свою беду высунулась чуть дальше, как-то неудобно получается – ещё и не там, но уже и не здесь, и взгляд парня из растерянного стал сосредоточенно-сердитым.

– Это кто вас так?

Вот блин, забыла же, что теперь щеголяю синяками на шее... Хорошо хоть не засосами, иначе могло получиться совсем неудобно.

– Это кто-то вчера решил проверить меня на выживаемость. Не бери в голову, сама его задушу. Как Людмила?

– Спит. Точно все нормально?

Ребенок воспитанный и сострадальный, но все же слишком настырный.

– Точно. Чаем угостишь?

– Да-да, конечно, – он даже чуть смутился и влип в стену коридора, пропуская меня на пищеблок. – Идемте, покормлю завтраком.

Ладно, настырность не самый страшный грех, зато заботливый, тем более что поужинать вчера я не успела, и есть действительно хотелось. Правильно сделала, что не стала

возвращаться на место прелюбодеяния, могла и Алексея с голодухи погрызть.

Буквально через несколько минут нарисовался и герой моих грёз. Наверное, на запах еды подтянулся. Как всегда бодрый, гладко выбритый и аккуратно одетый. На нём даже джинсы с футболкой смотрелись почти официальной одеждой, а это поутру может нехило раздражать. Потому что не всем такое искусство дано.

– Всем доброе утро.

Мы нестройно мекнули в ответ, у меня рот был занят бутербродом, а парень как раз отпивал кофе.

К счастью, целоваться Воропаев не полез, ограничился улыбкой. Скользящий момент прошел нормально, Юра и вообще, похоже, не заметил, как мы переглянулись, и уже через пару минут, прихватив с собой чашку и тарелку с блинчиками, ушлепал к своей Джульетте.

– Ты почему сбежала?

– Мне лучше думается в одиночестве. Нет, правда, не надо бровями играть, – я дожевала бутерброд и задумалась. – Ты вчера, когда во двор прибежал, кого спугнул-то?

Вечером мы обошли вниманием этот вопрос, а ведь он довольно важный.

– Не знаю. Особо не присматривался, в любом случае, этот кто-то уехал, как только заметил меня.

Да, не заметить здорового волка, который на твоих глазах превращается в голого мужика, предельно сложно.

Я задумалась, глядя на дно чашки, но ответы там не нарисовались. А жаль.

– Мне нужно вернуться домой и все там осмотреть.

– Будешь следы искать? – Алексей поднялся, потянув и меня за собой. На некоторое время я увлеклась так, что было плевать, даже если сюда явится младшее поколение. Ну, целуемся, и что дальше? Чай, не по пятнадцать лет, чтобы по углам прятаться. По всей видимости, он придерживался той же теории, потому пришлось становиться гласом разума:

– Мы так на работу опоздаем.

– Знаю. Сегодня ты ещё можешь побездельничать, выходишь с завтрашнего дня.

Почти отпуск, если бы ещё по хорошему поводу.

– Если не сложно, завези меня домой, – прежде, чем Алексей возразил, сразу добавила: – Я теперь во всеоружии, заломать никто не сможет.

Он попытался возразить, но почти сразу закрыл рот. Наверное, хотел предложить в сопровождающие Юру с его зазубной, но это глупость невероятная – помочь они вряд ли смогут, если уж меня, далеко не самую наивную девушку, кто-то сумел заставить врасплох. А вот самим подставиться по полной программе проще простого.

– Хорошо, подожди несколько минут. Я переоденусь и по пути завезу.

– Спасибо.

– С тобой останется кто-нибудь из моих ребят.

С трудом сдержалась, чтобы не скривиться, в последний момент сменила гримасу на жизнерадостный оскал:

– Только так, чтобы он не мозолил глаза. Нужно провести кое-какие мероприятия, наблюдатель будет мешать.

– На месте решим.

Трудно отнести этот ответ к безусловно положительным, но пока будем довольствоваться таким.

Я метнулась за сумкой и уже через минуту нетерпеливо переминалась с ноги на ногу возле крыльца.

А дом красивый. Не сказать, чтобы прямо огромный, но достаточно просторный, плюс ещё и комната на мансарде. Судя по скошенным окнам, там должно быть много света, хоть круглогодично загорай. Темно-коричневая крыша на углах переходила в водосточные трубы, блестящими змеями спускающиеся вдоль бежевых стен.

Вот ко двору у меня были некоторые претензии, столько места, которое можно занять под цветы, зря пропадает! Стена гаража настолько вопиюще голая, что туда прямо просится клематис. Эх, одичала я на своей даче – впервые ночевала в новом доме, впервые переспала с весьма привлекательным мужчиной, а все мысли про ландшафтный дизайн. Видимо, вчера мне мозги основательно перетрясли.

Алексей, как и обещал, появился буквально через пару минут, на ходу застегивая китель. Даже захотелось встать на вытяжку, настолько Воропаев выглядел суровым, но передумала – и спина после вчерашнего ноет, и Леша это воспри-

мет, как глумление. И будет не так уж и неправ.

Водитель, все тот же неприметный юноша, имени которого я до сих пор не удосужилась узнать, предельно внимательно следил за дорогой, не делая даже попытки понаблюдать за начальством в зеркало заднего вида. Или поднаторел делать это незаметно для окружающих, или был патологически нелюбопытен. Но паренек занимал меня недолго, особенно когда Алексей напомнил про ночной разговор:

– Ты обещала утром рассказать кое-что об особенностях семьи.

Не забыл, а жаль.

– Когда приедем, скажу.

Он не стал настаивать, понимая, что секреты обговариваются наедине, только кивнул и так же сосредоточенно уставился за окно. Но моей руки не отпустил. Его ладонь была теплой и немного грубоватой, хотя от нормального мужчины трудно ожидать женской мягкости кожи. И, что особенно радовало – совершенно сухой, у меня давнее предубеждение против потных рук.

Утренний час-пик был в самом разгаре. «Газели», набитые до такой степени, что в боковых стеклах можно изучать содержимое ноздрей пассажиров, нагло лезли под колеса больших автобусов, те их пытались не пустить, поэтому время от времени улицы взрывались какофонией истошных сигналов клаксонов. Спокойствию движения не прибавляли и пешеходы, норовящие перебежать дорогу прямо пе-

ред бамперами машин. Ещё бы, до светофора аж сто метров, кому хочется терять лишние минуты. Пусть лучше собьют к чертям собачьим, зато крюк делать не придется.

Ближе к моему кварталу стало спокойнее, рабочий люд отправился в направлении центра, детвора уже на каникулах, а бабки торопятся порываться на участках, пока снова не началось пекло. Даже не верится, что мы ещё в городской черте.

Машина тормознула возле ворот родной фазенды, но сбегать в одиночестве не получилось – Алексей твердо решил разобраться в темных историях моего семейства, поэтому вышел следом. Что он сказал водителю, я не поняла, занятая осмотром территории. Пробежалась вдоль кустов и даже потрогала заросли девичьего винограда, в некоторых местах полностью поглотившего соседский забор. Сильнее всего магией фонило возле угла, там, где дорога делала резкий поворот. В принципе, это разумно – достаточно близко, чтобы не напрягаться, и достаточно далеко, если из дома выскочит кто-то с топором наперевес.

– Идем? – Пока я изображала сторожевую собаку, Воропаев открыл калитку и терпеливо ждал. Учитывая, сколько охранок навешено на жилище, поведение крайне разумное.

В отсутствие хозяйки тут никто не появлялся. За это я могла ручаться, потому что все ловушки и просто неприятные сюрпризы остались нетронутыми. Как и пара небольших лужиц красно-коричневого цвета на крыльце.

– Давай поговорим здесь, это нужно убрать, – я на минуту

зашла в дом за инвентарем, Алексей остался на крыльце. И хмурился он, глядя на следы крови, как-то совсем уж многообещающе.

Крови приписывают много едва ли не чудодейственных средств, но самое часто применяемое одно – для знающего человека ничего не стоит отыскать по ней владельца. Хотя для этого годится только свежая, стоит пройти несколькими часам, и работать эта фишка перестанет. А вот сделать гадость можно и через несколько лет, механика поиска и наложения проклятий довольно сильно разнится. Поэтому отшкрябывала ступеньки старательно и с огоньком.

– Предупреждаю сразу – об этом знают наши старейшины, поэтому, если попытаешься как-то вмешаться, единственным результатом будут огромные проблемы. Причем, как у тебя, так и у меня, понять, кто выдал секрет, совсем не сложно, – я покосилась на Алексея. Тот стоял рядом, немного напоминая истукана, слишком уж неподвижен был. После того, как отвергла его помощь в наведении порядка, так и не двинулся.

– Это я уже понял. Что такого нужно было отдать, что ты полностью разорвала отношения с семьей?

– Ребёнка.

Отжав тряпку, разложила её на нижней ступеньке, а сама уселась на верхнюю. Немного неудобно, к тому же приходится задирать голову, чтобы посмотреть Леше в лицо, но тащиться на веранду было лень.

– В каком смысле? Ты должна была отказаться от ребенка?

Если бы...

– Плата нашего клана за ведьминскую силу – первенец старшей в поколении. Что происходит с детьми, никто не знает. Их отвозят в специальное место, откуда они просто пропадают, – услышав его несколько неприличный возглас, я только хмыкнула. У меня это вызвало ещё более бурную реакцию.

– Это же... Варварство какое-то!

На моей памяти это был первый случай, когда получилось обескуражить Воропаева. Но не так и удивительно, если вспомнить, как трепетно оборотни относятся к своему потомству. И ещё один дополнительный повод ненавидеть ведьм.

– Этому обычаю больше пары тысяч лет.

– Что значит «просто пропадают»? Никогда не поверю, что матери не пытались искать своих детей, – не особо заботясь о форме, Леша сел рядом. И хотя на улице уже было жарковато, тепло его тела приятно обволокло.

– Пытались, но уже гораздо позже. Как думаешь, им кто-нибудь говорил, чем приходится платить за силу? Это со мной вышла промашка – случайно узнала много лет назад.

– Поэтому у тебя нет детей?

– Да.

Их не просто нет, но и никогда не будет, об этом я поза-

ботилась. На всякий случай.

– Как это возможно? Ведь есть же документы, патронаж из детских поликлиник... Невозможно скрыть пропажу ребенка, тем более, если это происходит неоднократно.

– Можно, если беременная не встает на учет и рождает дома.

Не зря же испокон века повитух приравнивали к ведьмам.

– С одной стороны, я тебе верю, с другой – в голове не укладывается.

– У меня тоже мозги чуть набекрень не съехали, когда узнала.

Тогда и решила, что лучше заблокируют на всю жизнь, чем сознательно убивать ребенка. Тем более, что Леше я рассказала не всё. Младенца сразу не отбирают. Дают матери привыкнуть, полностью раскрыться инстинктам, полюбить... И в полгода забирают, якобы, для проведения обряда, после которого уже не возвращают. Чем сильнее горе матери, тем полновеснее принесенная жертва.

– Ты хочешь сказать, что мать, вот так потерявшая ребенка, потом готовит такую же долю своей второй дочери? – Усидеть после таких новостей ему было трудно, поэтому снова поднялся, машинально прохаживаясь возле крыльца. Потом и меня поднял, крепко обняв и прижавшись щекой к волосам.

– Все намного проще – эта мать выжидает, чтобы родила какая-то из её сестер, и именно этот ребенок станет старшей

в следующем поколении.

Правда неприглядна, но какая есть – ведьмы порой более жестоки, чем те же оборотни, которые звери по своей природе.

– Кто тебе об этом рассказал?

– Это не имеет значения, – признаваться я не собиралась, это чревато огромными проблемами, причем, не только для меня.

Мы постояли пару минут, делая вид, что любуемся на малинник. Смотреть там было особо не на что, но это было намного приятнее, чем продолжать разговор.

– Мне нужно ехать, – Леша шевельнулся, неохотно убирая ладони с моей талии. – Точно хочешь остаться здесь одна?

– Да, не беспокойся, всё будет хорошо, врасплох теперь точно не застанут.

– Кстати, а почему ни одна проверка не выявила у тебя наличие силы? Семья договорилась?

Не смогла сдержаться и громко фыркнула:

– Последние, кого я бы поставила в известность, это как раз члены семьи. Нет, там было совсем по-другому. Незапланированно и даже немного глупо.

– В смысле? – Похоже, опоздать Воропаев больше не боялся.

Вот ведь любопытный какой.

– Заблокировать может только старшая городская ведьма. Ты же с ней знаком? – Он кивнул, и я продолжила. – Нина

тогда только-только добилась этой должности, и признаться, что не хватило умения и силы для блока, равнозначно самоубийству – те, кого она обошла, её бы мигом загрызли. Тогда Потапыч и предложил эту схему – все делаем вид, что меня заблокировали, я перед проверками пью специальный отвар, лишаящий магии на пару суток, а ведьма молчит в тряпочку.

– Ты оказалась сильнее городской ведьмы?

– Не знаю... Во всяком случае, не слабее.

Если учесть, что Нина после попытки перекрыть мне силовые линии пару часов пролежала в отключке, не так он и не прав. Но сейчас это уже не имеет никакого значения.

– Поезжай, а то ты так до обеда на работе не появишься.

Воропаев покинул меня с видимой неохотой, крепко поцеловав на прощание и потребовав обещание в случае малейшей опасности вызвать подмогу. Я заверила, что так и сделаю, но клясться не стала, всё-таки есть ещё дела, в которые не хочется посвящать посторонних.

Проводив Лешу, для собственного успокоения ещё раз обежала дом и только после этого уселась за ноутбук. Так, посмотрим, что же произошло вчера вечером.

Видеонаблюдение оказалось вещью очень даже полезной, хотя я и сопротивлялась, когда Антон почти насильно заставил его установить. Несмотря на наши уже давно не брачные отношения, бывший муж за меня переживал, что не могло не греть душу.

Да и вообще, за каждого из мужей шла по любви. Ника-

кой выгоды от заключаемых браков практически не извлекла, но это и к лучшему, а то чувствовала бы себя содержанкой. Если, как уже говорила, с тем же Антоном мы просто переросли друг друга и наш брак, то со вторым мужем получилась немного другая история. Валера покори́л спокойствием и умением идти на компромисс, а то и просто уступками. Это только через несколько месяцев дошло, что сработала привычная модель поведения, уже многолетнее отработанная его матушкой. И как он только смог так долго держать её на расстоянии от меня... Аж передернуло, когда вспомнила вторую свекровь. Если к её сыну я испытывала теплые чувства, то на самую почтенную даму они никак не распространялись, так что выдержала чуть больше года. А потом малодушно сбежала, решив, что делить мужа с кем бы то ни было не стану.

Подождав, когда система полностью загрузится, поставила записи с видеокamer на обратную перемотку.

С Сашей прожили почти пять лет, и это было очень хорошее время. Не сказать, чтобы мы пылали страстью, скорее, потихоньку ровно горели. Понимали и уважали друг друга. И именно это уважение и понимание подсказывали, что долго это не продлится – Саша очень хотел того, что я ему дать не хотела и не могла. Детей. Естественно, объяснять реальное положение дел было полным самоубийством, так что отговорилась проблемами со здоровьем. И когда вопрос встал ребром, отпустила мужа, хотя и пострадала несколько меся-

цев. Но обвинять его никогда не обвиняла, потому что знала, что он прав. Из Сашки вышел прекрасный отец, и лишать его этого только из-за моей чокнутой семейки не имела права. Зато он заработал такой комплекс вины по поводу нашего расставания, что теперь я порой совершенно беспардонно пользовалась его добротой. Как с той же заменой пробитого колеса.

Наконец-то запись дошла до вчерашнего вечера, и теперь можно насладиться захватывающим зрелищем. Вот в объектив камеры побился крупный мотылек, потом и вовсе появились демонического вида пальцы. Они мерно сгибались и разгибались, словно приглашая зрителя за собой. Потом показались и не менее устрашающие глаза, горящие сатанинским блеском. Продолжалось это минуты три, после чего паучок благополучно уполз по своим делам, перестав загораживать обзор, хоть и оставил после себя тонкую леску паутины, увеличенную линзой до размера корабельного каната. Помнится, когда первый раз увидела через камеру паука, в голос от страха заорала, позорно забыв, что я ведьма. И любой на моем месте поступил бы так же – страховидло то ещё...

Следующие пятнадцать минут я любовалась на дворнягу, задравшую лапу на угол забора, прогуливающуюся по двору Полосатую и соседку, крикливую и склочную бабу непонятного возраста, которая, воровато оглядываясь, высыпала что-то возле моей калитки. Надо же, какая, оказывается, в

нашем стоячем болотце бурная жизнь. Действия соседки заинтересовали с чисто академической точки зрения, поскольку ничего опасного от ворот не ощущалось. Небось, начитавшись самопальных справочников по черной магии, собрала ночью с кладбища земли. Надеюсь, она действовала строго по инструкции, а именно собирала её в полнолуние, одетая в вывернутый тулуп на голое тело и уходила, пятясь задом. Никакого сакрального смысла ни сама земля, ни способ сбора не имели, это кто-то из ведьм решил несколько зло пошутить над суеверными людьми, жаждущими ощутить себя ведуньями. Надо бы ещё узнать, за что она на меня обиду затаила. Если только песочком дорожку посыпать будет, так со всем нашим удовольствием, а вот удар сковородой по темечку уже гораздо хуже.

Тем временем, события начали набирать обороты. Вот я направилась к дому, а возле забора появилась невысокая плотная фигура, закутанная в некое подобие плаща. Как только не упрела в такую жару...

Дальше немое кино показало быструю версию развития событий – вот ведьма у дороги поднимает руки, и я сразу падаю на крыльцо. Смотреть, как меня корежит, было не особо приятно, сразу разболелись и голова, и желудок, а вот рту явственно разливался железистый привкус крови. Черт, это я сейчас губу до крови прикусила.

Ну что, могу собой гордиться, больше двадцати минут смогла сопротивляться, хотя даже не представляю, как это

получилось. Женщина в хламиде все это время стояла, как вкопанная, разве что к концу действия начала чуть покачивать, а потом и вовсе едва ли завалилась на колени. А ты что думала, милая, такие вещи болезненны не только для жертвы, но и для ворожеи. И пусть степень, в которой она ощутила всю прелесть наговора, не идет ни в какое сравнение с моей болью, досталось и ей нехило.

Вот из-за угла сарая появился Алексей, мне даже пришлось нажать на покадровое воспроизведение, чтобы это понять, и ведьма быстрым, хотя и нетвердым шагом убралась из света рампы. К сожалению, угол съёмки не позволил увидеть машину, в которую она села. Я же пока любовалась подтянутой фигурой Воропаева, поднявшего меня на руки и исчезнувшего в недрах дома. Все, кино кончилось.

Надо же, а я даже не заметила, что он у меня не только камер натыкал, но и одежду свою припрятал, поскольку появился он в самом что ни на есть натуральном виде. Надо ещё не забыть попросить глянуть на его видеозаписи, может, там что-то рассмотрю. Хотя вряд ли, кем бы ни была ведьма, она старалась использовать все возможные меры предосторожности.

Вспомнив особенности фигуры, а в частности рост, я сразу отмела двух ближайших родственниц. Марьяна Никитична, так же, как и моя мама, выше почти на полголовы. Если роскошества фигуры можно регулировать, а нарастить сантиметры каблуками, но уменьшиться намного сложнее.

Ничего похожего на маскирующие чары не унюхала, не зря же рысью бегала мимо забора.

Переключив камеры на режим воспроизведения реальной картинки, я пару минут понаблюдала за водителем Леши. Тот скучал в тенечке, позевывал и, задрав голову, рассматривал облака. Если Воропаев меня поймает, быть пареньку кругом виноватым, так ведь вся соль в том, чтобы не поймал. Учитывая всё те же камеры, дело это сложное, но не невозможное, тем более что вход в гараж расположен так, что хрен с какой точки его рассмотришь. Вот и пусть сторонний наблюдатель думает, что владелица прикорнула на родном капоте, часа времени должно хватить.

Ничего против заботы о жизни и здоровье я не имела, однако отправляться на эту встречу на машине Алексея было бы слишком опрометчиво. Почти красная стрелочка с надписью «Здесь был Вася».

Широкая доска отодвинулась с легким скрипом, повиснув на одном гвозде, а я ужом нырнула в образовавшуюся щель. Тайный запасной выход вел прямо на задворки соседского участка, за которым сначала понаблюдала, убедившись в отсутствии хозяев.

Через пару минут выбралась на параллельную улицу, злая и взлохмаченная. Надо будет намекнуть соседке, что черная магия и вполонину не так захватывающа, как садово-огородные работы. Двухметровые заросли крапивы прекрасно спрятали меня от посторонних глаз, а вот мелкие волдыри,

сплошь покрывшие кисти рук, радовали куда как меньше. Да и начинающая цвести канадская лебеда готовилась распушить метелки, а у меня на неё, между прочим, аллергия.

Такси получилось поймать без проблем, и уже через четверть часа я звонила в неприметную дверь, выкрашенную коричневой краской. Подъезд был умеренно грязен, на пыльном подоконнике мирно засыхал «щучий хвост» в обрезанной пятилитровой бутылке, а через приоткрытую форточку с дворовой площадки доносились неясные голоса и детский гомон. Нормальный среднестатистический дом, и никогда не подумаешь, что именно тут живет натуральная ведьма.

Поначалу никто не хотел открывать, симулируя полное отсутствие признаков жизни, но упорство всё-таки победило. Применять силу я не торопилась, просто-напросто отвыкнув за столько лет вынужденного поста от её постоянного использования.

– Чего раззвонилась, проходи, – выходить на площадку Варвара не стала, быстро втянула меня в недра прихожей, и только после этого воровато выглянула в подъезд. – Дура, что ли, вот так приходиться?!

– Не ори, дело есть, – я прошла по коридору до кухни, и хозяйке ничего не оставалось, как последовать за нахальной гостьей. Раньше у Варьки бывать не приходилось, но типовой оказалась не только планировка, но и меблировка, так что рассматривать особо нечего. Да и не ради любования на-

весными шкафчиками приехала. – Рассказывай.

Варвара недовольно посопела, но поставила чайник на плиту, после чего уселась за стол с видом королевы в изгнании.

– Да нечего рассказывать. Ты по работе? – Она подняла глаза, вроде бы, все как обычно – наглость с легким оттенком пренебрежения, но на донышке затаился страх. И чувствует сердце, что не меня она боится.

Вместо ответа провела ладонью над её пухлой рукой, с видимой расслабленностью возложенной на белую в подсолнухах клеенку. В этот раз сила отозвалась почти мгновенно, хлынув бурным потоком, хлестко ударившим по ауре Варвары. Я не хотела причинять боль, но получилось как получилось, тем более, что демонстрации оказалась очень наглядной. Ведьма с тонким визгом отдернулась и вскочила со стула. Тот зашатался, но устоял, а вот Варька, не сумев нашарить здоровой рукой дверь, сползла по стене возле холодильника.

– Так это правда, – теперь в глазах, помимо направленного уже в мою сторону страха, явно отразилась заинтересованность и зависть. – Он добился, чтобы тебя разблокировали.

Ответить я не могла по вполне объективной причине – загнать силу обратно оказалось непривычно тяжело. Обостренные до боли инстинкты требовали надавить чуть сильнее, заставить Варвару встать на колени, признавая моё право на старшинство. С большим трудом удалось взять себя

в руки, прогнав хмельное ощущение вседозволенности.

Кажется, когда вчера решила, что нахожусь в глубокой заднице, несколько ошиблась. Потому что сегодня стало ещё веселее, теперь я как сорвавшийся алкоголик с неограниченным доступом к ликеро-водочному отделу.

Глава 16

*«Тихо, граждане! Чапай думать будет...»
х/ф «Чапаев», 1934г.*

Чай я пить не стала, ну его, в самом деле.

А вот пообщаться не помешает, чем мы теперь и занимались. Незатейливая демонстрация магического потенциала помогла наладить диалог.

– Я же не знала, что ты не хочешь это афишировать, – Варвара вцепилась в чашку, как в спасательный круг. – Иначе никогда бы не сказала!

Зато теперь понятно, с чего родня так активизировалась.

Зря я не подумала, что Юру может кто-то узнать и сделать далеко идущие выводы. Варька всё-таки женщина с присутствием нам всем любопытством, потому и проследила за походом по кладбищу. Там стажера и заметила, а его отец среди местных паранормалов фигура заметная и известная. И брякнула о нашем тесном сотрудничестве при моей тетке, когда та пришла к Варьке на укладку. К слову сказать, па-

рикмахером Варвара была едва ли не лучшим в городе, так что пересечься с кем-то из моей семьи труда не составило. Тетка информацией заинтересовалась, даже поблагодарила за помощь, что вообще явление почти неслыханное. А дальше уже дело техники.

Скорее всего, тетка решила, что Алексей не стал бы доверять единственного сына ведьме, лишённой силы его стараниями. А вот той, кому теми же молитвами её вернули – за просто. Тогда получается, нападения на Юру были своеобразными тестами. Как на мои способности, так и на преданность старшему Воропаеву.

Манипуляторы хреновы. Что одна, что второй.

Если тетку ещё и можно было понять, то с какого перепугу Алексею приспичило облагодетельствовать меня своим сыночком, до сих пор непонятно. Обязательно спрошу при случае, а пока надо сообразить, как лучше действовать. И сделать это нужно в ближайшие пару дней, думается мне, что субботнее сборище родни устраивается не просто так.

От Варвары я выходила в расстроенных чувствах, хотя единственное, чего не испытывала, так это удивления. Странно, что столько лет не трогали. А может, и узнавали, не скрываю ли от самых родных и близких силу, вот только действовали намного осторожнее и деликатнее. Знать бы ещё, с чего теперь так переполошились... Пусть живем мы и немногим дольше людей, но, в теории, ещё лет десять для рождения ребенка у меня есть.

Несмотря на то, что бурьян частично вытоптала, возвращение прошло не идеально. Сначала была вынуждена ждать, пока сосед, почесывая пивное пузо, не налюбуется заросшим осотом и мокрицей огородом, а потом пришлось снова вступить в бой с крапивой. Вышла я победительницей, но только по очкам. Правую руку от запястья до локтя жгло, как ошпаренную, да и шея подозрительно чесалась.

О том, что в гараже не одна, поняла, когда рядом заговорили:

– Не очень разумно убежать от охраны.

Алексей чинно сидел на капоте «девятки», благо та не успела испачкаться после позавчерашнего мытья.

– Я и не убегала, – устроилась рядом, чуть касаясь плечом плеча. – Нужно было кое-что проверить, а при посторонних говорить бы не стали.

– Проверила?

– Да.

Мы оба замолчали. Я задумчиво наблюдала, как в столпе солнечного света, пробивавшегося в щель над приоткрытой дверью, медленно кружатся золотые пылинки. Красиво... Тем более, что гораздо приятнее смотреть на их танец, чем думать, как поступить дальше.

– Рядом со мной сейчас опасно находиться, Юру с Людмилой лучше увезти, – я решила не заходить издалека, тем более что Леша тоже не любит долгих ритуальных танцев.

– Родня начала военные действия? – Выражение глаз в по-

лумраке рассмотреть не могла, но вертикальную морщину между бровей видела четко. Как и сурово поджатые губы. Красивый он все-таки, хоть и немного солдафон.

– Это пока только разведка, дальше будет хуже.

Леша кивнул, принимая слова к сведению:

– Отправлю их из города на недельку.

Хорошая идея. Куда-нибудь на природу, чтобы можно было гулять в лесу, строить планы на будущее и не опасаться того, что окажешься в эпицентре ведьминских разборок.

– Тебя это тоже касается. Возьми отпуск и уезжай с ними.

– Нет.

Наверное, это плохо, но отказ меня порадовал. Что бы за ним не скрывалось, оставаться один на один с кланом было страшно. И все равно предприняла ещё одну попытку:

– Ты не понимаешь, они теперь знают, что блока нет. Формально ты не имеешь права ввязываться в наши разборки. Это внутрисемейное дело.

Тепло его ладони на талии странным образом успокаивало, во всяком случае, подавило протест силы, которую с таким трудом загнала у Варвары. И которую чувствовала всё это время, она кипела, как поднимающаяся пена в закрытой кастрюле. И кто его знает, насколько плотно сидит «крышка».

– Ты же боишься встретиться с ними одна.

Вопросом это не было, да и глупо его так ставить – естественно, боюсь. Как и любое здравомыслящее существо, на-

деленное инстинктом самосохранения.

– Предлагаешь, как в том мультике, бояться вместе? – Плечо было немного жестковато, но прижиматься к нему лбом все равно приятно.

– Нет, страх дело хорошее, но только в малых дозах, потом он только мешает, – теплые сухие губы на секунду коснулись левой брови, а потом снова отодвинулись. – Мы придумаем, как пережить все это с наименьшими потерями.

– Главная проблема и угроза не в моих родных, – как ни неприятно сознаваться, но придется, иначе это вылезет в самый неподходящий момент. – Контролировать силу стало намного труднее.

Он замолчал на пару минут, пытливо меня рассматривая. Даже стало немного неудобно, я-то не покрашенная, да ещё и волосы после штурма забора лежат не пойми как.

– Это из-за того, что ты ею долго не пользовалась?

– Не совсем. Если не пользоваться, ничего подобного не произойдет. Я же не просто не пользовалась – годами подавляла, а теперь перестала. Взболтай шампанское, а потом попытайся открыть, аналогия понятна?

Есть одна травка, не относящаяся к целебным у людей, но очень любопытно действующая на ведьм. Она на какое-то время притупляет дар, не блокируя его полностью, но существенно уменьшая. А если пить отвар некоторое время подряд, то создается полное впечатление, что силы нет вообще. Как это варево действует при длительном применении, ни-

кто из нашего племени по понятным причинам не проверял, и мне пришлось действовать на свой страх и риск. Другого выхода все равно не было – родственники могли подстроить «случайную» встречу, семейными посиделками наше общение не ограничивалось. Во всяком случае, первые несколько лет после суда. А противостоять сразу нескольким сильным ведьмам совсем не просто, и рано или поздно я бы прокололась. Скорее, рано. Зато теперь узнала, что у этой травки очень сильный синдром отмены, вот только снова лечиться тем же отваром нельзя, мне сейчас нужны все силы, а прятаться уже поздно.

– Насколько ты сильна?

– Смотря с кем сравнивать. Есть слабее, есть и те, кто покруче будет. Шкалы оценки дара никто не придумал.

– Это ты так думаешь. Сможешь убить человека, не касаясь его, меньше, чем за час?

Провокационный вопрос. Особенно если учесть, за что меня судили. Но тогда было доведение до самоубийства, процесс трудоёмкий, зато растянутый на недели. Уничтожить же живое существо сразу намного труднее.

– Да, – и чтобы не возникло на этот счет черных мыслей, тут же добавила, – но лично не проверяла.

– Сколькими способами?

Вот тут я уже немного зависла. А действительно, сколькими?

– Ну, думаю, три-четыре наберется.

– Понятно.

Что именно ему понятно, Леша не уточнил, хотя по тому, как подобрался, стало ясно, что ничего хорошего не услышу.

– Что-то похожее бывает с оборотнями, когда они по какой-то причине долго не могут перекинуться. Когда это, наконец, происходит, там уже больше от зверя, чем от человека. Если довести до крайности, на некоторое время мы становимся животными. Полностью. Потом человечность постепенно возвращается, но далеко не сразу.

Так, если провести аналогии, то мне нужно сбросить энергию. Дело-то хорошее, только не помешает уточнить некоторые детали:

– А как потом с возможностью снова оборачиваться?

– В течение нескольких дней это становится невозможным.

Захотелось выругаться, но сдержалась.

– Тогда нам это не подходит – я должна быть готова ко всему, и времени на восстановление нет.

– Значит, нужно сделать так, чтобы тебе вообще не пришлось пользоваться силой.

Да он оптимист... Я пока не уверена, что вообще жива останусь, даже если приложу все усилия, как физического, так и метафизического свойства, а он предлагает обойтись малой кровью.

– Как ты себе это представляешь?

– Пока несколько смутно, поэтому предлагаю обдумать в

тесном кругу. Не против?

Желание выжить кардинально меняет взгляд на неприкосновенность частной жизни, поэтому кивнула, соглашаясь с предложением. Если сама я до сих пор не придумала, что делать и как избежать родственного гнета, то, возможно, кто-то со стороны сможет увидеть выход из ситуации? И все же из врожденной подозрительности решила прояснить момент:

– Кто будет в составе обсуждающих?

– Мы с тобой, Потапыч и мой заместитель. Он из небогатых, парень толковый.

Зачем нам сдался тот, кого я не знаю, и кто вряд ли является спецом по урегулированию отношений ведьминского клана, спрашивать не стала. Потому что глупых вопросов под руку не задают, к тому же, пока лично не увижу, не пойму, почему именно на него пал выбор Алексея.

– Чем может помочь это обсуждение? Это ведь глубоко семейное дело, и вмешательство извне в таком не приветствуется. Причем, никем – ни ведьмами, ни оборотнями.

– Вот чтобы никто не протестовал, и нужно кое-что уточнить.

Не сказать, чтобы я поняла смысл его ответа, поэтому не стала больше приставать и только уточнила:

– Ты же понимаешь, что всего нельзя говорить даже им? – Дождалась кивка. – Не против, если тоже кое-кого приглашу?

– Очередного бывшего мужа? – Леша помог мне отрях-

нуть джинсы и тем временем попытался скрыть недовольство на лице. А все-таки приятно, когда тебя ревнуют.

– Почему сразу «очередного»? Того же самого. У него хорошие связи и возможности, к тому же Антон терпеть не может мою родню, так что с удовольствием воспользуется случаем им подгадить.

– Какие благородные мотивы.

Шла я впереди, поэтому, как закатила глаза, он увидеть не мог. И это к лучшему, не хватает только поругаться для полного счастья.

– Ладно, если считаешь, что это лишнее, то можно и без него.

В конце концов, ничто не мешает потом связаться с Антоном и переговорить насчет дополнительной страховки. И пусть Алексей может рассмотреть такой демарш, как проявление недоверия, мне больше по душе вариант с его обидой, чем с фатальными последствиями для кого-то из нас. Потом извинюсь, челом побью, признаю, что хроническая дура, да мало ли какие ухищрения в женском арсенале. И непреодолимая преграда для них только одна – смерть. Поэтому сделаю все возможное, чтобы до неё не дошло.

Но потом таки передумала, с этими интригами немудрено забыть, кому что говорила, так что лучше сразу пережить бурю, чем это выяснится в самый неудобный момент.

– Антош, привет, отвлеку буквально на секундочку, – затараторила я, когда бывший супруг, наконец, поднял труб-

ку. – Не в службу, а в дружбу – узнай, что в последнее время происходит в кругу моей родни, а?

– Опять достают? Сделаю. Только не раньше вечера, сейчас дел по горло.

Я всячески заверила, что до вечера дотерплю, хотя и страдаюсь от любопытства. Антон хмыкнул и отключился. Хорошо, когда рядом понятливые люди.

– Это и я мог сделать, – не знаю, куда Воропаев дел верного ординарца, но за руль сел сам. Разжаловал за профнепригодность, что ли? И вел хоть и быстро, но аккуратно, являясь мне невыраженным укором.

– Мог, – лезть с объятиями и поцелуями не стала. И неуместно, и отвлекать от дороги не стоит. – Но у тебя гораздо более важное задание – следить, чтобы со мной ничего не случилось.

В ответ он только хмыкнул, но даже по смешку стало понятно, что немного оттаял. Фуф, как же тяжело балансировать на грани нервного срыва, да ещё и стараться мужика не обидеть. То ли я старая стала, то ли отношусь к Леше не так, как к другим, но соблюсти эту границу оказалось неожиданно важно.

Заседание в узком кругу доверенных лиц было собрано оперативно, поэтому уже через полчаса смогла полюбоваться кабинетом Алексея. Оказался он самым обычным, не особо большим, но и не маленьким, но всеми необходимыми атрибутами в виде портрета президента и Конституцией на

самом видном месте в застекленном шкафу. Короче, тоска.

Заместитель немного запаздывал, о чем честно предупредил, поэтому я глазела по сторонам, не прислушиваясь к разговору между Лешей и Потапычем. Начальство прибыло одновременно с нами, было оно не сказать, чтобы прямо довольным, хотя и просветлело лицом при виде меня.

– Ты отчет по правонарушениям за декаду сделала?

Зря обольщалась, радость была совсем не от моего вида.

– Естественно. Ещё вчера отправила по электронке.

Спрашивается, чего ради в авральном режиме горбатилась, если до сих пор никто не соизволил проверить входящую корреспонденцию? А ведь два дня назад чуть душу не вынул, так нужна была эта бумажка.

– Быстренько обрисуй в двух словах, по какому поводу собрались? – Пользуясь тем, что Воропаев разговаривает по телефону, Потапыч наклонился ко мне и понизил голос.

– Все плохо. Ну, вы же сами просили в двух словах, – пришлось добавить, потому как начальство недовольно приподняло брови.

– Лучше «всё плохо», чем «мне хана». – С этим трудно не согласиться, хотя разница между этими состояниями довольно зыбка. – Будем думать.

Думать начли уже через пару минут, как раз и заместитель подтянулся. Я долго искоса приглядывалась к нему, пытаюсь вспомнить, где могла раньше видеть. В конце концов, решила, что произошло это за годы работы в органах, все мы в од-

ной песочнице копаемся, наверное, в коридоре пересеклись. Тем более что внешности зам оказался самой обыкновенной, я бы даже сказала – серенькой. Неопределенно-русые волосы, такого же пыльного цвета глаза, средний рост... Ему бы в шпионы пойти, такого даже если разглядишь, ни запомнить не сможешь, ни потом описать. А вот с имени я чуть не рассмеялась самым некультурным образом. Если уж представлять имя оборотня, то видится что-то рычащее, тот же Роман или Григорий, например. Но волк Валя – это сильно.

– По оперативным данным в ближайшую субботу назревает мероприятие, которое нужно проконтролировать, – Алексей остался стоять, а нас усадил за стол. – Из сложностей предстоящего дела – будет это на территории сильного клана ведьм, а провести все нужно аккуратно и, желательно, не привлекая внимания.

– Невозможно, – Валентин Петрович, как представили мне зама, нахмурился и упрямо качнул головой. – Я про то, чтобы повернуть все, не привлекая внимания. Сразу хай поднимется, что лезем не в свои дела, а если клан реально сильный, то вонь пойдет аж до столицы.

– Если сделать все с умом, не пойдет, – Воропаев ничуть не оскорбился выраженным недоверием, наоборот, казалось, приободрился от этого. – Особенно если это будет расследование по горячим следам.

Я сразу поняла, на что он намекает, и уже прикидывала, как бы натуральнее и пожалостливее написать заявление о

нападении на меня. Чтобы и слог соблюсти, и в излишние сопли не скатиться. Конечно, для снятия показаний с группой захвата не приезжают, но тут все зависит от результатов – если они есть, на такие мелочи никто и внимания не обратит. А вот если нет... Как по мне, так лучше бы результатов не было. Ибо уровень возможностей родни знаю хорошо.

– А ничего, что мы обсуждаем это в присутствии члена этого клана? – Видимо, моя скромная персона не давала Валентину Петровичу покоя. И по взгляду заметно, что вообще ему не понравилась. Ну, это сугубо личные проблемы, я тоже от его вида в экстаз не впала.

– Ничего.

Несмотря на явное, хоть и не высказанное предложение продолжить мысль, Алексей на этом вопрос моего появления в кабинете закрыл.

Дальше пошло обсуждение стандартных схем мероприятия по пресечению незаконной деятельности и прочие менее интересные разговоры, от которых попыталась абстрагировалась и блеснуть в эпистолярном жанре.

Заявление вышло деловым, но проникновенным, когда читала, аж сама чуть не прослезилась, начальству должно понравиться. Потапыч, практически не отвлекаясь от продолжающегося обсуждения, лист стянул, пробежал глазами и одобрительно хмыкнул. Вот и ладненько, значит, сойдет.

Совещались они не так, чтобы прямо долго, но немного заскучать я всё-таки успела. А заодно и набросала план дей-

ствий. Но он был перечеркнут словами Воропаева:

– Значит, так и сделаем. – Кивок заместителю, удалившемуся, так и не удостоив меня взглядом. – Аль, поезжай на работу, так будет безопаснее, а я пока проведу некоторые подготовительные работы.

Уточнять, до чего договорились, не стала, по дороге попытаю у начальства. И так уже злоупотребила служебным временем. То, что я с Алексеем сплю, наше личное дело, и ставить в известность о котором его подчиненных не собиралась. Не из скромности, а потому что никого, кроме двоих, данный факт не касается. Поэтому и целоваться не полезла, ограничилась кивком и сдержанной улыбкой. Получила тот же набор в ответ, подумала – а не обидеться ли, и в очередной раз прокляла свою бабскую натуру.

– Ты как-то изменилась.

Потапыч всегда водил сам, хотя по штату и был положен шофер, поэтому разговор начал ещё в машине. Вот это правильно, вот это по-нашему, хотя и начал с прелюдии.

– Это у меня от великой радости.

– Оно и видно. Морда тоже от великой радости разбита?

Я почти схватилась за нос, проверяя, неужели не все ещё следы сошли, а потом поняла, что меня развели, как малолетку – никаких порочащих ссадин там уже нет, зато только что подтвердила, что личико мне недавно рихтовали.

– От счастья в обморок падала. Можно в двух словах – до чего договорились? Или даже в пяти! – Вспомнила свой соб-

ственный ответ, поэтому быстренько исправилась, а то подловит же.

– Можно даже в двух десятках. Егорыч сегодня-завтра оправится с визитом вежливости к твоей бабке. Так сказать, пробное знакомство с потенциальной родней. – На выпад я не отреагировала, поэтому чуть поскучевший начальник продолжил. – Заодно покажет заявление, спросит, не выдали ли они чего подозрительного. Хорошо написала, кстати. Проникновенно.

– Самой понравилось. Бабка поохает, руками всплеснет, и скажет, что ни сном, ни духом. И дитяtko своё клан защитит сам, только дурное оно, от радости такой бегаёт, – я представила этот разговор в красках и скривилась. – И чего он этим добьётся?

Пока план озвученных мероприятий не внушал.

– Того, что недвусмысленно намекнет – ты под надзором, есть кому девичьи интересы отстаивать. Он хоть и не царь горы, но определенную силу имеет, и на прямой конфликт твои не попрут. Не совсем же они отмороженные.

На этот счет у меня было мнение, в корне отличное от мыслей Потапыча.

– Да положить они хотели на намеки. Им нужна я, и как можно скорее. Пока не знаю, зачем, – тут чуть покривила душой, – но почему-то прямо срочно.

– Так-таки и не знаешь? – Он хитро покосился, рождая в душе неприятное ощущение, что меня сейчас читают, как

раскрытую книгу. – Ну, не хочешь говорить, воля твоя. У вас, ведьм, секретов, как у дурака погремушек, только постарайся в ближайшее время не помереть, ладно? – Я уже хотела поблагодарить за участие и переживание, но Потапыч добавил. – У тебя ещё четыре дела не сданы, и скоро отчет за полугодие.

Вот спасибо, дорогое начальство, всегда знала, что вы меня любите. Иногда в просто-напросто неприличной позе.

Глава 17

«Не ложитесь спать, поссорившись. Тогда вы успеете ещё и подраться!»

народная мудрость

– Родня у тебя, конечно... – Кончики пальцев мягко пробежали по моему плечу, вызвав шквал мурашек. Но шевелиться было лень, поэтому только слегка поежилась.

– Оригинальная?

– Не то слово.

Правильно, то слово в присутствии дамы произносить не комильфо.

Было в этом что-то невыносимо притягательное – лежать, укрывшись одним одеялом, и просто касаться. Без умысла и цели, наслаждаясь моментом и ощущением сытой расслабленности.

В доме было непривычно тихо и сумрачно. Хотя ещё окончательно не стемнело, плотные шторы практически не пропускали свет, и полумрак замечательно дополнял атмосферу уюта и покоя. Пусть проблемы никуда и не думали пропадать, но взять несколько минут передышки жизненно необходимо. Или не минут, а часов...

– Они такие, – почти на ощупь нашла шею Лешки и, подтянувшись повыше, улеглась на его плечо. – Что сказали?

– Ничего толкового.

Тут он замолчал, то ли задумавшись, то ли отвлекшись, а пальцы лениво начали скользить вдоль позвоночника. Приятно. Но придется отвлечься.

– Как по ощущениям – они ждали твоего приезда?

– Не думаю. Но и не особо удивились.

Это как раз понятно – ведьма, наставшая тот заговор, должна была видеть, кто помешал их планам. А спутать Алексея с кем-то другим, конечно, можно, но довольно сложно.

– Скажи, что бывает, если старшая в поколении погибает до того, как родит ребенка? – Когтить спину он перестал, чем несколько расстроил. А вопрос и вовсе позитива и томности вечеру не добавил.

Я на пару секунд задумалась, пытаюсь вспомнить что-нибудь по этому поводу, но пришлось признать своё бессилие:

– Не знаю. Ни разу о таком не слышала.

– Но ведь такое теоретически возможно, – Лешка про-

должил настаивать, я тоже перестала изображать тюленя на пляже и поднялась, натянув одеяло на плечи. Не от прилива скромности, а от того, что воздух был прохладным – кондиционер жужжал изо всех сил, мне стало даже зябковато.

– Теоретически возможно все, что угодно. Я не знаю реального случая, когда старшая так умирает. Обычно нас берегут. И замуж стараются отдать пораньше. Типа, чтобы быстрее отстреляться.

– Да ты и так особо в девках не засиделась. Правда, я не понял, как твои допустили, чтобы мужем стал вампир, – Леша с некоторым неудовольствием встал, потягиваясь всем телом. А тело у него внушительное. Именно по-мужски привлекательное, я даже засмотрелась, ответив не сразу:

– Если бы знали, естественно, не допустили бы. А потом стало поздно. Одна надежда была, что не уживемся. Иначе получилось бы совсем плохо – не думаю, что родители Антона не заметили бы моё интересное положение, а потом не поинтересовались бы, куда делся ребенок. А учитывая, кто они...

Да, первым браком я знатно подгадила родне, даже попытайся сделать это специально, не факт, что получилось бы надавить на больное с такой точностью.

– Ты тогда уже знала? – Джинсы он натянул, а вот футболку, повертев в руках, повесил обратно на спинку стула. И продолжал ввергать в неприличные думы обнаженным торсом.

– Не-а, – решив не отставать, тоже оделась, все-таки дел ещё невпроворот, и как ни заманчива перспектива провести весь вечер в постели, придется пожертвовать отдыхом ради более насущных вещей. – Мне рассказали уже после развода.

– Кто?

Пришлось отрицательно качнуть головой:

– Не могу сказать. Правда. Не потому что не доверяю, но ты можешь невольно выдать этого человека. Сам понимаешь, такое не простят.

Леша поджал губы, но кивнул. При всем уважении к его уму и способностям, о возможностях ведьм он знает далеко не всё. Да я и сама не стопроцентный эксперт по собственному виду, так что незнание в данном случае это нормальная мера предосторожности.

Что-то такое едва ощутимое, теплое и пронзительное пропало, и мы молча перешли на кухню. Тем более что поужинать ни он, ни я не успели. Но и там разговор не клеился, если, конечно, не считать за него просьбы передать соль или благодарность за заваренный чай. Прямо как супруги со стажем.

– Ты как-то объяснила им, почему настолько отдалилась?

– После суда это и не требовалось, они сами не горели желанием общаться.

– Очередная заморочка? – Без просьбы и даже безмолвного намека он встал к раковине, чтобы помыть посуду.

– Ребёнка должна родить первая в своём поколении, а мне

и двадцати не было, – совесть во мне таки не атрофировалась окончательно, понукая встать плечом к плечу и вытирать мокрые тарелки. – Время позволяло подождать, вот они особо и не борзели. А потом...

– Что потом?

– Потом я предприняла определенные меры. И само по себе рождение ребенка стало для меня невозможным.

Наступившая тишина показалась оглушительной. Даже шум воды, продолжающей литься из крана, её не нарушал.

– Ты осознанно лишила себя возможности родить?

Полотенце я не скомкала и кинула, а аккуратно расправила, тщательно устранив все складочки, повесила на спинку стула и только после этого посмотрела на Алексея.

– Представь, что у тебя когда-нибудь может родиться ребёнок. Не Юра, нет, просто гипотетическое дитя. И с первого дня жизни его будут пытаться забрать, чтобы потом убить. Не из ненависти, а просто потому, что так нужно. Меньшее из зол, так сказать. И у тебя никогда не будет уверенности, что они отступят, ни через неделю, ни через год, ни через десять лет. И что, на поводке будешь с собой таскать? И чем его жизнь будет лучше собачьей? – Пока говорила, воздух как будто сгушался, да ещё и тонкий аромат паленого... Но проверять, что забыли на плите, не стала, захотелось высказаться по полной программе. Да, оборотни к детям и возможности их иметь относятся, как к дару, и даже зная это, его вопрос, заданный с легкими осуждающими нотками, со-

рвал крышу.

– Я бы нашел способ защитить своего ребёнка.

– Я уже заметила, какие способы ты выбираешь, чтобы защитить Юру. Так вот, а я не уверена, что смогла бы. Потому что ты понятия не имеешь, на что способна полностью инициированная ведьма. Всё это дерьмо с выяснением, за сколько минут у меня получится человека убить, детский лепет по сравнению с их способностями. Потому что там не про минуты, а про секунды речь. И не про одного человека, а нескольких одновременно!

Даже чувствуя, что уже не кричу, а ору, никак не могла остановиться. Желание выговориться, кинуть в лицо наблевшее было слишком сильным. Допрыгалась, ёлы-палы...

– Аля. Альбина! – Он тоже повысил голос, отчего и вообще захотелось перейти на ультразвук, но потом поняла, что смотрит мне не в глаза, а на руки.

Стоило перевести взгляд следом, как стало ясно, что обонятельные галлюцинации меня не посетили. Полотенце, с которого я так и не убрала руки, не просто дымилось, но уже и заметно обуглилось, прожженное ладонями.

Так, срочно думаем о чем-то позитивном.

Цветочки цветут, птички поют, бабочки порхают...

То ли сказывалось состояние магической нестабильности, то ли общее бешенство, картинка привиделась несколько постапокалиптическая, самой невинной частью которой были раздавленные сапогом мотыльки. А вокруг ромашки, ро-

машки. Плотоядные.

– Вот так, расслабься, чего ты завелась?

Даже не сразу дошло, что прикосновение к рукам не чудится. А когда поняла, попыталась их отдернуть. Не дал.

– Обожжешься.

Он продолжал молча гладить мои кисти, поднимаясь по внутренней стороне предплечий к локтю и так же не спеша возвращался назад. И только по выступившей на висках испарине было заметно, что такая размеренность и неторопливость дается ой, как нелегко. От понимания, что ему больно, обида и неконтролируемая злость отступила, забрав с собой и огонь, раскаливший кожу.

– Все нормально? – Леша все ещё не убирал ладони, хотя я чувствовала – ещё чуть-чуть, и они покрылись бы волдырями.

– Да, – за вспышку ярости стало мучительно стыдно. Как и за его ожоги. – Дай руки гляну. Чего ты головой мотаешь, их нужно обработать.

– Само пройдет. И не бери в голову, всё равно полотенце было уродское, – несмотря на самую ситуацию, в голосе была улыбка.

Присмотревшись, мысленно согласилась – уродское. Даже не знаю, где такое взяла. Не иначе как кто-то из бывших свекровей подарил.

Наверное, меня накрыл отходняк, потому что стало отчего-то смешно. Сначала хмыкнула, потом громче, пока мы

оба не оказались сидящими на полу и хохочущими едва ли не до слез.

После недолгих препирательств намазать руки пенкой от ожогов он позволил. И даже бровью не повел, когда я сама морщилась, касаясь воспаленной кожи.

– Надо было меня просто вырубить. Быстрее и безопаснее.

– Не факт. – Я вопросительно приподняла брови, и Леша пояснил. – Про безопасность. Ты же потом в себя бы пришла, так что утверждение спорное.

Смех смехом, но ситуация тревожная. И этот срыв, хоть и немного приглушил силу, кипящую внутри, только ещё больше насторожил.

– Я мог бы предложить тебе на время уехать отсюда.

– Мне и постоянный переезд не поможет. Сам понимаешь, – бинтовать не стала, регенерация у него должна быть хорошей, а повязка будет только мешать, – они – родственники по крови, при желании найти меня можно за несколько часов. Если только не эмигрирую куда-нибудь в Антарктиду.

– А почему там не найдут? Слишком далеко?

– Слишком холодно, я не доживу до обнаружения. Так что решение излишне кардинальное.

Сунула на место аптечку и села рядом с Лешей. Похоже, ему было вполне комфортно в углу возле холодильника, к тому же полы у меня довольно теплые, не замерзнем.

– Это необратимо?

Даже уточнять не стала:

– Да. Это был единственный способ, который пришел в голову, как гарантированно надежный.

Сейчас я уже не была так уверена в этом шаге. Но тогда другого выхода не видела.

Неизвестно, до чего бы мы договорились, но тут прозвонел звонок. Хороший такой, громкий, у меня аж в ушах зазвенело. Только это был не мой телефон. И не Лешин, его рингтон тоже слышала. Да доносился откуда-то из прихожей.

– Да, забыл сказать, я тебе на ворота домофон поставил. И вышел.

А я так и осталась сидеть на кухне с открытым ртом, все равно сразу не придумала, что сказать, разрываясь между благодарностью и вопросом, какого хрена он распоряжается в моем доме. Вроде, и спасибо за то же видеонаблюдение, теперь ещё и это, но неплохо бы согласовывать свои действия с хозяйкой территории.

Невнятные голоса с улицы постепенно стали ближе, и я поняла, что напрочь забыла про Антона. Точно, он же обещал отчитаться вечером, только думала, это будет по телефону, а не при личной встрече.

Пока мужчины не показались на кухне, рывком распахнула окно и попыталась хотя бы руками выгнать запах пожара. Не скажу, что удалось, зато заняла руки и голову.

– Привет, – Антон подозрительно принюхался, потом глянул на меня, на Воропаева... – У вас тут ролевые игры, что ли? Пожарный и погорелица?

– И тебе доброй ночи, – обниматься я не полезла, не думаю, что Леше будет приятно за этим наблюдать. – Нашел чего-нибудь?

– Злая ты и негостеприимная. А где предложение кофе?

– Кофе на ночь вредно, – но чайник на плиту бухнула. – Антош, мы правда устали зверски, можно тезисно?

– Ладно, пользуйтесь моей добротой, – он вольготно уселся за столом. – Ничего такого, чтобы прямо насторожиться, не узнал. Но какое-то подозрительное движение наблюдается. Съехалось человек пятнадцать, сейчас они в загородном доме под Макеевкой.

Ага, там наше родовое гнездо, так что пока очень даже закономерно.

– А на уровне слухов? – Алексей усаживаться не стал, встал за спиной. И хотя сжимать меня руками не стал, место обозначил четко. Волк, что с него взять.

– Это они и есть. А если тебе надо на уровне сплетен, то слушайте – Аль, у них там какая-то фигня с твоей племянницей. Двоюродной.

Я попыталась вспомнить всех племянниц, но сбилась на третьей.

– Которой именно, и какая беда?

– А хрен его знает, имя не сказали. Суть в том, что девахе около пятнадцати, но обществу её никто не представляет. Я так понял, что это что-то не то.

Не то. В таком возрасте она уже должна была достигнуть

половой зрелости, а значит, научиться пользоваться силой. Как только это происходит, девушку вводят в круг ведьм. И если этого не случилось, значит, что-то пошло совсем не так. Или она так и не смогла взять под контроль силу, или родилась человеком. Второе крайне сомнительно, у нас в роду последний чистокровный человек отметился века три назад. Ну, это не считая моих выходок. Да и моя упертость в нежелании влиться обратно в лоно семьи так быстро не сказалась бы. А там кто знает...

– А теперь второе – я нашел того вампа, который Юрию машину травмировал.

– И где он? – Леша не двинулся, но у меня аж волосы на затылке дыбом встали от близкого ощущения подобравшегося всем телом зверя.

– Извини, я обещал его не выдавать, – Антон упрямо мотнул головой, а потом задумался. – Но могу ему по шее дать из чувства солидарности, хочешь?

– Твои обещания – это твои проблемы, он моего сына тронул.

Я даже на руки свои глянула, а ну как снова возгорание устрою? Но они были самыми что ни на есть обычными, но вот скрестившиеся взгляды мужчин снижению напряженности не способствовали.

– Так, если вы сейчас драться будете, идите на улицу. Тут и места мало, и нечего мне кухню громить.

Отвечать никто не стал, но Антон, уже напружинивший-

ся, чтобы встать, расслабился, а Алексей и вовсе отвернулся. Спина продолжала выражать глубокое негодование.

– Чего он на Юру вообще бздить начал? – Я поставила перед бывшим мужем чашку, в которую, подумав, плеснула успокоительное. Работа у него нервная, точно не помешает.

– Лично ничего против не имеет, – попробовав чай, скривился, но отодвигать не стал. – Его попросили припугнуть, он и сделал.

– Безвозмездно? – Воропаев тихо, но многозначительно хрустнул пальцами, сжимая их в кулак. Мне даже глаза захотелось закатить. Захотелось, но не сделала, потому что и сама на придурочного вампира была зла.

– Не, таких идиотов даже среди нашей молодежи не встречается. Бабка твоя и попросила. Не сама, конечно, а через дочку. Тетку Тамару помнишь? – Ага, помню, редкая гадина. – Вот она с ним и общалась. Дала ассигнования, сказала, где найти, что сделать. Он парочку своих друзей подключил, соврал, что мажор к его девице клинья подбивает, надо объяснить, насколько глубоко тот не прав. Вот и объяснили.

– А на кладбище он что делал?

– На каком? – Антон, пополоскав в отваре губы, все-таки отодвинул чашку. Зато ухватил сушку, мигом припорошив воротничок светлой рубашки осыпавшимся маком.

– На том самом. Северном. Я же к тебе ещё приезжала, спрашивала об этом.

– Честно говоря, этот момент как-то из головы вылетел.

Ща проясним, – прекратив терзать сушку, Антон вытащил мобильник и вышел в коридор. Затея дохлая, Леша его все равно услышит, а потом и мне расскажет, но мешать мы ему не стали.

– Что думаешь? – Стоило вампиру покинуть кухню, как мне на плечи легли теплые руки. Аж умиляет такая добропорядочность, на людях интим ни-ни, даже если это не совсем человек, к тому же бывший муж. И такая архаичная сдержанность начинала нравиться.

– О чем именно? – Я тоже сделала шаг назад, прижимаясь к твердому телу. – Нападение изначально странно выглядело, так что вполне возможно. Сейчас с кладбищем момент проясним, тогда и будем решать, верить или нет. А если про мою родню... Что-то не так. Не знаю, что именно, но у меня на сердце неспокойно.

– Из-за этой девочки?

– И из-за неё тоже. Что-то затевается, понять бы теперь, что конкретно.

Быстро поцеловав меня в лоб, Алексей убрал руки и чуть отступил. Ага, значит, Антон на подходе.

И точно – через пару секунд тот показался в дверях:

– Говорит, ему сказали, что последний раз видели цель на кладбище, вот он и пошел глянуть, чем оно так заинтересовало этого Юру. После того, как машину покоцали, паренек получил вторую часть денег и больше про это дело и не вспоминал.

Тогда все сходится, хотя, как по мне, выглядит это несколько притянутым за уши. Но чего только в жизни не бывает, может, и правда.

– Передай этому придурку, чтобы не попадался мне на глаза, – Воропаев тяжело вздохнул, признавая, что пытаться воспитать лично не станет.

– Передам. Но он и сам это понимает, так что вряд ли встретитесь. Пацан хоть и дурной, но не тупой. Кстати, ты с Ниной Алексеевной давно виделась?

Я отвлеклась от созерцания колышущейся под потоком сквозняка шторы:

– В смысле?

– Говорю, с матерью давно общались? Просто её уже несколько дней никто не видел.

Сердце на мгновение замерло, а потом застучало с удвоенной скоростью.

– Несколько дней это сколько?

– На работе в последний раз была в понедельник, потом резко куда-то пропала. Медсестрички болтают, что раньше такого не бывало, она и на больничном за все годы была три раза, а чтобы так исчезать, так и вовсе никогда.

– Ладно, спасибо за информацию, попробую узнать, что там.

– Вот и хорошо. Как говорится, спасибо вашему дому, а мне пора. Алексей, не проводишь?

Не знаю, о чем там наедине хотел поговорить Антон, я

только кивнула, судорожно пытаясь представить, куда могла пропасть мать. По роду деятельности они никогда не отключала телефон, но именно это ответил механический голос, когда набрала её номер. Попробовала через пару минут, и снова с тем же результатом. Даже не полюбопытствовала, о чем мужики общались, когда Воропаев вернулся.

– Что тебя так беспокоит? – Леша немного понаблюдал за тем, как я мотаюсь из угла в угол, а потом перехватил и усадил себе на колени.

– То, что она не на связи. Такого раньше никогда не бывало.

– У вас не особо близкие отношения, может, ты чего-то не знаешь. В отпуск уехала, например.

– Прямо во время сбора семьи? Нет, вряд ли. И отключать телефон просто так не станет. Она же акушер-гинеколог, в любую минуту пациентка может позвонить. Так что мама на связи и днем, и ночью.

– Вы же не ладите, с чего так переживаешь?

– Ладим или нет, а я её дочь, – снова набрала номер – глухо.

– Хочешь, своим архаровцам задание дам, чтобы узнали?

– Дай. Если не трудно, прямо сейчас, – нервозность перерастала в смутную, но уверенность. Дай Бог, чтобы мать оказалась банально вне зоны покрытия сети, потому что альтернативный вариант мне категорически не по душе.

Потому не прислушивалась, как он звонит кому-то из под-

чиненных, занятая тем, что выковыривала из потайного кармана сумки сим-карту. Активировала я её ещё лет пять назад и теперь только следила, чтобы она не стала недействительной. Потому и звонила раз в несколько месяцев на собственный телефон. Но есть ещё кое-кто, знающий этот номер. И именно для связи с этим человеком она и покупалась.

Пока снимала крышку мобильного, чуть не сломала пару ногтей, так торопилась. Ввела код, набрала номер... Долгие гудки сменились тишиной, в которой прозвучал такой знакомый и такой ненавистный голос:

– Хорошо, что позвонила, Альбина. Приезжай в субботу к обеду, мы будем тебя ждать.

Я аккуратно нажала «отбой» и даже не шваркнула телефон об стену. Уже большое достижение, учитывая хаотически мечущиеся мысли.

– Что случилось? – Он забрал из рук сотовый и теперь пытливо заглядывал в глаза. – Ты говорила с матерью?

– Нет. Но говорила с тем, кто знает, что с моей матерью. Деловито оглянулась, соображая, что брать с собой. Ждать больше суток я не собиралась.

– Ты можешь сказать, что происходит? Кто это был? – Алексей придержал меня, не давая продолжать броуновское движение.

– Это была моя бабка. Та самая, которая глава клана. И у неё моя мама. Та, которая станет главой после неё, – попыталась освободиться, но он сжал крепче, почти до боли.

– Если твоя мать станет главой клана...

– Ага, я у неё старшая дочь. Но не первая. Теперь понял, кто все рассказал и почему? – Не оглядываясь на Лешу, продолжила копаться в сумке. Заодно думала, как пробраться в дом, не вызвав переполоха. – Нужно ехать сейчас, в субботу может быть уже поздно.

Вот никогда бы не поверила, что он может быть настолько не джентльменом, но Воропаев таки воспользовался моим предложением. А именно – резко обхватил сзади и как-то так сжал, что и сделать-то ничего не успела, позорно вырубившись.

Глава 18

«– Сеня, друг, не дай Бог, конечно. Шо ты мне истерику мастеришь? Посмотри вокруг и трезво содрогнись. Ты уже наговорил на вышку. Теперь тяни на пролетарское снисхождение суда. Мудрое, но несговорчивое»

к/ф «Ликвидация», 2007г.

Эротической фантазии престарелой нимфоманки не суждено было сбыться – пришла в себя я не связанная. Зато удобно уложенная на собственной же кровати. Рядом, буквально на расстоянии вытянутой руки, в кресле сидел Воропаев. Давно сидел, судя по усталому виду и тому, что проекционные часы показывали половину третьего. Надеюсь, что

утра.

– Перед тем, как начать орать, выслушай. Пожалуйста.

Орать не планировала, потому что сейчас особо остро поняла, как могла влипнуть. Но говорить это не стала, пусть мужик покается, и ему полезно, и я пока с мыслями соберусь. Потому великодушно кивнула, пытаясь сообразить, как он меня вырубил. По голове не бил, спасибо уже и за это. Сонную артерию, что ли, пережал? Так меня отключило за считанные секунды, вряд ли...

– Извини, что пришлось так сделать, но идти туда нельзя. Скорее всего, на это и был расчет.

– Если бы заманивали, позвонили бы сами, – все-таки не утерпела и влезла. И даже подняться попыталась, но голову немного повело, пришлось откинуться обратно на подушки.

– Факт, – Алексей перестал изображать казанскую сироту и устроился рядом. И даже осторожно закинул руку мне за плечи. То ли желая поддержать, если совсем худо станет, то из опасений проявлять более явные невербальные признаки внимания. – Почти уверен, что позвонили бы. И было бы это посреди ночи.

– Почему?

– Простейшая психология – во сне человек острее ощущает незащищенность, а резко возбужденный может совершить действия, которых в бодрствующем состоянии поостерегся бы. А может, и вовсе не стали бы звонить, и ждал бы тебя в субботу сюрприз.

Как ни прискорбно, но он прав. Я действительно могла все испортить, если бы сорвалась прямо сейчас. Но беспокойство за мать грызло, несмотря на понимание ситуации.

– Что предлагаешь?

– Дождаться утра и сделать так, чтобы у меня оказались развязаны руки. Ты перепишешь заявление, укажешь, что напал кто-то, похожий на мать. Тогда я смогу начать официально её искать для снятия показаний.

– Они будут нас ждать, – это я понимала, как никогда четко. И вчерашний визит Леши к бабке нам совсем не на руку. Эх, знать бы, где упасть...

– Они будут ждать меня, – последнее слово он особо подчеркнул. – Но не группу захвата.

У меня даже голова болеть перестала от удивления:

– Какую ещё группу захвата?!

Алексей глубоко вздохнул, но вслух на бестолковость сетовать не стал. В конце концов, сам меня вырубил, пусть теперь не жалуется на слабую мозговую деятельность:

– Ты сейчас пишешь заявление, из которого следует, что напали на тебя во время служебного задания. – Ага, помнится, как раз тот отчет для Потапыча только-только закончила, а что, тоже задание и очень даже служебное. По своей воле я эту муть в законный выходной сроду писать бы не стала. – Подробненько перечисляешь приметы своей матери. Пальцем на неё указывать не надо, но и дураку должно стать понятно, что это она.

– А дурак будет читать это заявление?

– Если все пройдет гладко, то не будет. А если нет, то лучше подстраховаться. Не хочу, чтобы ребят, которые будут нам помогать, потом затаскали.

Резонно. И довольно предусмотрительно.

– Так понимаю, что мы всем колхозом отправимся выручать мою мать?

– Я бы предпочел, чтобы ты пока пересидела в безопасном месте, но это вряд ли возможно. Поэтому – да.

– Ты ведь уже все продумал в деталях? – Он коротко кивнул. – И начал выполнять? – Снова кивок. – Иногда ты меня так бесишь... Что ещё я должна знать?

– С нами пойдет Васильев.

Прикинула, на кой черт может сдаться Антон, и высказала единственное более-менее выдерживающее критику предположение:

– В качестве раздражающего фактора?

– И это тоже. Что-то, а выводить из себя умеет, – Леша на секунду сморщил нос. – А ещё он будет представителем от своего вида. И, если понадобится, сможет свидетельствовать в нашу пользу.

Были у меня на этот счёт сомнения, мы же с ним бывшие супруги, это не утаишь, так что вряд ли его сочтут достойным доверия свидетелем... Но в вопросах права паранормалов я немного плаваю, так что предпочла положиться на Воропаева. Да и козырь в рукаве у Антона есть, вот толь-

ко пользоваться им ой, как не хочется. Потому что по своим тоже срикошетит.

Судя по собранному и спокойному лицу, Алексей, предполагая некоторые трудности, тем не менее, не считал это предприятие безнадежным. Чем хоть как-то успокаивал. Потому что у меня не получалось предсказать действия родни. С одной стороны, не совсем же они отмороженные, чтобы причинить мама вред. С другой – та же бабка Марьяна двинутая на всю кукушечку.

Надеюсь, никто не успел докопаться до правды по поводу моего фертильного здоровья. Потому что операцию сделала мать. Случилось это после долгих уговоров с моей стороны и её сомнений. Помнится, тогда едва ли не первый раз за всю жизнь крепко разругались. Она уговаривала не спешить, но, вместе с тем, признавала, что это выход. И, в конце концов, не смогла остаться в стороне, доверив здоровье дочери кому-то другому.

Мы никогда не были особо близки. Даже в глубоком детстве помню ощущение отчужденности, постоянно исходящее от мамы. Она скрупулезно исполняла родительские обязанности, но душевного тепла никогда не выказывала. Отца я не помню, это был династический брак, она наследница одного сильного клана, он – ведьмак из другого, чуть менее сильного, зато многочисленного. Их свели, как домашних животных, ради улучшения породы. Надеюсь, она всё-таки испытывала к отцу хоть какие-то чувства.

Не знаю, страх ли, что могу повторю судьбу сестры, психологическая ли травма сделали мать такой холодной, но факт остается фактом. Её трагедия была двойной – мало того, что лишилась первой дочери, принесенной в жертву, так ещё и следующий ребенок родился старшим в своем поколении. Уже взрослой я узнала, как страшно ей было забеременеть повторно. Как она ждала больше года, проклиная семью и свой дар. А потом всё-таки решилась. Но теперь мама была осмотрительнее, выждав, пока не забеременеет кто-то из двоюродных сестер. Дождалась. Их было сразу две, что, учитывая плодовитость ведьм, не так уж удивительно. Вот только одна погибла, не успев родить, а вторая стала матерью мальчика. Явная ирония, если учесть, что за всю историю нашего рода ведьмаков можно пересчитать по пальцам одной руки. Как, впрочем, и в других сильных кланах – чем могущественнее род, тем чаще рождаются девочки

Вот так я и оказалась претенденткой на то, чтобы стать следующей главой рода. А мама вынести этого не смогла. Хотя предупредила не сразу – выходя замуж за Антона, я была в счастливом неведении по поводу ведьминских перспектив. И уже после первого развода, когда бабка начала настойчиво сватать ведьмаков и магов подходящего воспитания и уровня дара, узнала, что к чему.

– О чем бы ты ни думала с таким видом, помни – я постараюсь свести риск к минимуму, но нам всё равно нужно быть осторожными, – он взлохматил мне волосы и крепче прижал

груди.

– Я поняла. Спасибо. Скажи честно, зачем ты это делаешь? – Не то, чтобы мне приспичило выслушать признание в любви, но прояснить ситуацию следовало бы. И желательно прямо сейчас.

Алексей убрал руки и сел на кровати так, что я видела только его спину.

– Ты... дорога мне.

И тишина.

Офигенно развернутая причина, но, чую, ничего более полного мне не грозит. Поэтому пришлось подтолкнуть в нужном направлении, иначе меня любопытство сгрызет:

– Хочешь сказать, что пронес светлое чувство через полтора десятка лет?

– А это тут при чем? – Облом, значит, дело не в том неизгладимом впечатлении, которое я произвела на суде. И от этого даже на душе приятнее. – Когда у Юры зашла речь о кураторе, конечно, вспомнил тебя, но не мгновенно. Ты тогда была не такая. Моложе, наглее. – Вот тут я прямо растерялась – вроде, и комплимент сказал, но и про возраст упомянул. Хотя, таки да – тридцать семь это далеко не двадцать пять. – Сейчас ты другая. Мягче, мудрее.

Ну, и ладно, все равно приятно.

– Спасибо. Ты мне тоже дорог.

Воропаев, поняв, что попытка вопросами на эту тему закончилась, облегченно вздохнул, хотя и постарался сделать это

максимально незаметно. Нет, вот что за народ – как по работе, так соловьём заливаётся, даже если уже давно всё поняла, а как дело касается испытываемых чувств, так сразу косязычие нападает. Но менее волнительно от этого не становится.

Мы немного помолчали, думая каждый о своём, а потом Алесей добавил:

– Тебе бы поспать, завтра понадобятся и внимание, и концентрация.

Мы улеглись под одеялом, тесно обнявшись и несколько минут усиленно симулировали отход ко сну. А потом я не выдержала:

– Как думаешь, что с ней?

– С ней всё в порядке, – в его голосе тоже не было ни грамма дрёмы, хотя легкая ломкая хрипотца намекала на сильную усталость. – Твоя мать сейчас приманка, и трогать её до того, как попадешь в их руки, большая глупость. А бабка не показалась мне душой. Прожженной, хитрой, властной – да, но никак не глупой. К тому же исчезновение наследницы главы клана незамеченным не пройдет. Ты сама говорила, кровная родня запросто найдет ведьму, как бы далеко та не находилась. Да и любые жесткие действия надо обосновать. Не думаю, что кто-то хочет обнародования некоторых фактов из истории клана.

Я и сама об этом думала, но изложенные в такой последовательности и таким уверенным голосом, доводы касались

намного внушительнее. Поэтому молча чмокнула Лешу куда попала и быстро задремала.

Не знаю, в котором часу меня разбудили, знаю только, что рано – за окном уже рассвело, но край солнца только-только показался над садом, все ещё холодноватый и излишне румяный со сна.

Теперь про домофон вспомнила практически сразу, как услышала звонок, приглушенный несколькими закрытыми дверьми. И хотя вставать очень не хотелось, Алексея стало жалко – я вчера хоть в отключке немного отдохнула, а он, получается, и проспал-то часа три. Поэтому осторожно выбралась из-под одеяла, стараясь не шуметь, и, накинув халат, на цыпочках выскочила из спальни.

Похоже, что понадобилась я кому-то прямо совсем срочно, потому что противный звук и не думал стихать. А учитывая последние события, ничего позитивного ждать не приходилось. Но рывкаться на посетителя не стала, стоило только увидеть, кто нарушил наш покой – сразу открыла дверь и метнулась в ванную за оставленными там вчера джинсами.

Успела вовремя, чтобы грохотом визитер не разбудил Алексея, и дверь распахнула, когда он уже занес руку, чтобы постучать.

– Ты чего здесь делаешь? Где Людмила?

Непривычно серьезный и даже немного хмурый Юра молча отодвинул меня, прошел в коридор и только после этого ответил:

– Она в безопасности. Отец ещё не проснулся?

Хотела было притворно возмутиться такими непотребным инсинуациям, потом вспомнила, что передо мной оборотень, у которого обоняние не чета моему. А пропахла я Лешей капитально, тем более что и душ-то принять ещё не успела.

– Нет. Что случилось?

– Это хорошо, – заметив, наконец, мой расхристанный вид, парень потупил глаза. – Будите папу, я пока чайник поставлю. Не хочу два раза пересказывать, лучше обоим сразу. И ещё – где его мобильник?

Вопрос интересный, только ответа на него не знала. И, не уточняя, зачем отроку отцовский телефон, присоединилась к поискам. Были они быстрыми и продуктивными – искомый гаджет скромно лежал на книжной полке прямо возле томика маркиза де Сада. И где я только такую гадость взяла?

Юра, тыцкнув пару раз по кнопкам, удовлетворенно, хотя и не особо радостно кивнул, и убыл на кухню.

Класс, скоро начну в собственном доме чувствовать себя квартиранткой.

Когда зашла в спальню, Леша уже одевался, так что пересказывать разговор с сыном тоже не пришлось, большая его часть тайной не являлась. Так что уже через пару минут мы чинно рядком сидели за столом и вкушали кофий. Вру, пить мы его не пили, не до того было, потому что новости Юра принес нехорошие.

– Откуда ты знаешь? – Алексей размеренно барабанил пальцами по столу, удивительным образом попадая только по зеленым квадратикам на клеенке, хотя вниз и не смотрел.

– Они приезжали полчаса назад, спросили тебя. Охрана ответила, что дома не ночевал, где находишься – не знают. И как только оперативники уехали, попытались дозвониться, но не смогли. Тогда набрали мне.

Мы разом глянули в сторону уже отключенного телефона. Хорошо, что Леша его в спальню не припер, так он пока потеряшка, а не скрывающийся от родного правосудия преступник.

– А подробности от кого узнал?

– От одноклассника, Севки Морозова.

– Это который сын нашего прокурора?

– Да. Он практику в приемной отца проходит, тот его у себя пристроить хочет. Севка подтвердил, что на тебя вчера поступила жалоба от какой-то шишки по поводу превышения служебных полномочий. Пока написали только на временное отстранение. Искали как раз, чтобы всё это прояснить. Если найдут доказательства, грозит уже уголовное разбирательство.

Последнее мог и не добавлять, это мы оба прекрасно понимали. Как и то, какая «шишка», чтоб ей голым задом исключительно на неструганые сосновые доски садиться, вздумала пожаловаться. Самое обидное, что зерно разума в претензии есть – Алексей действительно несколько превысил

полномочия, явившись в дом уважаемых ведьм только на основании писульки экзальтированной девицы, на которую не то напали, не то ей это во сне привиделось. И если выйдет наружу, что мы любовники – а выйдет обязательно, – картинка получится и вовсе крайне неприглядной.

– Так всё, хватит сидеть с траурными лицами, – Леша резко поднялся, а мы встрепенулись. – Действуем по плану. Если пройдет, как надо, заявление сегодня же и заберут.

– А если не по плану? – Не то, чтобы я не верила в его стратегический гений, но уточнить стоит.

– А если не по плану, то оно станет наименьшей из проблем. Аль, я пока с твоего мобильника поговорю. Ребята начнут подтягиваться через час, можешь потихоньку собираться.

– Я с вами, – Юра аж подпрыгнул на месте.

Поскольку его отец уже вышел из кухни, осадить добра молодца предстояло мне:

– И думать забудь. Если идея окажется неудачной, замаяшься так, что всю жизнь не отмоешься. К тому же у тебя беременная невеста на руках, что с ней будет, если с тобой, не дай Бог, что случится, подумал? И потом, ей уже сейчас может стать плохо, забыл, вам расставаться нельзя? Ну и что, что вы экспериментировали, это в спокойной обстановке шесть часов она спокойно выдерживает, а если нервничает, может быть намного меньше.

Но все уговоры, попытки втолковать и откровенный шан-

таж не помогли, это я поняла, когда от отведенного времени осталось полчаса, а Леша заглянул на кухню в попытках понять, с чего такой шум.

– Что у вас?

Я к тому моменту уже немного осипла, поэтому только отмахнулась:

– Сам спроси, пошла переоденусь.

Видимо, и у него не получилось, потому что, когда, собранная внешне и внутренне, вернулась на кухню, оба Воропаевы спокойно и даже, не побоюсь этого слова, умиротворенно уминали яичницу. Плохая из меня хозяйка, если гостям пришлось самим завтрак соображать, но уж какая есть. И, судя по гордо выпрямленной спине, Юра таки убедил отца в необходимости своего участия в предстоящей авантюре. Осталось только мысленно махнуть рукой, всё равно достучаться не выйдет, так чего нервы трепать? Разве что придется быть ещё более осмотрительной и не дать покалечить юного балбеса.

– Садись, мы и тебе оставили.

Я поблагодарила, но отказалась – от волнения и дурных предчувствий кусок в горло не лез.

Настаивать никто не стал, к тому же первая пташка прибыла даже раньше запланированного – Антон в кои-то веки приехал без опоздания, ему моя часть завтрака и досталась.

Мужики уже втроем начали о чём-то вполголоса шушукаться прямо за обеденным столом, а я, пользуясь свободной

минуткой, подкралась и выдрала у Юры пару волосинок. Беседа тут же стихла, меня проводили недоуменными взглядами, один из которых отдавал ещё и обидой, а потом возобновилась вновь. Ну да, что ж с ведьмы возьмешь, вот такие мы.

Биологическим материалом Алексея удалось разжиться вчера вечером, не пришлось хоть позориться, прореживая ещё и его шевелюру.

В ванной всё было готово, крохотную жаровню поставила прямо в раковину, чтобы не устроить пожар. Растерла в ладонях пару капель ароматического масла, им же сбрызнула тонкие прутики семи трав. Сверху бросила пару седых волосков. Робкий язычок пламени лизнул былинки, а во мне раздувалось другое пламя. Подхваченное освобожденной магией сознание мигом очутилось на кухне, но не для того, чтобы подслушать. Невидимыми руками пряла из нитей силы кокон вокруг Алексея. Его аура и так была сильна, отливала ярким зеленым с вкраплениями синевы и пурпура, но мне этого показалось мало. Один за другим набрасывала тончайшие слои защиты на биополе, особенно стараясь сделать непроницаемый щит вокруг головы и сердца. Более-менее удовлетворенная получившимся, резко рухнула обратно в собственное тело. Чтобы, отдышавшись, повторила то же самое с Юрой. Здесь было немного сложнее – он на интуитивном уровне слегка опасался меня, поэтому пришлось быть особо осторожной и внимательной, набрасывая защитные паутинки. Тем не менее, справилась за рекордно корот-

кое время. Меня даже хватиться не успели. Да и сама ворожба не отразилась на самочувствии – наоборот, тело приятно гудело, сбросив излишки энергии.

Алексей встретил чуть подозрительным взглядом, но ничего преступного не рассмотрел, поэтому расслабился и даже ободряюще кивнул. А я улыбнулась, глядя, как трое мужчин, ещё недавно не испытывающих особого доверия друг к другу, склонив головы, о чем-то упорно спорили, возражали и пытались прийти к единому мнению.

Жаль только, что повод для этого нехороший.

– Пора.

Время пролетело совсем незаметно, и вот Антон уже вышел встречать микроавтобус с той самой группой поддержки, которую вызвал Леша. Юра выскочил на веранду с телефоном в руках, а его отец, крепко обняв меня, немного помолчал, а потом все-таки спросил:

– Что ты делала несколько минут назад? – Я попыталась принять максимально непонимающий и невинный вид, но он не поверил. – Тебя рядом не было, при этом могу зуб дать, что ты стояла за спиной. Колдовала?

– Ворожила. Хотя и не практиковала много лет, но тоже кое-что умею. Во всяком случае, несколько секунд, чтобы пробить защиту, точно уйдет, за это время можно успеть нейтрализовать ведьму.

– И как это сделать?

– Хороший удар по голове ещё никто отводить не научил-

ся.

– Запомню. Спасибо, – он мягко коснулся губами моего лба. – Ты и Юру для этого ощипала?

Подумайте только, пару шерстинок выдрала, а шуму-то шуму...

– Да. Ну что, поехали, помолясь?

Вот уж, действительно, как припрет, так и молитвы вспомнишь.

Глава 19

«Зачем тебе пистолет? Дави их интеллектом!»
к/ф «Догма», 1999г.

Отправились на трёх машинах, меня засунули на заднее сиденье, зажав между Антоном и улыбчивым оборотнем по имени Петр. Антоша не то умело притворялся, не в самом деле мирно продремал всю дорогу, уронив голову себе на грудь и едва ли не пуская слюни. Совсем умаяли мужика шальные бабы, вон и засос на шее аж фиолетовым отливает. А вот Петя всю дорогу молчал, продолжая легонько улыбаться, поэтому уже через полчаса нервы у меня были на пределе. Это ненормально, когда существо так радуется, что едет на разборки. Маньяк он, что ли?

Спросить напрямую поостереглась, и остаток пути ехала, как на иголках. Хорошо хоть того остатка было пара десят-

ков километров.

Макеевка в конце девятнадцатого века была крепким селом на сотню дворов и барским имением на окраине. Дом тонул в вишневых и яблоневых садах, окруженный не только красотами природы, но и почти благоговейным страхом. Крестьяне господ опасались, и не напрасно. Народ темный, но прозорливый, они, как лисы, чувствовали исходящую от помещиков опасность. Даже во время революции не тронули – пришли с факелами, постояли возле ограды, попереглядывались, а потом плюнули и пошли обмывать гипотетическую победу над врагом. Мои предки дураками не были, и тут же вместо мелкоместного дворянства приписали себе самое, что ни на есть пролетарское происхождение. Как это удалось, не знаю, но в родне, как ныне живущей, так и уже преставившейся, не сомневаюсь. Точно так же не знаю, каким образом удалось сохранить не только дом, но и территорию в несколько гектаров. Талант, не иначе.

Сейчас Макеевка несколько захирела, совхоз медленно умирал уже третий десяток лет, молодежь, не желающая тратить лучшие годы жизни на то, чтобы пасти гусей на заливных лугах и крутить хвосты коровам, бойко мигрировала в областной центр. Теперь от былых благ в селе остались только клуб со слегка облупившейся штукатуркой, мемориал памяти павшим воинам, на котором вечный огонь зажигали ровно раз в год, и пара халуп, выдаваемых за магазины. Вот к ним народная тропа не зарастала никогда, насколько

ко знаю, там из-под прилавка приторговывали местным аналогом благородных напитков. Первач был качества весьма неплохого, сама не пробовала, однако местные мужики отзывались в исключительно лестных выражениях. Отравиться им никто ни разу не сподобился, а на отсутствие акциза алкаши плевать хотели.

Пока я мысленно предавалась экскурсу в прошлое, с переднего сиденья перегнулся Юра:

– А ведь я раскрыл дело. То самое, которое с попыткой ограбления ювелирного.

Голова у меня в последнее время была забита стольким, что не сразу поняла, о чем он говорит, а потом всё-таки припомнила:

– А, это где глаза отводили... И кто злодеюка?

– Помните, я про камеры на здании банка говорил? Так вот, на них есть запись, на которой один из охранников с девушкой. Он об этом упоминал, говорил, его в тот день невеста на работе навещала. Они там обнимались ещё. А через полчаса после этого она появилась снова, он как раз курил у входа, но на неё вообще не среагировал, как будто не увидел, что она прямо перед ним прошла. Вот мне это и показалось подозрительным. Нашел эту девушку, она оказалась ведьмой, уже во всем созналась.

– Ну, умница, что сказать, – видя его светящиеся радостью и энтузиазмом глаза, не смогла не улыбнуться. – Готовься, что на остаток практики тебя Потапыч нашими «висяками»

завалит, вдруг тоже чего углядишь.

– Мы с ним уже говорили, решили, что пока не получу диплом, буду работать на полставки. А потом уже выйду на полную занятость. Мне теперь семью содержать, по любому работу искать надо.

Алексей, сосредоточенно крутивший руль, на это ничего не сказал, но в зеркало заднего вида я заметила легкую улыбку, которую он тут же подавил. Вот что за черствое создание, а? У ребенка первый профессиональный успех, трудно похвалить, что ли? Тем более что Юра смотрел куда угодно, но не на отца. Но с каждой секундой тишины его радость понемногу улетучивалась.

То ли услышал мои мысли, то ли до самого дошло, но Леша, уже притормаживая перед массивными коваными воротами, все-таки среагировал:

– Молодец, горжусь тобой.

У меня аж от сердца отлегло. Зато привалило на плечо – окончательно уснувший Антон попытался улечься удобнее, воспользовавшись подручным материалом. То есть, мной. За что и поплатился.

– Ты чего дерешься?! – Он схватился на нос, которому достался щелчок, но потом, зевнув до хруста в челюсти, оттаял. – Мы уже приехали, что ли?

– Спал бы дольше, – Леша повернулся к нам. – Мы ходим на разведку, сидите в машине и никуда не выходите.

На что не люблю, когда так бескомпромиссно отдают при-

казы, но тут поддалась командному тону, поэтому только и успела, что кивнуть.

Алексей с Юрой, прихватив улыбочивого Петю, скрылись за кустами, оставив нас на растерзание страхам и нервозности.

– Чего там разведывать, идти надо... – Хотя идти тоже не хотелось, но бездействие только усугубляло душевные терзания.

– Тебе сказали сидеть, вот и сиди, что за манера – лишь бы наперекор? – Антон дурашливо улыбнулся, но глаза оставались серьезными. – Аль, хватит ерзать, Воропаев мужик серьезный и далеко не дурак. А тут ещё и личный интерес. Уделаает твоих милых родственниц так, что любо-дорого.

– Да я не столько сомневаюсь в нём, сколько переживаю. Непокойно мне.

Ощущение надвигающейся беды меньше не становилось. Наоборот, медленно, но верно затягивало.

– Что непокойно, это правильно. Плохо, когда человек ничего не боится и ни за кого не переживает, а беспокоиться за близких это очень даже нормально.

Я с недоумением глянула на Антона. Чего это его на философию потянуло?

– Ты здоров ли? Или совсем бабы заездили, вот-вот о смысле жизни заговоришь, за мемуары сядешь?

Он досадливо отмахнулся:

– Нет в тебе уважения к мужским мыслям! Бесчувствен-

ное ты создание. Скорей бы уже за этого блохастого замуж отдать, хоть вздохну спокойно.

– У него нет блох, – машинально заметила я. – А чего сейчас-то спокойно не дышится? Бюст Афродиты кислород перекрывает?

Судя по тому, как Антон передернул плечами и скривился, дивное видение уже перекочевало из его приемной куда-то в другое место. Главное, что далеко, а то можно и не сдюжить такого объема счастья.

– Не поверишь, я себе зарок дал – пока окончательно не пристрою тебя, сам не женюсь. В очередной раз.

«Окончательно» прозвучало несколько зловеще, всё-таки надеюсь, что он имел в виду семью, а не кладбище.

– Хорошо хоть только меня, если бы речь шла про всех бывших, ты бы больше никогда не женился.

– Только при моей матери такого не говори, она до сих пор считает, что ты меня приворожила, совратила, а потом бессердечно бросила. И теперь я никак не избавлюсь от этого приворота, вот мечусь, горемычный, не в силах обрести семейное счастье.

Хорошая фантазия у достойной женщины.

Несмотря на вялое переругивание, мы оба не сводили глаз с калитки. Кто знает, что там ждет, да ещё и Лешки до сих пор не видно...

Он вынырнул из-за куста так неожиданно, что я вздрогнула. И, наплевав на запрет, выскочила из машины:

– Ну как?

– Всё тихо, – он взял меня за руку, крепко сжимая запястье. – Сейчас неторопливо и спокойно идём в дом. Говорить буду я, постарайся никого не провоцировать и не волноваться сама, договорились?

– Постараться постараюсь, но гарантировать не могу. Где Юра?

И микроавтобус, и машина младшего Воропаева, за руль которой сел кто-то из сопровождения, после въезда в деревню пропали из виду.

– Он с ребятами, проверяют периметр, если понадобится, подстрахуют в качестве грубой силы. Готова?

Я кивнула и, не отпуская его руки, пошла к калитке. Временно покинутый и позабытый Антон молча шел рядом, с любопытством оглядываясь по сторонам. Его в святая святых рода не приглашали даже в бытность моим мужем, пусть хоть теперь душу отведет.

Изгибающая тропинка вывела нас во двор, затененный высоченными елями. Даже сейчас, когда температура поднялась выше тридцати, тут было сумрачно и прохладно. Лохматая рябина прилегла на крышу старой беседки, и так со всех сторон оплетенной ипомеями.

Тишина давила на уши. Странно, ни пения птиц, ни звона сверчков не было слышно. И это напрягало ещё больше.

Чтобы попасть в дом, пришлось обогнуть его, заходить с черного входа не захотелось. Судя по трухлявому дереву сту-

пенек, пользовались им крайне редко, но не только риск сломать ногу, провалившись на пороге, остановил меня. Сама по себе крепкая деревянная дверь никак не вызвала желания себя трогать. Кстати, когда я появлялась здесь последний раз, выглядела она совсем иначе.

Если задний двор производил несколько гнетущее впечатление, то фасад можно помещать на глянцевые страницы. Несмотря на немалые размеры и возраст, дом выглядел игрушечкой. Вылизанные до нестерпимого блеска окна, яркие ставни и веселые занавески... Только стоящие чуть поодаль три машины нарушали общее впечатление, но все равно полное сходство с пряничным домиком. Внутри которого живет злая колдунья.

Она нас встретила прямо на пороге, оказав честь. Не всякому гостю открывает дверь сама глава клана ведьм.

– Что же вы так долго, уже и чай стынет, – Марьяна Никитична окинула нас долгим пристальным взглядом, задержавшись на мне на пару мгновений дольше. На Антона и вовсе только на долю секунды глазами повела. Никаких гримас и выраженного недовольства. Впрочем, я более, чем уверена, о нашем визите ей было известно ещё в тот момент, когда машины только свернули к Макеевке. Как и о засадном батальоне. – Проходите.

Она пошла в дом, не проверяя, следуем ли за ней. И только по тому, как на секунду дрогнули уголки губ Алексея, поняла, что едва слышный шепот: «Сколько же можно всякую

дрянь в дом приводить?»), мне не послышался. Милая старушка.

Хотя как раз старушкой она ничуть не выглядела. Уже немолодая женщина, даже примерный возраст которой я не бралась угадать. На вид лет шестьдесят, никак не больше. Хотя даже по самым приблизительным подсчетам не меньше восьмидесяти.

Ни неопрятных редких кудельков, ни шаркающей походки – бабуля признавала только туфли на каблуках, пусть и невысоких. Благородная седина уложена в короткую элегантную прическу, да и строгое платье демонстрировало удивительно тонкую для её возраста талию. Это вам не покромсанные пластическим хирургом эстрадные бабушки, которые про улыбку забыли, иначе кожа на щеках лопнет. Её возрастная привлекательность была, по большей части, природной. Ещё один бонус ведьм.

В гостиной оказалось неожиданно людно, причем, большую часть этого народа я с трудом узнала в лица, не говоря уже про имена. А вот когда на секунду перешла на другое зрение, отметила невысокую пухлую дамочку в углу. Ну, здравствуй, тетя Тамара. Давненько не виделись. Аж с той ночи, когда я своей кровью ступеньки мыла. Аура тетки казалась тускловатой, но ошибиться тут не могу – именно она была в переулке.

– Ну, проходите к столу.

«Раз уж приперлись» не прозвучало, хотя было очевид-

НЫМ.

– Спасибо за приглашение, польщен, но мы по служебной необходимости, – Алексей был совершенно спокоен, собран и даже немного зануден. Прямо удивил, вот так только и увидишь новые черты в знакомом человеке. – Вы можете сказать, где сейчас находится Журавлева Нина Алексеевна?

– А обязана? – Марьяна Никитична прошла во главу стола, но садиться не стала. Присутствующие хранили все то же ледяное молчание, но это как раз и понятно, у них роли распределены не хуже, чем у нас. Внимание привлекла совсем молодая девушка, сидящая возле прикрытого салфеткой пианино. И тут я её вспомнила – Агата, внучка тетя Тамары. Любимая правнучка Марьяны Никитичны. И, если память мне не изменяет, то как раз она в своем поколении старшая. Сколько ей сейчас? Точно не скажу, но около пятнадцати. Так вот оно как...

– Если вас так больше устраивает, могу вызвать повесткой для дачи показаний. Но решил проявить добрую волю. Не чужие люди. – Я аж чуть слюной не поперхнулась, когда Леша демонстративно поцеловал мой пальцы, а за нашими спинами издевательски хмыкнул Антон.

– Если не ошибаюсь, вы, Алексей Егорович, вообще отстранены от занимаемой должности, так что никуда вызвать не можете. Да и находитесь тут незаконно, – голос был мягок и сладок, как мёд, а вот выражение глаз мне не понравилось. Была в них какая-то безуминка.

– А когда нас это останавливало? Поверьте, недоразумение с доносом разрешится за пару дней. А потом у меня будут все силы и средства, чтобы несколько осложнить вам жизнь. Повторяю ещё раз – где Нина Алексеевна?

От неподвижности ведьминского семейства в составе полтора десятка голов даже у меня холодок по спине пробежал. Как будто в музее восковых фигур, только по дыханию и понимаешь, что они живые. Неужели и сама вот так когда-то сидела, повинувшись во всем бабке?

– Понятия не имею. Будете дом обыскивать?

Идея очень даже здравая, вот только вряд ли получится, перевес сейчас на стороне клана, а затевать кровавые разборки не хочется. Но если только таким образом можно вытащить мать, но придется.

Не дожидаясь ответа, Марьяна Никитична повернулась ко мне:

– Альбина, твой любовник открыто угрожает семье, и что на это скажешь?

– Вы уже давно моя семья только номинально. Так что пусть угрожает на здоровье. Если ему захочется, может и силу применить, всегда было интересно, чего стоит клан без возможности использовать чары.

Бабка на секунду нахмурилась, а потом пристально приоткрыла глаза к Алексею. Лицом она владела хорошо, этого не отнять, но пальцы конвульсивно сжались, выдавая крайнюю степень раздражения. Да, дорогая моя, с одного удара защи-

ту не пробьешь, и я практически уверена – разжиться частицей моего волка у неё не получилось. Значит, и атака будет не адресной, а волновой. А уж эту смогу сдержать, пусть собственной кровью умоюсь, но выдержу. Да и наговор на конкретного человека не такое быстрое дело, его загодя не приговоришь, все самые сильные ведьмы в этой комнате, не хватает только мамы, но она на такое не пойдет.

– Пошли вон.

Я уже открыла рот, чтобы достойно ответить, но в этот момент у Воропаева тихо звякнул мобильник. Он глянул мельком, а потом показал мне сообщение:

«Она у нас, можете уходить» от абонента «Сын».

Фуф, аж от сердца отлегло, значит, не зря танцы с бубном разводили, отвлекая клан. Что-то у меня подозрение, что новая дверь стояла неспроста – в коридорчике сразу за ней вход в подвал. Если опоить маму тем отваром, который я глотала, обычной веревки хватит, чтобы обездвигить бессильную ведьму.

– Действительно, загостились мы, – под немного ошарашенным взглядом Марьяны Никитичны я повернулась к Агате. – Деточка, а ты своей силы так и не дождалась? – На её реакцию смотреть на стала, снова сосредоточившись на бабке. – И не дождешься.

Алексей сильно сжал моё запястье, призывая не дурить и не дразнить врага на его территории, пришлось подчиниться, хотя многое хотелось высказать. Не к добру на меня сло-

воохотливость напала.

Прощаться мы не стали, быстро, но без излишней суеты покинув дом.

– А теперь быстрым шагом к машине, – Леша хватку не ослабил, но я была ему за это благодарна – сила снова, как с цепи рвалась, так хотелось разнести к чертовой матери эту избушку. – Как-то слишком просто прошло, не будем гневить Бога и задерживаться.

Тут я была с ним согласна – и медлить не надо, и слишком просто. Прямо вот совсем-совсем просто. От ощущения неправильности даже дыхание сбилось, как будто воздуха не хватало.

В доме столько народа, и никто не попытался остановить произвол. А иначе наше явление клану и не видится.

Я споткнулась, вспомнив, как выглядела родня. Бесстрастные лица, неподвижные тела...

Ощущение надвигающего вала окончательно выбило воздух из груди, но в последний момент успела поставить блок. И почувствовала, как меня буквально сбивает с ног. Хорошо хоть успела вырвать у Алексея свою руку и толкнуть его вперед, разворачиваясь к источнику опасности. Антон и так нас на пару шагов опережал, значит, тоже сейчас за спиной. Не сказать, чтобы там было намного безопаснее, но оказаться сейчас между мной и бабкой это верная смерть. Пусть ни один куст не шелохнулся, зато на ментальном уровне сейчас был не просто шторм. Наверное, так и выглядит эпицентр

урагана. От усилий сдержать волну пришлось стиснуть зубы и опуститься на колени, пальцами впиваясь в землю.

Антон попытался что-то спросить, но я не разобрала слов.

Только в очередной раз пожалела о собственной глупости и самонадеянности. Должна была понимать, что так просто от меня не отстанут, но наивно в это верила. Ещё и других втянула.

Марьяна Никитична атаковала не сама, слишком уж сложен был узор силовых линий. Или это у меня уже цветные круги перед глазами плывут? Старая ведьма не просто подготовила ловушку, а вытянула силу у всего клана. Это безумно тяжело, это аморально и вообще-то противозаконно. То есть, для моей семейки в самый раз.

А ещё они были слишком сильны, и как только опущу щит, нас в буквальном смысле слова размажет по дорожке. Поэтому изо всех сил сосредоточилась, чувствуя теплые ладони, сжавшие мои плечи. Не нужно оглядываться, чтобы понять, что Леша так пытается меня поддержать. Но, умничка, больше ничего не делал, понимая, что тем самым может отвлечь. Только, к сожалению, даже полная концентрации не спасет, я слабее и хорошо это понимала.

– Вы пришли незваными, но я не хочу войны, – её слова причиняли физическую боль, пульсируя в ушах. И вал схлынул, оставив меня в состоянии выброшенной на берег медузы. Такое впечатление, что все мышцы превратились в желе. Всё тот же Воропаев не дал мне упасть, помогая выпрямить-

ся и придерживая под локти.

– Чего вы хотите? – Антон вышел вперед, отвлекая внимание бабки от нас с Лешей.

– От вас – ничего. А с Альбиной хочу поговорить. Без свидетелей.

Положение патовое – если она снова ударит, противостоять сил не хватит. Но и снова идти к ней не хочется. Только все равно деваться некуда.

– Я пойду, но ты должна отпустить их, – колени ещё подрагивали, а вот голос оказался на удивление спокойным, даже сама удивилась. И не обратила внимания на возражения спутников. – Мне нужны гарантии.

Марьяна Никитична медленно и с чувством собственного достоинства спустилась по ступенькам, но ближе не подходила. Умная, зараза.

– Не я их сюда привела, не мне и решать их судьбу. Ты же понимаешь, что здесь вы слабее. И те обезьянки, которых вы по всему забору рассадили, сделать ничего не успеют. Но могут попытаться. Тогда с полным правом могу их искалечить. – Похоже, насчет «безуменки» я дала маху, это больше похоже на нормальный такой сдвиг по фазе. – Но ничего этого мне не нужно. Я хочу просто пообщаться с внучкой.

– Я пойду с ней, – Алексей развернулся так, что оказаться на линии между мной и бабкой.

– Нет, не пойдешь, – чуть потянула его руку, привлекая внимание. – Выведи отсюда людей. Позаботься о Юре и моей

матери. Пожалуйста.

– Одна ты тут не останешься.

Хороший мой, боюсь, выбора у нас. И придется выходить на открытое противостояние. Хотя, была одна идея, как сделать так, чтобы каждый получил своё, пусть и не в том виде, на который надеялся.

– Ладно, вы сейчас уходите. Все вместе. И что от этого изменится? – Бабка была не только спокойна, как удав, но и столь же хладнокровна. Да и с разумностью этого довода не поспоришь. Наш конфликт возник не вчера и от того, что сегодня разойдемся миром, все останется в той же заднице.

– Идите.

Воропаев внимательно посмотрел мне в глаза, дернул щекой, но все же нехотя кивнул. И ничего не сказал. Мне. А вот к Марьяне Никитичне повернулся и пару секунд не сводил взгляда. Даже почудилось, что она нервно вздохнула.

– Если через час Аля не будет стоять возле машины живая и невредимая, перебею ваш клан до третьего колена.

А потом развернулся и ушел.

Признаюсь честно, пару секунд смотрела ему в спину, разве что не открыв рот. Как-то не вязался такой геноцид с личностью Алексея. А там кто знает, может, здесь как раз справедливо изречение про омут.

По всей видимости, похожие мысли одолевали и бабку. Во всяком случае, вслед ему она смотрела с весьма кислым выражением лица. Хоть какое-то моральное удовлетворение.

– Идем.

Я молча поднялась по ступенькам, считая про себя секунды. Это здорово помогает, когда нужно отвлечься и не сорваться.

Страх, как такового, не было, но каждый нерв звенел натянутой струной.

Потому что от нынешнего разговора будет зависеть, как пойдет моя жизнь дальше. Всё равно тянуть дальше некуда, тем более что теперь под удар поставлена и моя мать. Пусть отношения у нас специфические, но и причинить ей зло не дам.

Родня продолжала сидеть колонией кукол, вызывая странное сочетание сочувствия и брезгливости. И стоило оно? Ведь для того, чтобы собрать единую силу клана, каждый его член должен дать согласие. Знать, что станешь просто телом, из которого выжали силу, как рассол из огурца.

Тем стыднее понимать, что и сама когда-то давно считала принадлежность к клану не ярмом, а привилегией. Гордилась тем, что Журавлева. Хорошо хоть время вышибло из головы лишнюю дурь, оставив только необходимую.

– Не обращай на них внимания, они нас не слышат, – бабка не стала снова проходить во главу стола, предпочитая обосноваться в кресле, но перед этим бросила мне на колени упаковку влажных салфеток. – Присаживайся, и поговорим, как взрослые люди.

Возражать не стала, и мы уселись лицом друг к другу.

Пару минут присматривались и едва ли не принохивались, пытаясь определить слабые места.

– Ты изменилась, – Марьяна Никитична как-то одновременно потеряла интерес к моему лицу и откинулась на подголовник. – Так понимаю, у тебя есть кое-какие вопросы. Спрашивай.

Вопросов у меня было великое множество, поэтому решила не терять время, тем более что его не так и много:

– Вы ведь в молодости потеряли дочь, ничего не ёкнуло, когда своими руками отбирали ребенка у моей матери?

– Нет, я тебе польстила – как была дурой, как и осталась, – ведьма только устало покачала головой, и я поняла, насколько она стара. Нет, лицо не покрылось морщинами, да и глаза остались такими же цепкими и блестящими. Но в этой почти идеальной картине благородного увядания было нечто страшное. И это разъедало её, делая невыносимо хрупкой и отталкивающей. – Твоя бабка тоже была идеалисткой. Поэтому и отделилась от клана, стала жить в городе. Надо было сразу её на место поставить, но жалко стало сестру. А не надо было жалеть, ни она, ни ты не знаете, как это – пройти обряд окончательной инициации.

– Зато моя мать знает.

– Да, она знает. Вот только понять, для чего это, так и не смогла. Посмотри на них, – она кивнула на родню. – Унылое зрелище, правда?

Едва ли не первый раз за последние годы я была с ней

согласна – что есть, то есть.

– Они сами это выбрали. У первых в роду выбора нет.

– Нет, – старая ведьма почти удовлетворенно кивнула. – Пока не поняла, что это и есть равновесие, со стороны и сама видела иначе. Для тебя это трагедия и бессмысленная жестокость. А для меня это способ сохранить род. Подумай, сколько детей выжило только потому, что их матери – ведьмы.

Помнится, был один деятель от политики, который утверждал, что процветанию конкретного государства мешает конкретный народ. И если его принести в жертву будущей идеальной цивилизации, люди только выиграют. Не удивлюсь, если «Майн кампф» у бабки настольная книга.

– А сколько от этого умерло? Они ведь не просто пропадают, не так ли? – Тишина была весьма красноречивым ответом. – Вы правы – мне этого не понять. И я не хочу даже пытаться это понимать.

– Можно подумать, мне хотелось терять ребенка! – Моё упрямство Марьяна Никитична не оценила и вскочила с кресла. – Семья это не только посиделки за столом, это ответственность, которую я несу. И которая потом перейдет на твою мать, а позже и на тебя. Одумайся, Альбина, пока не поздно!

– Поздно стало ещё четырнадцать лет назад, – я тоже поднялась, не видя смысла в продолжение разговора. – И да, кстати, я не могу иметь детей. Вообще.

Похоже, эта милая подробность бабке была неизвестна,

ну, или же она гениальная актриса, потому что пошатнулась вполне правдоподобно.

– Ты что наделала?!

– С чего вы взяли, что это из-за меня?

– Потому что тебя ещё в двенадцать лет обследовали вдоль и поперек! – Она сорвалась на крик, а потом с явным усилием замолчала. – Ты понимаешь, на что обрекаешь род?

– Да. Полностью. И это моё решение, менять которое не собираюсь. И становиться такой, – кивнула на тетку, замершую в напряженной позе, – не хочу. Лучше прожить шестьдесят лет, но человеком, чем сотню – убийцей детей.

Пока говорила, концентрировала силу, потому что бабкина аура становилась нехорошего оттенка. Похоже, не сговариваясь, занимались мы одним и тем же.

– Тогда выбора у меня просто нет.

О том, что в доме, помимо родни, была ещё и домработница, я позорно забыла. Как и том, что она не из нашего клана, сестра одного из теткиных мужей пожелала присоединиться к роду Журавлевых, пусть и в качестве прислуги.

Вспомнилось это, когда, резко обернувшись, увидела, что она замахивается каким-то дрыном.

Таки я была права, говоря Леше, что ни одна ведьма не устоит перед ударом по голове.

Вот и я не устояла, хотя дать застать себя врасплох два раза за сутки это уже реальный перебор.

«Я тебя породил, я тебя и убью!»

Н.В. Гоголь, «Тарас Бульба»

Интересно, час уже прошел или нет?

Это было первой мысль, второй же стало почти удовлетворение – таки предчувствия меня не обманывали.

Удовлетворение вдвойне спорное, раз очнулась в неизвестном помещении. И теперь, в отличие от прошлого раза, связанная. Можно сказать, испытала все грани удовольствия.

И с бабкиным утверждением, что я дура, соглашалась безоговорочно. Потому что только особа крайне недалекого ума поверит этой старой гюрзе.

Хорошо хоть связали меня весьма условно, к тому же руки за спину заводить не стали, поэтому, рискнув зубами, уже через пару минут растирала освобожденные запястья. Они не занемели, что говорило в пользу недолгой отключки, но надо же чем-то себя занять.

– Проходи сюда, раз очнулась.

Признаться честно, вздрогнула, услышав бабкин голос. Шел он откуда-то из глубины комнаты. Не мудрено, что рассмотреть сразу не смогла, ещё одна экономная на мою голову – пара свечей на сотню квадратных метров помещения это уже скупердяйство.

– Сколько прошло времени?

– Час на исходе. Голова сильно болит? – Беспокойство в голосе было таким неподдельным, что пришлось себя ущипнуть. Нет, все-таки не сплю.

– И что дальше?

Попытавшись обратиться к своей силе, поняла, что она при мне, но какая-то странная. Более насыщенная и, одновременно, заторможенная. Как будто новокаином обкололи.

– А дальше мне придется сделать то, ради чего сюда приходят, – она распрямилась, на секунду поморщившись. – Думаешь, ты первая, кто взбрыкнул?

– Уверена, что нет, – прощупав карманы, убедилась в отсутствии мобильного. Вот и верь после этого ведьмам, мало того, что оглушили, так ещё и обобрали. – Ты же помнишь, что я пришла сюда не одна?

– Помню. Вот только он тебя судил. И кто поручится, что ты не затаила зло? А потом и отомстила, причем, не только ему, но и его сыну. Поняла, что совершила, и покончила с собой. Да, дорогая, убить тебя мне придется.

Дальше слушать я не стала, сконцентрировав энергию на кончиках пальцев и...

Ничего не произошло.

Сила ощущалась, но не отзывалась. И это не было похоже на действие отвара. Это вообще ни на что из ранее мной испытанного не было похоже.

– Это святилище, здесь магия работает иначе. Более уз-

конаправленно, – она даже не вздрогнула, спокойно и даже расслабленно стоя в нескольких шагах от меня. – И ты опять не первая, кто пытается убить здесь главу клана. Не выйдет.

– Зачем тогда связали?

– Чтобы ты повозилась и не отвлекала меня.

– И чего же мы ждем?

Она на секунду прислушалась и растянула губы в улыбке, уже не дававшей усомниться в её невменяемости:

– Гостей. Он же обещал прийти за тобой, радуйся – твой любовник сдержал слово.

Стоило это произнести, как всё встало на свои места. Моя мать нужна была исключительно в качестве приманки. И приманки говорящей – она, сама того желая, заставила меня прийти сюда. Мы были не просто глупы, а бесконечно наивны, раз решили, что всё контролируем.

Ладно, силой я пользоваться не могу, но ведь двигаюсь всяко быстрее восьмидесятилетней старушки. Напасть на неё совсем не вариант, она аналог жрицы в этом месте, и ничего путного из попытки её убить не выйдет.

Вот только, стоило мне развернуться и рвануть в сторону предполагаемого выхода, как воздух не просто уплотнился, а стал, как кисель. А я себя ощутила мухой в янтаре.

– Не так быстро, – бабка закончила перемешивать в пиале нечто вонючее и подошла ко мне. – Знаешь, мне действительно жаль, но я вынуждена это сделать. У тебя огромный потенциал, у меня был намного меньше. И так нерациональ-

но им распорядиться...

Марьяна Никитична с досадой покачала головой, без страха отворачиваясь. Правильно, чего бояться, сделать что-то толковое я не могу. Разве что заболтать до полусмерти.

– И как вы объясните мою смерть клану?

– Очень просто. Ты же слышала про отречение?

Да, слышала. Более того, сама про него думала, сразу перед тем, как меня вырубили.

Ритуал этот был древним и нёс сакральный смысл – не просто исключение из семьи, а уничтожение любого упоминания об отступнике. Со мной такого не делали, ведь тогда я стану чужой клану, а это было невыгодно.

– Конечно.

– Так вот, слышать ты про него слышала, но знаешь не всё, – она одну за другой зажигала свечи, стоявшие на столе, и комната постепенно проступала из темноты.

Судя по отсутствию окон, это подвал. А там и черт его знает, наверняка не скажу.

– И вы решили меня убить под шумок, ведь потом даже имя отступника произносить нельзя?

Перспектива тухлая, помощники, которые вот-вот должны появиться, и вовсе обострят ситуацию до невозможности.

– Нет, это не понадобится. – Последняя толстая свеча у самой двери окрасилась каплей живого огня. – Сам по себе ритуал исключения из рода довольно простой, но есть одно «но».

– Как и всегда.

– Как и всегда. Чем сильнее тот, кого изгоняют, тем меньше шансов у него выжить. Ты не сможешь, точно говорю.

Замечательная перспектива.

Как же обидно признавать, что она меня переиграла... Но сдаваться раньше времени я не собиралась, пока жива, всегда есть возможность бороться. Просто у меня эта возможность сильно ограничена.

За разговором у меня получилось передвинуться на считанные сантиметры. Пока стою без движения, даже намек на чары нет, но стоит шевельнуться, как тут же давление многократно усиливалось, грозя раздавить.

– И чем это поможет клану?

– Смерть сильной ведьмы ничем роду не поможет, – шкрябнув ножками стула, она передвинула его ближе ко мне и устроилась ровно напротив. – Как и любая другая. Это всегда потеря, и я никогда им не радовалась. Но и оставлять тебя в живых нельзя, пока дышишь, вредишь нам намного больше, хотя бы самым фактом существования.

Я тоже была бы не прочь усесться, но пришлось стоять.

– Вы сейчас об Агате?

Марьяна Никитична скривилась, как от зубной боли.

– Нет. Тамарка сама виновата, нечего было спать с кем ни попадя, – она презрительно вздернула губу, разом утратив и привлекательность, и доброжелательность. – Ей подобрали идеального мужа, а она решила гульнуть... Дура! И ладно бы

просто спуталась с человеком, кто из нас без этого греха, а то умудрилась от него забеременеть. На дочери это почти не сказалося, а вот внучке аукнулось. Агатка девочка неплохая, только от ведьмы у неё одна родословная, силы – пшик, о таком и говорить стыдно.

Надо же, какие интимные подробности. Представляю, что пришлось вынести и выслушать тетя Тамаре. Жалеть я её не собиралась, но в душе невольно шевельнулось что-то похожее на сочувствие. Но очень слабо и сразу прошло.

– Ещё есть время исправить то, что ты натворила. Раньше такое уже бывало, и вместо ребенка приносили в жертву его мать. Надеюсь, и в этот раз сработает, раз уж классическим методом не получится, – она резко и довольно больно толкнула меня в грудь, заваливая на пол. От удара о твердые доски на секунду потемнело в глазах, но причину её торопливости прекрасно поняла – над нашими головами раздался топот. Значит, Алексей уже здесь.

Сконцентрировавшись и прикусив губу, чтобы не вскрикнуть раньше времени, я изо всех сил ударила старую ведьму ногами. Похоже, чары не давали только перемещаться по комнате, а брыкаться, не двигаясь с места, можно вволю. И то хлеб.

Она такой прыти явно не ожидала, потому, неловко охнув, отлетела на несколько метров. Небольшой кинжал, вид которого мне категорически не понравился, выпал из руки и, как живой, скользнул под стол.

– Уходите, это ловушка!!!

Заорала я так громко, как только смогла, и сама удивилась, что не ощущаю того давления. Рассуждать над причиной феномена времени не было, поэтому метнулась к Марьяне Никитичне, но старая зараза с неожиданной для возраста прытью отскочила в сторону.

Увы, мой вопль имел прямо противоположный эффект, и в дверь, которую смогла рассмотреть только сейчас, резво задолбились. Отвлекаться, чтобы открыть её, я не стала, не желая выпускать из виду Марьяну Никитичну. Как только она очухается, хреново станет нам всем. К счастью, хоть и не целилась, попасть умудрилась по ребрам, и ведьме, цветом лица напоминавшей перезрелый помидор, было немножко не до ворожбы. Но даже в таком состоянии приближаться к ней не рисковала, зато смогла достать кинжал. Небольшое утешение, и всё же лучше, чем с голыми руками.

Бабка потратила на восстановление дыхания всего несколько секунд, которых как раз хватило, чтобы дверь распахнулась.

Первым в комнату влетел рослый волк. Длинные лапы легко покрыли расстояние до ведьмы, вот только он не видел, что она держит в руке, а я не могла метнуть кинжал просто потому, что не умела этого делать.

– Стой!

Мой крик совпал со звуком выстрела, оглушительным рокотом прокатившимся по изолированной комнате, тут же

сменившись не менее оглушительной тишиной. В которой единственным звуком был слабый скулеж, сменившийся стоном.

Дальше начался ад.

Несколько человек закричали разом, но я видела только обнаженное тело, распростертое в паре метров от меня.

– Все назад, – голос бабки удивительным образом перекрыл общий гомон. – Кто шевельнется, того пристрелю, не думая.

Алексей, судорожно зажимавший голыми руками рану, резко поднял голову, и с губ сорвался звук, от которого даже у меня внутри заледенело. Чистый концентрированный ужас в одном негромком рыке.

Не обращая внимания ни на него, ни на мать, которая тоже не прислушалась к словам старой ведьмы и направилась к Воропаеву, я в два шага пересекла разделяющее нас пространство, опускаясь на колени.

– Тихо-тихо, хороший мой, дай помогу, – отодвинув Лешу, перехватила Юрину голову, устраивая её на своих коленях.

Лоб парня был холодным и липким, а лицо кривилось от боли. Но не это самое страшное – рана в центре груди была небольшой, но кровь лилась рекой. И когда парень попытался что-то сказать, запузырилась на губах, тонкой струйкой срываясь с уголка рта.

– Молчи, нельзя говорить, – я продолжала ласково гла-

дить его волосы, пытаюсь сообразить, что делать.

Он умирал.

Быстро и неотвратно жизнь вместе с кровью вытекала из тела, оставляя у моих ног оболочку, мышцы которой уже начинали сокращаться в агонии.

В мир силовых потоков ухнула, как в прорубь. Аура Юры пульсировала, постепенно теряя насыщенность, словно смазывалась, стираемая невидимым ластиком.

Попытки подхватить остатки биополя ничего не давали, оно расползлось у меня в руках ветхой тканью, зияя прорезами. Казалось, любая попытка стянуть края страшной раны только ускоряла конец. Пришлось усилить напор, и в какой-то момент решила, что мы поменялись местами.

Дикая боль разодрала грудь, заставив захрипеть, я мгновенно ослепла и оглохла, но не прекращала давить, не только вынуждая его пульс биться, но и латая разорванные сосуды и ткани.

Пуля прошла, не задев сердце, но повредила левое легкое и, что самое страшное, разорвала аорту. Внутреннее кровотечение была даже более сильным, чем наружное, оно сдавливало целое легкое, усиливая боль и не давая дышать. Хорошо хоть прошла навывлет, иначе не представляю, как смогла бы её вытащить.

Краем глаза отмечала происходящие рядом события, но осознать их не могла, сосредоточенная на одной цели.

Вдох и медленный выдох.

Не поперхнуться, глотая попавшую в горло кровь. Вытерпеть мучительную резь в груди, не отпустить, не дать сорваться в темноту.

Мало того, что потерять сознание третий раз за сутки это уже совсем сверх всякого приличия, если не справлюсь, Юра умрет. И было стимулом терпеть, сцепив зубы до ломоты в челюстях.

Пасс невидимыми руками, и ещё крошечный кусочек стенки артерии восстановлен. Но этого недостаточно, стоит мне сейчас оступиться, и придется делать все заново. Снова хлынет кровь, разрывая такие тонкие и ненадежные, но давшие таким усилием преграды.

Вдох и выдох.

Самым страшным было понимание того, что Юрино сердце не бьется. Оно перестало умирать, но ещё не было способно жить.

– Не приближайтесь и не отвлекайте, иначе не выживет ни он, ни она.

Голос раздался рядом, буквально над ухом, и я это понимала, но ощущение, что говорившая за сотни километров от меня.

Мама.

Значит, она жива, это хорошо.

Мысли текли лениво, с такой же обманчивой неспешностью пальцы пряли паутинку, вплетая в неё и часть меня, часть моей ауры. Иначе взять было неоткуда, в какой-то мо-

мент поняла, что брать силу извне не могу, что-то не дает.

Опять чары?

Кто знает...

Вдох-выдох.

Да и не хотелось ни оглядываться, ни слышать, это слишком отвлекает от главного.

Вдох-выдох...

Глава 21

Пик. Пик. Пик.

Какой же противный звук у аппарата искусственного дыхания... Наверное, специально таким сделали, чтобы у умирающего был дополнительный стимул поскорее прийти в себя. Или откинуть копыта.

Мысль эта была едва ли не единственной, вяло и неторопливо ворочающейся в голове. А голова тяжелая-тяжелая, к тому же болит так, что в любую секунду может лопнуть.

Мерзкий писк не унимался, и я попыталась повернуться, чтобы увидеть его источник. По-моему, он должен быть слева. Ни где нахожусь, ни как тут оказалась, вспомнить не смогла, что уже настораживало. Последним четким воспоминанием было лицо Леши, нагнувшегося надо мной. Он что-то кричал, смысла фразы не помню, но экспрессия была через край.

В воздухе ощутимо потянуло запахом копченой колбасы,

что только увеличило недоумение. Нет, в нашей любимой родине возможно все, но чтобы прямо в реанимации колбасу жрали...

Повернуться не получилось, разве что вяло шевельнуть рукой, поэтому пришлось открыть глаза. Перед ними немного плыло и мельтешило, зато почти сразу рассмотрела источник звука. И был это совсем не медицинский прибор.

– Мне тоже дай.

Голос получился на зависть любой змее, потому что горло саднило, а язык едва ворочался, и все же Юра, которого я узнала и со спины, подпрыгнув, резко обернулся. Бутерброд из разжавшейся руки упал на пол, а жаль – несмотря на легкую дурноту, есть хотелось зверски.

– Вы очнулись! – Он захлопнул наконец-то замолчавший холодильник и метнулся ко мне. Хотя метание его было немного затрудненным, а из-под белой майки-«алкоголички» проглядывали опоясывающие грудь бинты. Да и выглядел парень не совсем, чтобы цветуще – лицо несколько несвежего оттенка, под глазами залегли глубокие тени, к тому же скинул килограмм пять. При том, что и до этого особо упитанным не выглядел. – Как себя чувствуете?

Отвечать честно не стала, все-таки приличные дамы не ругаются, поэтому обошлась обтекаемым:

– Жива пока. Ты как?

– Также жив, – он машинально почесал грудь, после чего запоздало отдернул руку. У оборотней регенерация получше

человеческой, а значит, подживающие болячки уже начали всюю зудеть.

Стоп, тогда сколько я пробыла в отключке?

– Какой сегодня день? – Календаря в обозримом пространстве не наблюдалось. Скосила глаза на столик у кровати – мобильного тоже не видно. За это небольшое усилие расплачиваться пришлось болью в висках и шумом в ушах. Так скоро рассыплюсь на составные части от попытки покашлять.

Юру на пару секунд замялся, но все-таки ответил:

– Сегодня четверг.

Япона мать, это я что – шесть дней без сознания провела?!

Или...

– А месяц?

– Месяц тот же. И год – тоже.

– Слава Богу.

На большее уже не хватило, голод отступил, а веки налились свинцовой усталостью. Странно, но мозг при этом продолжал вполне себе сносно соображать, если, конечно, так можно обо мне сказать в принципе. Потому что лезть работать с тонкими материями в моем тогдашнем нестабильном состоянии это гарантированное самоубийство. Вся равно что голой рукой за провод под напряжением схватиться, а потом удивляться, когда тряхнуло.

Юра, заметив, что пациентка признаки жизни подавать перестала, пошебуршал ещё минутку, а потом вышел в ко-

ридор.

В рубашке парень родился. Потому что до сих пор не понимаю, как мне удалось не дать ему умереть.

Хотя нет, вру. Как это сделала, понимала, непонятно другое – почему сама жива осталась? Соединение аур в момент, когда один из участников такого союза находится при смерти, гарантированный приговор и для другого. Даже учитывая немалый ведьмачий потенциал, сил, чтобы вытащить его, у меня не должно было хватить. Но ведь смогла же.

Почему-то гордости за это не ощущалось. Честно говоря, сейчас вообще испытывала только дикую усталость и ломоту во всем теле. А ещё очень хотелось спать. Противиться этому желанию не стала, разве что, уже уплывая в мутное марево сна, с легкой обидой отметила, что Леши рядом не было.

В следующий раз пришла в себя от негромкого разговора совсем рядом. Шептались двое, обоих я без проблем узнала: Алексей и моя мама. Странный тандем.

– ... будет ещё продолжаться?

– Я не знаю. Твой сын сказал, что она приходила в себя, это хороший знак. Значит, организм постепенно справляется.

Кто-то заботливо поправил одеяло, надо сказать, зря – мне было и без того жарковато. То ли кондиционер в палате не предусмотрен, то ли меня опасались простудить, но духота стояла невероятная, я аж взмокла. Но продолжала спокойно лежать, симулируя сон – если спрошу о состоянии

здоровья напрямую, вряд ли скажут, чтобы не нервировать больную, а так есть шанс узнать правду.

– А как с её силой? – Леша сидел по другую сторону от меня, теперь различила это четко. Как и ощутила легкое поглаживание по пальцам.

– Нужно время, – тем не менее, сквозь неплотно сомкнутые ресницы смутно рассмотрела, как её руки плавно проходят вдоль моего тела, задержавшись чуть дольше на уровне груди. Не касаясь, ладони завершили неправильный круг и исчезли из поля зрения. – Аура не просто пострадала, её изодрало на куски, до сих пор не понимаю, как она смогла выжить после такого. Так что про восстановление дара речь пока не идет, справиться бы с последствиями.

Они оба замолчали, а я крепко задумалась. Похоже, слиянием биополей не ограничилось, я как-то умудрилась «подключить» Юру к себе, стягивая его раны за счет собственных жизненных сил. А он ещё заикался когда-то о презрении к вампирам, сам же только за счет вытягивания чужой энергии и выжил. Тогда понятно, почему мне так хреново.

Но главное, мы оба живы, пусть и немного потрепаны.

Затягивать с «пробуждением» не стала, с каждой минутой риск выдать себя все возрастал, поэтому пришлось изобразить пару сонных гримас, подергивание рукой, а потом уже и открывать глаза.

К моему удивлению, мамы рядом не оказалось. То ли она исчезла, пока я размышляла, то ли и вовсе была галлюцина-

цией. Хотя за первую версию говорил едва ощутимый аромат её духов. Зато Алексей сидел возле кровати, прожигая таким взглядом, что захотелось снова потерять сознание.

– Привет, – слова мне давались чуть легче, чем при первом пробуждении, но голос оставался сиплым.

– С возвращением, – несколько секунд пристального внимания, а потом он наклонился, прижимаясь лбом к моему лбу. – Не смей больше так делать.

О чем именно он говорил, я не поняла, но на всякий случай согласилась:

– Хорошо.

Не знаю, как выглядела сама, но фраза «краше в гроб кладут» была про Лешу. Резко углубившиеся морщины на землистого цвета лице сделали его старше. И губы бледные до синевы.

Хоть укладывай на соседнюю койку. Кстати, где мы?

Этот вопрос я ему и задала. Наверное, спросила что-то не то, раз он нахмурился. Но все-таки ответил:

– Ведомственная больница. Здесь с пониманием относятся к нестандартным пациентам.

А, значит, стационар для оборотней. Даже не знала, что у нас такой есть.

– Когда меня выпишут? – Спина затекла от долгого лежания, но когда попыталась встать, Алексей тут же прижал к кровати, слегка надавив на плечи. Зря, потому что поднималась я не для демонстрации живучести, а по самой неотлож-

ной надобности.

– Когда мы решим, что уже можно. И встанешь тогда же.

– Встать мне надо сейчас, а насчет остального подумаем.

Видимо, он понял, какая необходимость меня посетила, потому что взгляд стал задумчивым, словно решал какую-то сложную задачу. Чтобы облегчить принятие решения, сразу предупредила:

– Если предложишь принести «судно», на голову тебе его надену.

Чувствовала я себя паршиво, от правды не укроешься, но не до такой же степени.

Эти слова окончательно его убедили, что умирать не собираюсь, поэтому вместо того, чтобы согласиться и помочь встать, Леша внезапно крепко меня обнял и горячо прошептал на ухо:

– Ещё раз такое устроишь, сам тебя задушу.

Спасибо, родной, я тоже люблю тебя.

Пусть знаю о тебе слишком мало.

Например, не представляю, кто твои родители и живы ли они. Понятия не имею о некоторых аспектах жизни, зато точно знаю, что чай размешиваешь строго против часовой стрелки, когда зол, слушаешь старый рок, а во сне часто улыбаешься.

И пока этого вполне достаточно.

В течение следующих пары дней я ощутила себя почи-

шим генсеком – вся в цветах, а мимо идут экскурсии.

Ко мне по очереди прибегали все знакомые, потом зашел наш отдел в почти полном составе. Даже пришлось уточнить, на кого они оставили родные пенаты, а ну как там случится разгул правонарушителей? Смеющийся Славик заверил, что Воропаев в последние несколько дней навел такого шороху, что преступный элемент тихо сидит по домам и клацает зубами. После чего добавил, что явление это, конечно, прекрасное, но так можно дожидаться урезания зарплаты, да и вообще работать станет скучно. И попросил чаще, чем раз в год, умереть не пытаться. Шутник, блин.

Антон ограничился модным букетом из каких-то мелких, но очень ароматных цветочков, на запах которых слетелись все окружающие мошки. И надо было видеть, с каким удовольствием Леша запихивал этот веник в мусорный пакет. И мне избавление от насекомых, и ему радость.

Кстати, насчет «умереть» Славик не так уж приврал – как выяснилось, привезли меня сюда в состоянии клинической смерти. Второй раз сердце остановилось утром в воскресенье. Поскольку при мне неотлучно дежурили, успели откачать. А потом, когда попыток тихо отойти во сне больше не предпринимала, нас с Юрой поселили в одной палате, чтобы тот за мной приглядывал. Зачем это нужно, если рядом, сменяя друг друга, была мама или Алексей, я не особо поняла. Но первым же делом вытребовала ширму, слишком интимным выглядело такое соседство. Как ни старалась убе-

дить, что мне уже лучше, к тому же наблюдать, как они с Людмилой, поселившейся в соседней палате, воркуют круглыми сутками, надоело уже на следующий день, на все претензии медсестры и врачи только извиняющее улыбались и разводили руками. Мол, приказ сверху, а мы ничего сделать не можем, терпите. Утешалась только пониманием того, что страдала я не одна, Юра тоже высказывал недовольство, что приходится наблюдать за тем же действием только в исполнении собственного отца. Ему тоже улыбались и так же разводили руками. В конце концов, единым фронтом удалось убедить это «сверху» расселить нас по разным комнатам. Хотя почти всё свободное время продолжали проводить втроем – практикант, время стажировки которого уже почти закончилось, старался не выпускать меня из виду, Людмила прикипела душой и телом к Юре, а я, к собственному удивлению, начала тяготиться одиночеством. Поэтому их компании была рада, хотя иногда хотелось накрыться подушкой и посидеть полчасика в тишине и покое.

Усугублялось это тем, что восстановление шло медленнее, чем хотелось бы. Нормально встать на ноги смогла только к вечеру, и то больше ковыляла, чем шла. За спиной маячила целая группа поддержки, готовая подхватить в любой момент, чем неимоверно раздражала. Да и вообще характер от долгого сидения взаперти неуклонно портился, но окружающие терпели. Некоторые из последних сил, это я поняла, когда медсестричка так загнала в ягодицу иголку, что потом

полдня нога волочилась, как парализованная.

Поговорить с мамой получилось только через несколько дней. Узнав о смерти Марьяны Никитичны, я не порадовалась, но и выражать лицемерную скорбь тоже не стала. Она причинила много горя как мне самой, так и остальной родне, но не нам её судить. Да теперь это уже и не важно. И о причине смерти спрашивать не стала. Хотя мама вскользь упомянула что-то о сердце. Надо думать, в официальном заключении напишут или инфаркт, или острую сердечную недостаточность, вряд ли кто-то захочет упоминать о том, что сердце просто вырвали.

А перед глазами проплывали смутные воспоминания, как Марьяна Никитична пытается следующим выстрелом убить Лешу. И матерый зверь с тронутой сединой шерстью бросается на старую ведьму. Крики... Или они мне привиделись? Я была не в том состоянии, чтобы здраво оценивать окружающую обстановку, но не могло мне все это почудиться. И даже если все произошло именно так, я не виню Алексея, он сделал то, что должен был сделать, чтобы защитить нас.

– Тебя больше не тронут, побоятся связываться со мной, – мама была бледна, и серый шелк строгого платья это подчеркивал. Должность главы клана обязывала выглядеть предстательно и дорого, и я в очередной раз порадовалась, что эта честь пройдет мимо меня. – Все равно первое время лучше быть осторожной. О том, чего стоит сила нашей семьи, знали немногие, но лучше не рисковать.

Уж чего-чего, а подставляться только из желания узнать, все ли знающие поддерживают позицию моей матери, я не собиралась. Слишком дорого далась свобода.

– Кто-то оспаривает твое право быть главой семьи?

– Нет. Ты единственная, кто мог бы это сделать, остальные намного слабее.

Тихий звук шагов был единственным шумом, сопровождавшим нашу прогулку. Коридор казался вымершим, что и не удивительно – обычных пациентов здесь не было, а паранормалы исцеляются достаточно быстро и не стремятся торчать неделями в стационаре.

– Я ведь полностью выжгла дар?

Она остановилась, не дойдя до поста несколько метров, и повернулась ко мне. В принципе, отвечать уже не имело смысла, и по глазам понятно.

– Шанс есть, но он мизерный, – мама сделала движение в мою сторону, словно хотела обнять, а потом остановила себя. Слишком уж за эти годы въелись в нас меры предосторожности, если даже сейчас, когда опасности нет, и нас никто не видит, побоялась проявить чувства. – Прости, что не сберегла тебя.

– Нет, мам, ты меня как раз сберегла. А дар... Ты сильно расстроишься, если скажу, что это к лучшему? Наверное, я плохая ведьма, потому что мне нравится быть обычным человеком.

Она все-таки притянула меня к себе, и холодная ткань

платья приятно мазнула по щеке:

– Мне все равно, какая ты ведьма, я просто хочу, чтобы мой ребенок был счастлив. За вас обеих.

– Я постараюсь, – мне тоже было неуютно, хотя и очень хотелось подольше вот так постоять. Но послушно отлипла и сделала шаг назад.

– И не глупи с этим волком, он очень достойный мужчина. Что даже странно, учитывая, за кого ты обычно выходишь замуж.

Маму послушать, так под венец я бегаю, минимум, раз в месяц.

– Кстати – надеюсь, ты написала заявление, что не имеешь никаких претензий по поводу произошедшего? – Раз уж упомянули Алексея, уточнить это будет не лишним, проблем наш демарш вызвал целый ворох.

– Да, конечно. Полностью замять дело вряд ли получится, слишком уж громко вышло, но через пару месяцев страсти улягутся.

Что полностью замять дело не выйдет, я уже поняла, Леше два дня назад дали новое звание – подполковник. Если учесть, что до этого он был полковником, достижение сомнительное. Похоже, не быть мне генеральшей. Хотя он меня вообще в жены не звал, так что не быть мне ею вдвойне.

Распрощались мы с мамой в том же коридоре – мне строго-настрого запретили шастать по больнице в одиночестве. Из чистого упрямства запрет хотелось нарушить, но здравый

смысл всё-таки победил.

Ай, черт, забыла спросить, как там Полосатая!

Кошку вместе с выводком временно приютила родительница, Леша же клятвенно уверял, что мои огурцы поливает. Хотя и честно признался в нелюбви к прополке, значит, сорняки заколосились. От этого ещё сильнее тянуло домой, пусть и понимала, что сил на стояние в грядке попой кверху нет вообще.

– Меня завтра выписывают, – Юра сосредоточенно смотрел в карты, делая вид, что совсем не косится в сторону отбоя. Хоть козырной король и лежал рубашкой кверху, искушал от этого не меньше. Поэтому несколько секунд назад я его и стащила, воспользовавшись моментом, когда парень отвлекся на Людмилу. Она сидела рядом в кресле, неумело щелкая спицами и путаясь в пряже. Судя по тому, в каком темпе проходило освоение вязания, пинетки будут готовы как раз к тому времени, когда ребенок пойдет в детский сад.

«Молодожены» всюду ходили вместе, и мне было даже немного завидно. Самую чуточку, но все же. Алексей старался навещать как можно чаще, но полностью забросить дела и два дома не мог. С практической точки зрения я это прекрасно понимала и одобряла, но чисто по-женски хотелось внимания и участия. Чего-то такой сентиментальной и обидчивой становлюсь, не к добру это.

– Отчет по практике готов? – Убедившись, что и без ворованного короля вполне отобьюсь и, если не организую «погоны», то точно не проиграю, я ждала момента, чтобы скинуть карту обратно в отбой. Нечего расстраивать противника, и уж тем более давать заподозрить себя в попытке смухлевать.

– Да, осталось только распечатать.

– Принесешь, подпишу.

Со стороны кресла донеслось тихое, но прочувствованное чертыханье. То ли петлю упустила, то ли изначально сосчитала неправильно. Юра улыбнулся расстроенной вязальщице, а я снова вспомнила разговор с мамой. Вот интересно, как отреагирует парочка, если скажу, что недомогание Людмилы это банальный токсикоз, и им вполне можно разбредаться на несколько дней без риска для здоровья? Потому что родительница категорично заявила, что все признаки говорят в пользу девочки. И мало того, что девочки, так ещё и ведьмы... Ладно, не буду портить момент предвкушения, пусть это станет сюрпризом. Заодно и привыкнут постоянно быть вместе, все же просто встречаться это совсем не то, что совместное проживание.

Но Юра не угадал – выписали его не на следующий день, а в этот же вечер. С чем бы ни была связана такая спешка, она его только порадовала, я же пыталась изобразить приветливую улыбку, хотя на душе было поганенько. Стыдно признаваться, но было банально страшно оставаться одной на ночь в палате. Никогда не думала, что к сорока годам стану такой

неврастеничкой. Или это утрата сил так влияет, или просто всё достало.

Алексей приехал уже затемно и, быстро поцеловав, принялся деловито сдвигать кровати. Протестовать я и не собиралась, разве что на пару секунд задумалась, кто из нас с грохотом провалится в расщелину между матрасами и тем самым вызовет крайне неурочный визит дежурной медсестры?

К удивлению и, сказать честно, разочарованию, злостно совращать меня не стали. Уложили под теплый бок, обняли и засопели в макушку. И хотя ещё пару минут назад думала, как бы поделикатнее намекнуть, что нынче не до секса, даже стало обидно. В конце концов, что за манкирование обязанностями?! Но Леша в очередной раз поломал всю игру, прошепав на ухо:

– Я поговорил с врачами, они обещают завтра отпустить домой. Но только под обещание постельного режима и мою личную ответственность.

Недовольство разом сгинуло, стоило мне только представить, как уже через несколько часов уберусь из опостылевшей палаты.

– Буду вести себя хорошо, честно-честно! А на работу когда можно? – Не то, чтобы туда со страшной силой тянуло, и все равно скучала. Да и пора совесть реанимировать, зарплату платят исправно, а вот толку от меня в последнее время чуть.

– Тебя ещё не выписали, а уже про работу, – он хмыкнул

мне в затылок, я поежилась от легкой щекотки. – Когда нормально восстановишься, тогда и выйдешь, не раньше.

Мимо палаты кто-то прошел, и мы замерли, как мыши под веником. Взрослые люди, а таимся, как школьники.

– Леш, нормально я уже не восстановлюсь. Выгорела.

Раньше мы об этом не заговаривали, хотя оба знали. И если Алексей не был уверен, то я понимала – всё. После такого не получится. Да, работать смогу, умения видеть и чувствовать силу отнять невозможно, но во всем остальном теперь полный ноль. От этого было страшно.

Пусть больше десяти лет прожила, практически не применяя дар, зато знала, что в любой момент могу это сделать. Сейчас же ощущала себя будто голой на холоде. Ещё не окончила, но подмораживает чувствительно.

Он молчал несколько минут, уже подумала, что задремал, когда Леша сильно, на грани боли стиснул мне плечи. А потом медленно отпустил, словно заставляя себя разжать руки.

– Я так тебя и не поблагодарил за Юрика.

Глупый, можно подумать, я не видела, как он на меня смотрел все это время. Как на икону. И это тоже подбешивало, не нужна мне благодарность, совсем другого хочется...

– Ну, и дурак. – Такой резкий поворот разговора его явно удивил. Леша даже приподнялся, опираясь на локоть и заглядывая в лицо. – Юра это как ты, только не ты лично.

Тьфу, объяснила, называется.

Но как более внятно и доступно объяснить, не знала. Как

увидела его помертвевшие глаза, когда понял, что сын умирает. Алексей, наверное, и сам тогда ещё не полностью все осознал, а мне стало ясно, что это будет удар, от которого он вряд ли когда-нибудь оправится. Нет, внешне будет почти таким же, большинство и не заметит разницы, только изнутри его ежедневно будут жрать боль и чувство вины. Это ведь он его привез, уступил... И не смог защитить. Для родителей дети всегда остаются несмышлеными и почти беспомощными. Пусть этому дитяtku уже за двадцать, и он скоро сам станет отцом, не важно.

Да и не будь этого, все равно бы полезла, потому что это Юра. Даже не будь у меня отношений с его отцом, парень перестал быть чужим. И это странно, если вдуматься, я же его знаю чуть больше месяца. А Лешу и того меньше.

– Выходи за меня замуж.

От такого перехода даже слегка опешила.

– Надеюсь, это не потому, что я спасла твоего сына? – Хоть умом и понимала, что благодарность имеет разумные пределы, но уточнит лишним не будет.

– Вот видишь, мы с тобой идеальная пара – я дурак, и ты не умнее, если спрашиваешь.

Что и говорить, в таких изысканных выражениях меня к алтарю ещё не звали.

– Договорись, сейчас возьму и соглашусь. – В конце концов, четвертый раз это не первый. Если посчитать и визиты, когда разводиться ходила, так вообще получается, что

я там завсегда тай.

– Вот и правильно.

Диалог получался до того странный, что минуту терпела, а потом все-таки начала хихикать. Судя по тому, как затряслись Лешкины плечи, он мой порыв поддержал.

– Кто ж так предложение делает? – Отсмеявшись, улеглась на спину, рассматривая тени, пробегающие по потолку, когда мимо больницы проезжали машины.

– Главное, ты согласилась, остальное уже детали.

Судя по пристальному вниманию, с которым Алексей рассматривал вырез ночнушки, развратные мысли его таки одолевали. Но прежде, чем осквернить больничное ложе, все-таки решила уточнить:

– Леш. Насчет детей я тогда не шутила. – Наверное, это был первый раз, когда в полной мере пожалела о том своем решении, но он имеет право знать об этом до того, как станет моим законным мужем.

– Я понял, – он смотрел серьезно, но без налета трагичности, что уже хорошо. – Если ты захочешь, можем усыновить ребенка. Только это должен быть кто-то из наших. – Да, иначе будет трудно объяснить, с чего это приемный отец раз в месяц пропадает на полночи, а потом моется противоблошиным шампунем. – Что касается своих детей... Я любил Юркину мать. И люблю тебя. Поэтому не хочу, чтобы ты рисковала. Можешь считать меня трусом, но я боюсь, что все может повториться.

Если скажу, что ревность не кольнула едва ощутимой иголкой, совру. И даже стало немного стыдно перед давно умершей женщиной, с которой меня роднит любовь к одному мужчине. Зато стало понятнее, почему Леша так реагирует на Антона, этот-то жив.

Но и считать трусом точно никогда не буду, поэтому сказала единственное, что пришло в голову:

– Я тоже тебя люблю.

И когда засыпала часа через полтора, никак не могла выбросить этот разговор из головы, хотя и старалась не ерзать, чтобы не разбудить уснувшего Лешку.

Все-таки начинать отношения в двадцать лет намного проще. Ума-то ещё нет, чего там размышлять и пережевывать...

Зато поняла кое-что.

У меня больше нет силы, и хотя по природе своей остаюсь ведьмой, по сути же – обычный человек, и с этим надо учиться жить.

У меня нет своих детей, и их уже не будет.

У меня собачья работа, требовательный начальник и коллеги-язвы.

Родня – сборище змей разной степени ядовитости.

А ещё у меня будет уже взрослый пасынок, и – о, ужас! – к следующей зиме стану бабкой.

И при всем при этом я счастлива. Вот в этот самый момент и с этим самым мужчиной.

АМИНЬ.